

Морис Дрюон
Французская волчица. Лилия и лев (сборник)
Серия «Проклятые короли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11656543
Французская волчица ; Лилия и лев / Морис Дрюон: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57761-3

Аннотация

В трагическую годину История возносит на гребень великих людей; но сами трагедии – дело рук посредственностей. Прошло полгода после кончины Филиппа Красивого. При его правлении Франция была великой державой. Но сын Железного короля Людовик X – монарх слабый и неумелый, и вот уже мятежные бароны сеют смуту в провинции, чиновники разворовывают государственную казну. В стране голод. Но, возможно, это всего лишь сбывается проклятие Великого магистра ордена тамплиеров.

Содержание

Французская волчица	5
Пролог	5
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	19
Глава III	30
Глава IV	37
Глава V	45
Глава VI	51
Часть вторая	62
Глава I	62
Глава II	71
Глава III	76
Глава IV	79
Глава V	81
Глава VI	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91
Комментарии	

Морис Дрюон

Французская волчица.

Лилия и лев (сборник)

Maurice Druon
LA LOUVE DE FRANCE
© 1957 by Maurice Druon
LE LIS ET LE LION
© 1959 by Maurice Druon

© Ю Дубинин, перевод с французского, 2012
© Н. Жаркова, перевод с французского, 2012
© Л. Ефимов, перевод с французского (комментарии), 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Французская волчица

*Французская волчица, чьи клыки остервенело вгрызаются
во чрево твоего увечного супруга.*

Томас Грей

Я хочу еще раз выразить горячую признательность Пьеру де Лакретелю, Жоржу Кесселю, Мадлен Мариньяк за ценную помощь, которую они оказали мне во время работы над этим томом; хочу также выразить свою благодарность бригадному генералу Л. Ф. Е. Уайлеру, кавалеру «Ордена Бани» 3-й степени, кавалеру «Ордена Британской империи» 2-й степени, майору и коменданту-резиденту Лондонского Тауэра, который направлял меня при изучении этого монумента, равно как и м-ру Дж. А. Ф. Томпсону из Оксфордского Бэлиол-колледжа, который любезно согласился проконтролировать главы, касающиеся истории Англии; и как всегда поблагодарить работников Национальной библиотеки и Национальных архивов за необходимое содействие моим изысканиям.

М. Д.

Пролог

...И предсказанные кары, проклятия, брошенные с высоты костра Великим магистром Ордена тамплиеров, лавиной обрушивались на Францию. Судьба сражала королей, словно шахматные фигуры.

После Филиппа IV Красивого, внезапно унесенного смертью, после его старшего сына Людовика X, отравленного через полтора года, казалось, его второго сына Филиппа V ожидало долгое царствование. Но прошло шесть лет, и Филипп V в свою очередь скончался, не достигнув тридцатилетнего возраста.

Остановимся на этом царствовании, которое по сравнению с последовавшими за ним драмами и потрясениями кажется затишьем перед бурей. Тусклое царствование, подумает тот, кто, рассеянно перелистывая историю, не замечает крови, остающейся на пальцах. А на самом деле... Посмотрим же, какова бывает жизнь великого властителя, против которого ополчается сама судьба.

Ибо Филипп V Длинный был великим монархом. Пуская в ход силу и коварство, законы и преступления, он еще молодым захватил трон, бывший предметом многих честолюбивых вождедений. Вспомним запертый в соборе конклав, взятый приступом королевский дворец, навязанный Франции закон о престолонаследовании, подавленный после десятидневного похода мятеж в провинции, брошенного в темницу знатного сеньора, убитого в колыбели младенца-короля (по крайней мере, так считали) – вот этапы его стремительного шествия к власти.

Январским утром 1317 года, выйдя под звон колоколов из Реймского собора, второй сын Железного Короля мог считать себя победителем, призванным возродить великие политические замыслы отца, которыми восхищался сын. Вся семья вынуждена была склониться перед Филиппом. Бароны были усмирены, парламент находился под его влиянием, и зажиточные горожане восторженно приветствовали его, радуясь тому, что вновь обрели сильного государя; с его супруги Жанны было смыто пятно позора Нельской башни; после рождения сына появился продолжатель рода; наконец, коронация облакала его незыблемым величием.

У Филиппа V было все для того, чтобы наслаждаться относительным счастьем королей, все, вплоть до мудрого стремления к миру, благо коего он так высоко ценил.

Спустя три недели умирает сын. Это был единственный его отпрыск мужского пола, и королева, ставшая к этому времени бесплодной, не смогла родить ему другого.

В начале лета на страну обрушился голод, усеявший города трудами.

Вскоре после этого над всей Францией пронесся вихрь безумия. Какой-то слепой, полумистический порыв, смутные мечты о святости и приключениях и вместе с том крайняя нищета, неистовая жажда уничтожения побудили внезапно деревенских юношей и девушек, пастухов, гуртоправов и свинопасов, мелких ремесленников, прях, преимущественно в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, покинуть свои семьи и деревни и, босыми, без денег и еды, объединиться в бродячие банды. Предлогом для этого стихийного исхода послужила некая туманная идея крестового похода.

На самом же деле истоком этого безумия был Орден тамплиеров или, вернее, то, что от него осталось. Многие бывшие члены Ордена, прошедшие через тюрьмы, судилища, пытки, отступившиеся в страхе перед дыбой и зрелищем костров, на которых жгли их братьев, наполовину потеряли рассудок. Жажда мщенья, еще свежая память об утраченном могуществе и обладание тайнами черной магии, почерпнутыми на Востоке, сделали их фанатиками, тем более грозными, что скрывались они под смиренным одеянием писцов или блузой поденщиков. Они вновь объединились в тайное общество и повиновались таинственно передававшимся приказам никому не известного Великого магистра, который заменил прежнего Великого магистра, сожженного на костре.

В одну из зим именно эти люди, внезапно превратившиеся в деревенских проповедников, подобно пресловутому крысолову рейнских легенд, увлекли за собой молодежь Франции. Если верить им – в поход на святую землю. Меж тем их истинною целью было разрушить королевство и уничтожить папство. И папа и король были равно бессильны перед этими рассыпавшимися по дорогам ордами одержимых, перед этими человеческими реками, в которые вливались все новые и новые ручьи, будто кто-то околдовал землю Франции, Нормандии, Бретани, Пуату.

Десять тысяч, двадцать тысяч, сто тысяч; пастухи все шли и шли к каким-то таинственным сборным пунктам. К их толпам присоединялись священники-расстриги, монахи-веротступники, разбойники, воры, нищие и гулящие девки.

Перед этой разгульной и распутной лавиной молодых пастушков несли святой крест. Сотни тысяч путников в лохмотьях, входя в какой-нибудь город, чтобы попросить там милостыню, не задумываясь, пускали его на поток и разграбление.

И преступление, которое поначалу лишь сопровождает кражу, становится потребностью порочной природы. Пастухи опустошали Францию в течение целого года, действуя даже с какой-то последовательностью, несмотря на беспорядок, царивший в их рядах, и не щадили ни храмов, ни монастырей. Париж с ужасом увидел, как эта армия грабителей заволокла его улицы. Король Филипп V из окна своего дворца призывал их к умиротворению. Они требовали от короля, чтобы он возглавил их поход. Взяв штурмом Шатле, они убили прево, разграбили аббатство Сен-Жермен-де-Пре. Затем новый приказ, столь же таинственный, как и тот, который собрал их, бросил их на дороги Юга. Парижане еще дрожали от страха, а пастухи уже запрудили Орлеан. Святая земля была далеко, и их неистовство испытали на себе города и провинции – Лимож, Бурж, Сэнт, а также Перигор, Бордо, Гасконь и Ажене.

Иоанн XXII, обеспокоенный приближением мятежной волны к Авиньону, пригрозил отлучить от церкви этих лжекрестоносцев. Но им нужны были жертвы, и они набросились на евреев. Тут жители городов, приветствуя кровавые погромы, стали брататься с пастухами. Были разгромлены гетто Лектура, Овилара, Кастельсаразэна, Альби, Оша, Тулузы;

в одном месте сто пятнадцать трупов, в другом – сто двадцать два... Не было города в Лангедоке, где обошлось бы без погрома. Евреи Верден-сюр-Гаронн сначала бросали, словно метательные снаряды, своих собственных детей, а затем перерезали друг друга, чтобы не попасть в руки одержимых. Тогда папа своим епископам, а король своим сенешалям приказали защитить евреев, в торговле коих они были заинтересованы. Графу де Фуа, подоспевшему на помощь сенешалю Каркассона, пришлось вести настоящее сражение, во время которого тысячи пастухов, отброшенных в болота Эг-Морта, погибли под ударами мечей и копий, были засосаны трясинной или утонули. Земля Франции пила свою собственную кровь, пожирала свою собственную молодежь. Духовенство и сановники королевства объединились, преследуя тех, кто уцелел. Перед беглецами закрывали ворота городов, им отказывали в пище и ночлеге, их загоняли в глухие ущелья Севенн; пленников вешали на деревьях гроздьями по двадцать, тридцать человек. Мелкие банды продолжали бродить по стране еще около двух лет, проникали даже в Италию.

Франция, ее кровь и плоть, были поражены недугом. Едва положили конец неистовству пастухов, как началось безумие прокаженных.

Были ли виноваты эти несчастные с изъеденным болезнью телом, с лицами мертвецов и культяпками вместо рук, эти люди, заточенные в зараженных лепрозориях, где они плодились и множились, откуда им разрешалось выходить лишь с трещоткой в руках, были ли они действительно повинны в заражении вод? Ибо летом 1321 года источники, ручьи, колодцы и водоемы во многих местах оказались отравленными. И народ Франции в этот год задыхался от жажды на берегах своих полноводных рек или же пил эту воду, с ужасом ожидая после каждого глотка неминуемой смерти. Не приложил ли тут свою руку все тот же Орден тамплиеров, не он ли изготовил странный яд, в состав которого входили человеческая кровь, моча, колдовские травы, головы ужей, толченые жабы лапки, кощунственно проколотые просфоры и волосы развратниц, яд, которым, как уверяли, и были заражены воды? Или, быть может, тамплиеры толкнули на бунт этих проклятых богом людей, внушив им, как признали под пыткой некоторые прокаженные, желание погубить всех христиан или заразить их проказой?

Бедствие началось в Пуату, где в это время находился король Филипп V. Оно быстро охватило всю страну. Жители городов и деревень бросились на лепрозории, чтобы перебить больных, внезапно ставших врагами общества. Щадили только беременных женщин и матерей, да и то лишь до тех пор, пока они кормили своих младенцев. Затем и их предавали сожжению. Королевские судьи покрывали в своих приговорах эти массовые убийства, а знать даже выделяла для их свершения своих вооруженных людей. Затем снова принялись за евреев, которых обвиняли как соучастников какого-то чудовищного, но непонятного заговора, вдохновленного, как уверяли, мавританскими королями Гранады и Туниса. Казалось, Франция, принося эти неисчислимые человеческие жертвы, пыталась утишить свои тревоги, избавиться от страхов.

Ветер Аквитании был насыщен зловещей гарью костров. В Шиноне евреи всей округи были брошены в огромный, объятый пламенем ров; в Париже они были сожжены на том самом злосчастном острове, который носил их имя, напротив королевского дворца, как раз там, откуда Жак де Моле бросил свое роковое проклятие.

И король умер. Он умер от горячки и мучительной болезни, которой заразился в своем удельном владении Пуату и которая поразила его внутренности; он умер, выпив воды из французских рек, отравленной людьми французской земли.

Целых пять месяцев он угасал в ужасных страданиях, изнуренный, похожий на скелет.

Каждое утро он приказывал открывать двери своей опочивальни в аббатстве Лонгшан, куда велел перевезти себя, и разрешал всем прохожим подходить к своему ложу, и говорил им: «Смотрите, вот король Франции, ваш верховный суверен, самый несчаст-

ный человек во всем своем королевстве, ибо не найдется ни одного среди вас, с которым я не поменялся бы своей участью. Смотрите, дети мои, на своего государя и обращайтесь всем сердцем к богу, дабы уразумели вы, что все смертные лишь игрушки в его руках».

Его останки были погребены рядом с прахом предков в Сен-Дени на другой день после праздника богоявления, 7 января 1322 года, и никто, кроме жены, не оплакивал его.

А меж тем он был весьма мудрым правителем, заботившимся о государственном благе. Он объявил весь королевский домен, то есть собственно Францию, единым и неделимым; он унифицировал монеты, меры и веса, перестроил судебную систему с тем, чтобы правосудие отправлялось с большей справедливостью, запретил совмещать несколько государственных должностей, закрыл прелатам доступ в парламент, учредил особый надзор над финансами. Он предпринял также дальнейшие шаги по раскрепощению крестьян; ему хотелось полностью искоренить крепостничество в своем государстве, он желал править «подлинно свободными» людьми, такими, как их создала природа.

Он не поддавался соблазну войны и упразднил многие гарнизоны внутри государства, усилив пограничные посты, при всех обстоятельствах предпочитал выторговывать мир, лишь бы избегать бессмысленных военных походов. Но он родился слишком рано, и народ еще не осознал, что за справедливость и мир стоит платить столь высокую цену, и не понял, почему король так настойчиво добивался поддержки народной. Люди спрашивали: «На что шли доходы, десятины и ежегодные сборы, кредиты ломбардцев и евреев, если количество подачек сократилось, ристалищ не устраивали, зданий не возводили? В какую же прорву все это ухнуло?»

Знатные бароны внешне смирились и нередко перед лицом крестьянских волнений волей-неволей сплачивались вокруг суверена, но терпеливо ждали своего часа, чтобы взять реванш. Удовлетворенным взором они наблюдали за агонией своего молодого короля, так им не полюбившегося.

Филипп V, опередивший свое время, был одинок и так и ушел непонятым.

После него остались лишь дочери; закон о престолонаследовании, который он издал себе на пользу, исключал женщин из числа претендентов на трон. Корона досталась его младшему брату Карлу де ла Маршу, не блещущему умом, зато блещущему красотой. Всемогущий граф Валуа, граф Робер Артуа, вся родня Капетингов и крамольные бароны вновь торжествовали. Наконец-то можно снова разглагольствовать о крестовом походе, вмешаться в интриги Империи, наживаться на курсе золота и с усмешкой наблюдать за трудностями, переживаемыми Английским королевством.

А в Англии легкомысленный и незадачливый король, находящийся в плену любовной страсти к своему фавориту, вел борьбу с баронами, епископами и тоже обагрят землю королевства кровью своих подданных.

Там в постоянном страхе за свою жизнь влачила долгие дни, дни униженной женщины и поруганной королевы, дочь французского короля и плела паутину заговора, желая спасти себя и отомстить своим недругам.

Казалось, Изабелла, дочь Железного Короля и сестра Карла IV Французского, принесла с собой на тот берег Ла-Манша проклятие тамплиеров...

Часть первая От Темзы до Гаронны

Глава I «Из Тауэра не бегут...»

Чудовищно огромный, размером чуть не с гуся ворон, черный и переливчатый, прыгал перед окошком. Иногда ворон останавливался, опустив крылья, и прикрывал веком круглый глаз, будто сморенный дремотой. Потом вдруг вытягивал клюв, стараясь угодить в человеческий глаз, блестящий за решеткой окошка. Эти серые глаза, отливавшие кремнистым блеском, казалось, неудержимо притягивали птицу. Но узник был проворен и всякий раз успевал увернуться. Тогда ворон снова принимался расхаживать перед окошком, передвигаясь короткими тяжелыми прыжками.

Потом наступала очередь узника. Теперь уж он высовывал из окошка большую красивую руку с длинными сильными пальцами и потихоньку вытягивал ее вперед, затем рука замирала и, бессильно лежа в пыли, походила на обломанную ветвь, а на самом деле лишь ждала минуты, чтобы схватить ворона за шею.

Но несмотря на свою величину, птица тоже была подвижной – с хриплым карканьем она отскакивала в сторону.

– Берегись, Эдуард, берегись, – говорил человек за решеткой. – Рано или поздно я тебя все равно придушу.

Ибо он нарек зловещего ворона именем своего врага – короля Англии.

Вот уже полтора года продолжалась эта игра, полтора года ворон старался выклевать глаза узнику, полтора года узник пытался задушить черную птицу, полтора года Роджер Мортимер, восьмой барон Вигморский, знатный сеньор Уэльской марки и бывший наместник короля в Ирландии, находился вместе со своим дядей Роджером Мортимером лордом Чирком, бывшим наместником Уэльса, в заточении в одном из каменных мешков Тауэра. Обычай требовал, чтобы заключенных столь высокого ранга, принадлежащих к древнейшей знати королевства, содержали в более или менее пристойном помещении. Но король Эдуард II после победы, одержанной им в битве под Шрусбери над мятежными баронами, двух своих пленников Мортимеров приказал содержать в тесной темнице с нависшим потолком, куда свет проникал лишь в окошко, расположенное вровень с землей; само же узилище находилось в новом здании, недавно построенном по желанию Эдуарда справа от колокольни. Вынужденный под давлением двора, епископов и даже народа заменить пожизненным заключением смертную казнь, к которой по его приказанию приговорили Мортимеров, король надеялся, что эта губительная для человека дыра, этот погреб, где узник упирался макушкой в потолок, с успехом заменит палача.

И в самом деле, если тридцатишестилетний Роджер Мортимер Вигморский сумел выжить в этой темнице, то полтора года, проведенные в каменном мешке, куда через окошко вползал туман, где во время дождей по стенам струилась вода, а в жаркие месяцы стояла удушающая жара, сломили старого лорда Чирка. Старший Мортимер, облысевший, потерявший все зубы, с распухшими ногами и скрюченными ревматизмом пальцами, почти не покидал дубовой доски, служившей ему ложем, а племянник его с утра устраивался у окошка, устремив взор к свету.

Шло второе лето их заточения.

Вот уже два часа как взошло солнце над самой прославленной крепостью Англии^[1], сердцем королевства и символом могущества ее владык, над Белым Тауэром – над огромной квадратной башней, кажущейся легкой, несмотря на свои гигантские размеры, и построенной еще Вильгельмом Завоевателем на фундаменте старой римской крепости, – над сторожевыми башнями и зубчатыми стенами, возведенными Ричардом Львиное Сердце, над королевским дворцом, часовней святого Петра и Воротами Предателей. День обещал быть таким же жарким и душным, что и накануне, так как солнце успело раскалить камни, а из крепостных рвов, расположенных вдоль берега Темзы, поднимался тошнотворный запах тины.

Ворон по кличке Эдуард вспорхнул, стая гигантских птиц полетела к пользующейся печальной славой лужайке Грин, где в дни смертной казни устанавливали плаху; птицы клевали там траву, напоенную кровью шотландских патриотов, государственных преступников и впавших в немилость фаворитов.

Лужайку скребли скребком, подметали окружавшие ее мощные дорожки, но вороны не боялись человека, так как никто не осмеливался тронуть этих птиц, которые поселились здесь с незапамятных времен и были окружены своего рода суеверным уважением.

Из кордегардии выходили солдаты, они на ходу затягивали пояса, зашнуровывали поножи, надевали железные шлемы, спеша на ежедневный смотр, ибо сегодня, первого августа, в день святого Петра в оковах, в честь которого была выстроена часовня, и в ежегодный праздник Тауэра, смотр происходил особенно торжественно.

Засовы низкой дверцы, ведущей в темницу Мортимеров, заскрежетали. Тюремщик открыл дверь, бросил взгляд внутрь и пропустил брадобрюя. Брадобрюя, длинноносый человек с маленькими глазками и губами, сложенными сердечком, приходил раз в неделю брить Роджера Мортимера-младшего. В зимние месяцы эта операция превращалась в подлинную пытку для узника, ибо констебль^[2] Стивен Сигрейв, комендант Тауэра, заявил:

– Если лорд Мортимер желает ходить бритым, я буду посылать к нему цирюльника, но я отнюдь не обязан снабжать его горячей водой.

Лорд Мортимер держался стойко, во-первых, для того, чтобы показать коннетаблю свое презрение, во-вторых, потому, что заклятый его враг король Эдуард носил красивую светлую бородку; наконец, – и это было главное, – он делал это для себя самого, ибо знал, что стоит заключенному сдаться хотя бы в мелочи, и он неизбежно опустится физически. Перед глазами его был пример дяди, который перестал следить за собой; беспорядочно растущая, спутанная борода и растрепанные пряди волос придавали лорду Чирку вид старого отшельника; к тому же он беспрестанно жаловался на одолевавшие его многочисленные недуги.

– Только страдания моей несчастной плоти, – говорил он иногда, – напоминают мне, что я еще жив.

Итак, Роджер Мортимер младший принимал брадобрюя Огля каждую неделю, даже тогда, когда приходилось пробивать лед в тазике, а щеки после бритья кровоточили. Однако он был вознагражден за все свои муки, так как через несколько месяцев по некоторым признакам понял, что Огль может служить ему для связи с внешним миром. Станный человек был этот брадобрюя; корыстолюбивый и одновременно способный принести себя в жертву, он страдал от своего подчиненного положения, считая, что заслуживает лучшей участи; интрига давала ему возможность взять тайный реванш, ибо, проникая в тайны знатных людей, он как бы вырастал в собственных глазах. Барон Вигмор был, несомненно, самым благородным как по происхождению, так и по характеру человеком, с каким ему когда-либо приходилось иметь дело. Кроме того, узник, упорно продолжавший бриться даже в морозные дни, невольно вызывает восхищение!

С помощью брадобрея Мортимеру удавалось поддерживать хоть и не часто, но регулярно связь со своими сторонниками, и в первую очередь с Адамом Орлетоном, епископом Герифордским; наконец, через брадобрея он узнал, что можно попытаться привлечь на свою сторону помощника коменданта Тауэра Джерарда Элспей; все через того же брадобрея Мортимер разрабатывал план побега. Епископ заверил его, что он будет освобожден летом. И вот лето наступило...

Время от времени тюремщик, движимый лишь профессиональной привычкой, а не чрезмерной подозрительностью, бросал через глазок в двери взгляд в темницу.

Роджер Мортимер, склонившись над деревянной лоханью – увидит ли он когда-нибудь вновь таз из тонкого чеканного серебра, которым пользовался раньше? – слушал ничего не значащую болтовню брадобрея, с умыслом повысившего голос, чтобы обмануть бдительность тюремщика. Солнце, лето, жара... По-прежнему стоит хорошая погода, и – что самое замечательное – даже в праздник святого Петра...

Наклонившись еще ниже над Мортимером, Огл шепнул ему на ухо:

– Be ready for to-night, my lord¹.

Роджер Мортимер даже не вздрогнул. Только поднял глаза серо-кремневого оттенка под густыми бровями и взглянул в маленькие черные глазки брадобрея, который движением век подтвердил сказанное.

– Элспей?.. – прошептал Мортимер.

– He'll go with us² – ответил брадобрей, принимаясь за другую щеку барона.

– The bishop?³ – спросил еще узник.

– He'll wait for you outside, after dark⁴, – проронил брадобрей и тотчас же вновь громко заговорил о погоде, о готовящемся смотре и игрищах, которые состоятся после полудня...

Наконец бритые были окончены, Роджер Мортимер ополоснул лицо и вытерся холстиной, даже не ощутив ее грубого прикосновения к коже.

Когда брадобрей Огл удалился в сопровождении тюремщика, узник обеими руками сжал себе грудь и глубоко вздохнул. Он едва сдержал себя, чтобы не закричать: «Будьте готовы сегодня вечером!» Слова брадобрея гудели у него в голове. Неужели сегодня вечером это наконец свершится?

Он подошел к нарам, где дремал его товарищ по узилищу.

– Дядя, – проговорил он, – побег состоится сегодня вечером.

Старый лорд Чирк со стоном повернулся, поднял на племянника выпцветшие глаза, отливавшие в полумраке темницы зеленью, как морская вода, и устало ответил:

– Из Тауэра не бегут, мой мальчик... Ни сегодня вечером, никогда и никто.

Лицо Мортимера младшего омрачила тень досады. К чему это упрямое отрицание, это нежелание рисковать человеку, которому осталось так мало жить, который даже в худшем случае рискует всего лишь годом? Усилием воли он заставил себя промолчать, боясь вспылить. Хотя они говорили между собой по-французски, как весь двор и вся знать нормандского происхождения, а слуги, солдаты и простолюдины говорили по-английски, они боялись, что их могут услышать.

Мортимер вернулся к окошку и стал смотреть снизу вверх на лужайку, где выстроились солдаты, он испытывал волнение при мысли, что, быть может, видит смотр в последний раз.

На уровне его глаз мелькали солдатские поножи; тяжелые кожаные башмаки топали по земле. Роджер Мортимер не мог удержаться от восхищения, глядя на упражнения, четко

---

¹ Будьте готовы сегодня вечером, милорд (англ.).

² Он отправится вместе с нами (англ.).

³ А епископ? (англ.)

⁴ Он будет ждать вас снаружи, как только стемнеет (англ.).

выполняемые лучниками, прославленными на всю Европу английскими лучниками, которые успевали выпустить дюжину стрел в минуту.

Стоя посредине лужайки, помощник коменданта Элспей, застыв неподвижно, как каменное изваяние, громким голосом выкрикивал слова команды, представляя гарнизон коннетаблю. Трудно было поверить, что этот высокий молодой человек, светловолосый и розовощекий, столь ревностный служака, обуреваемый желанием отличиться, мог пойти на измену. Должно быть, его толкали на этот шаг иные соображения, нежели одна лишь денежная приманка. Джерард Элспей, помощник коменданта Тауэра, так же как многие офицеры, шерифы, епископы и дворяне, жаждал видеть Англию освобожденной от негодных министров, окружавших короля; как и свойственно молодости, он мечтал играть выдающуюся роль; наконец, он страстно ненавидел и презирал своего начальника, коннетабля Сигрейва.

А коннетабль, кривоглазый, с дряблым лицом выпивохи, человек нерадивый, попал на эту высокую должность исключительно благодаря протекции как раз тех самых никудышных министров. Следуя нравам, которые король Эдуард не только ни от кого не скрывал, но словно с умыслом выставлял напоказ, коннетабль превратил гарнизон в свой гарем. Особенно по душе ему были молодые рослые блондины, и поэтому жизнь Элспея, юноши весьма благочестивого и далекого от порока, превратилась в подлинный ад. Именно потому, что Элспей отверг нежности коннетабля, он стал объектом постоянных притеснений. Желая отомстить непокорному, Сигрейв не скупился на оскорбления и придирки. А так как кривоглазый коннетабль по лености не занимался службой, ему с избытком хватало времени, чтобы проявлять свою жестокость. Вот и сейчас, проводя смотр, он осыпал своего помощника грубыми насмешками, придираясь к любому пустяку – то к ошибке в построении, то к пятнышку ржавчины на клинке ножа, то к еле заметной дырочке в кожаном колчане. Его единственный глаз выискивал только недостатки.

Хотя был праздник – день, когда обычно наказания не применяются, коннетабль велел высечь на месте троих лучников за то, что небрежно относились к своему снаряжению. Эти трое были как раз самыми примерными солдатами. Сержант принес лозу. Наказываемым велели спустить штаны перед шеренгой своих товарищей. Это зрелище, казалось, весьма забавляло коннетабля.

– Если стража не подтянется, – сказал он, – в следующий раз, Элспей, наступит ваш черед.

Затем весь гарнизон, за исключением часовых у ворот и на крепостной стене, промаршировал в часовню слушать мессу и петь церковные гимны.

До узника, стоявшего у окошка, доносились грубые, фальшивые голоса. «Будьте готовы сегодня вечером, милорд...» Бывший королевский наместник в Ирландии упорно думал о том, что вечером он, возможно, обретет свободу. Еще целый день ожидания, надежд, целый день опасений... Опасений, что Огл совершит какую-нибудь оплошность при выполнении задуманного плана, опасений, как бы в последнюю минуту в душе Элспея не возобладало чувство долга... Целый день перебирать в уме все возможные препятствия, все случайности, из-за которых может сорваться побег.

«Лучше не думать об этом, – твердил он про себя, – лучше верить, что все окончится благополучно. Все равно всегда случается то, чего не предусмотреть заранее. Но побеждает тот, у кого крепче воля». И тем не менее Мортимер не мог отвлечься от своих тревожных мыслей: «На стенах все-таки останется стража...»

Вдруг он резко отпрянул назад. Незаметно прокравшись вдоль стены, ворон на сей раз чуть не клюнул узника в глаз.

– Ну, Эдуард, это уж слишком, – процедил Мортимер сквозь зубы. – И если мне суждено придушить тебя, то я сделаю это сегодня.

Солдаты гарнизона покинули церковь и вошли в трапезную для праздничной пирушки. В дверях темницы вновь появился тюремщик в сопровождении стражника, разносящего заключенным пищу. Ради праздника к бобовой похлебке, в виде исключения, добавили кусочек баранины.

– Постарайтесь встать, дядя, – сказал Мортимер.

– Нас, словно отлученных от церкви, лишают даже мессы, – проговорил старый лорд.

Он и на этот раз не поднялся с нар. Впрочем, он едва притронулся к своей порции.

– Возьми мою долю, тебе она нужней, чем мне, – сказал он племяннику.

Тюремщик ушел. До вечера никто больше не посещал заключенных.

– Итак, дядя, вы и в самом деле не хотите бежать со мной? – спросил Мортимер.

– Куда бежать, мой мальчик? Из Тауэра не бегут. Никогда еще никому не удавался побег отсюда. Кроме того, против своего короля не бунтуют. Конечно, Англия имела лучших монархов, чем Эдуард, и оба его Диспенсера с большим правом могли бы занять наши места в темнице. Но короля не выбирают, королю служат. Зачем я послушался вас – тебя и Томаса Ланкастера, когда вы взялись за оружие? Ибо с Томаса сняли голову, а мы угодили в эту дыру...

В этот час, после нескольких ложек похлебки, дяде обычно приходила охота поговорить, и он, стеная и охая, заводил все те же монотонные речи, поверяя то, что племянник сотни раз слышал за эти полтора года. В шестьдесят семь лет Мортимер старший уже ничем не напоминал того красавца, знатного вельможу, каким он был раньше, когда блистал на знаменитых турнирах, которые устраивались в замке Кенилворт и о которых все еще вспоминали целых три поколения. Тщетно племянник старался высечь хотя бы искру былого огня в душе этого изнуренного старца, на лоб которого уныло свисали седые пряди волос, лицо его с трудом можно было различить в полумраке темницы.

– Боюсь, что меня подведут ноги, – добавил он.

– Почему бы вам не поупражняться немного! Расстанетесь хоть на время с вашим одром. А потом я понесу вас на себе, я уже говорил вам об этом.

– Этого не хватало! Ты будешь перелезать со мной через стены, полезешь со мной в воду, а плавать я не умею. Ты прямым путем принесешь мою голову на плаху, а вместе с ней и свою. Сам бог, возможно, готовит наше освобождение, а ты, упрямец, все загубишь своим сумасбродством. Да, бунт в крови у Мортимеров. Вспомни первого Роджера, сына епископа и дочери датского короля Герфаста. Под стенами своего замка в Мортимер-ан-Брей он перебил целую армию короля Франции^[3]. И, однако, он так сильно оскорбил нашего кузена Завоевателя, что у него отобрали все земли и все добро...

Роджер младший, сидевший на табурете, скрестил на груди руки, закрыл глаза и, откинувшись назад, оперся о стену. Приходилось терпеть ежедневную порцию воспоминаний о предках, в сотый раз смиренно слушать о том, как Ральф Бородатый, сын первого Роджера, высадился в Англии вместе с герцогом Вильгельмом, и как он получил в ленное владение Вигмор, и каким образом Мортимеры распространили свое могущество на четыре графства.

Из трапезной доносились застольные песни, которые горланили подвыпившие солдаты.

– Ради бога, дядя, – воскликнул Мортимер, – забудьте хоть на минуту наших предков. В отличие от вас я отнюдь не спешу встретиться с ними. Да, я знаю, что мы потомки короля. Но в тюрьме королевская кровь ничем не отличается от крови простого смертного. Разве меч Герфаста в силах освободить нас отсюда? Где теперь наши земли и на что нам в этой темнице наши доходы? И когда вы упорно перечисляете мне наших прапрабабушек: Эдвигу, Мелисинду, Матильду ла Мескин, Уолшелину де Феррер, Гладузу де Броз, неужели до конца дней я должен думать только о них, а не о какой-нибудь другой женщине?

Старик молчал, рассеянно рассматривая свою распухшую руку с непомерно длинными, поломанными ногтями. Потом он проговорил:

– Каждый заселяет свою темницу тем, чем может: старики – безвозвратно ушедшим прошлым, молодые – будущим, которого им не суждено увидеть. Ты, например, утешаешься тем, что вся Англия тебя любит и трудится ради твоего спасения, что епископ Орлетон – твой верный друг, что сама королева способствует твоему побегу и что ты через несколько часов отправишься во Францию, в Аквитанию, в Прованс или еще куда-нибудь. И что повсюду тебя будет встречать приветственный звон колоколов. Но ты увидишь, что нынче вечером никто не придет.

Усталым жестом он провел пальцами по векам и отвернулся к стене.

Мортимер младший снова подошел к окошку, просунул руку между прутьями; она лежала в пыли, словно неживая.

«Теперь до вечера дядя будет дремать, – думал он, – а потом, в последнюю минуту решится. С ним и впрямь будет нелегко; как бы из-за него не провалилась вся затея. Ага, вот и Эдуард».

Птица остановилась недалеко от неподвижно лежавшей руки и принялась чистить лапой свой большой черный клюв.

«Если я его задушу, побег удастся. Если нет – мне не убежать».

Это была уже не игра, Мортимер как бы заключил пари с самой судьбой. Чтобы хоть как-то заполнить часы ожидания и отвлечься от тревожных мыслей, узник изобретал всевозможные приметы. И теперь пристальным взглядом охотника следил он за огромным вороном. Но ворон, словно разгадав опасность, отошел подальше.

Солдаты выходили из трапезной с сияющими лицами. Они разбились на группки во дворе, и начались игрища с состязаниями в беге и борьбе, которые по традиции устраивались в этот праздник. В течение двух часов, сняв рубахи, солдаты потели под солнцем, мерились силой, стремясь прижать противника к земле, или демонстрировали ловкость, норовя попасть булавой в деревянный кол.

В темницу доносился крик коннетабля:

– Награда короля! А ну-ка, кому она достанется? Один шиллинг!^[4]

Затем, когда уже начало смеркаться, солдаты отправились к водоему помыться, после чего, обсуждая свои подвиги и поражения, вновь вернулись в трапезную, где продолжалась пирушка, еще более шумная, чем утром. На того, кто не был пьян к вечеру в праздник святого Петра в оковах, презрительно косились товарищи. Узник слышал, как там, внизу, стражники набросились на вино. Двор постепенно окутывали сумерки, голубоватые сумерки летнего вечера, и снова из крепостных рвов потянуло запахом тины.

Внезапно неистовое, хриплое карканье, протяжный звериный крик, от которого человеку становится не по себе, раздался около окошка.

– Что случилось? – спросил старый лорд из глубины камеры.

– Я его упустил, – сказал племянник. – Ухватил не за шею, а за крыло.

В руках у Мортимера осталось несколько черных перьев, которые он грустно рассматривал в слабых отсветах сумерек. Ворон исчез и на сей раз больше не вернется.

«Глупость, ребячество придавать этому значение, – думал Мортимер младший. – Ничего, заветный час близок». Но он не в силах был прогнать дурные предчувствия.

От мрачных мыслей его отвлекла необычная тишина, вдруг воцарившаяся в Тауэре. Из трапезной не доносилось больше ни звука; пьяные голоса стихли; прекратился стук подносов и кувшинов. Был слышен лишь лай собаки в саду да далекий крик лодочника на Темзе... Уж не обнаружено ли предательство Элспей и не потому ли все замолкло в крепости, что вслед за раскрытием великих заговоров обычно наступает оцепенение?

Прижавшись лбом к прутьям решетки, узник, затаив дыхание, пристально всматривался в темноту, ловил каждый звук. Какой-то лучник, шатаясь, пересек двор, уперся в стену в приступе неудержимой рвоты, потом свалился на землю и застыл. Мортимер разглядел неподвижную фигуру, лежавшую в траве. На небе появились первые звезды. Ночь обещала быть светлой.

Еще два солдата, держась за живот, вышли из трапезной и рухнули на землю у дерева. Это было какое-то необычное опьянение, оно словно ударом дубинки намертво оглушало человека.

Роджер Мортимер шагнул в глубь камеры; на привычном месте, в углу, он нашел свои сапоги и обулся; он сильно исхудал за это время и натянул их без труда.

– Что ты делаешь, Роджер? – спросил Мортимер старший.

– Готовлюсь, дядя, час близок. Кажется, наш друг Элспей поработал на славу, можно без преувеличения сказать, что весь Тауэр просто вымер.

– Нам и в самом деле не принесли ужина, – заметил старый лорд, и в голосе его прозвучало беспокойство.

Роджер Мортимер заправил рубашку в панталоны и затянул поясом свой походный камзол. Его одежда изнашивалась и измялась, так как все эти полтора года ему отказывались выдать новую и он носил тот самый костюм, в котором сражался, когда его захватили в плен и сняли с него смятые доспехи; нижняя губа у него была рассечена подбородником.

– Если тебе удастся бежать, их месть падет на меня, – добавил дядя.

В том упорстве, с каким старик всячески старался отговорить племянника от побега, таилась немалая доля эгоизма.

– Слышите, дядя, к нам идут, – сказал Мортимер младший ясным и властным голосом. – Вставайте.

В мощном каменными плитами коридоре гулко отдавались шаги, кто-то спешил к их двери. Чей-то голос позвал:

– Милорд!

– Это ты, Элспей? – спросил Мортимер младший.

– Да, милорд, но у меня нет ключа. Ваш тюремщик напился и куда-то задевал всю связку; а сейчас он в таком состоянии, что добиться от него толку невозможно. Я все обшарил.

С нар, где лежал дядя, послышался ехидный смешок.

От досады Мортимер младший выругался. Может быть, Элспей просто струсил в последнюю минуту? Но тогда зачем он пришел? Или это была нелепая случайность, та самая случайность, которую узник старался предугадать в течение целого дня и которой суждено было принять вот эту смехотворно нелепую форму?

– Все готово, милорд, уверяю вас, – продолжал Элспей. – Полученный от епископа порошок, который подмешали к вину, оказал превосходное действие. Они уже были совсем пьяны и ничего не заметили. А теперь все лежат, как трупы. Веревки готовы, лодка ждет вас. Но нет ключа.

– Сколько у вас времени?

– Часовые спохватятся не раньше чем через полчаса. Они тоже приняли участие в пирушке, прежде чем заступить в караул.

– Кто с тобой?

– Огл.

– Пошли его за молотком, клином и ломом и отвалите камень.

– Я пойду с ним и тотчас же вернусь.

Они удалились. Роджер Мортимер отсчитывал время по ударам своего сердца. Подумать только, какой-то затерявшийся ключ! А теперь достаточно, чтобы часовой по самому

пустяковому предлогу покинул свой пост, и все пропало... Даже старый лорд хранил молчание, и из дальнего угла доносились лишь его тяжелые вздохи.

Вскоре в щелку под дверью проник луч света. Элспей возвратился с брадобреем, который нес свечу и инструменты. Они обрушились на камень в стене, в который на глубине двух футов был вделан засов. Несмотря на их старания заглушить шум ударов, им казалось, что гул разносится по всему Тауэру. Осколки камня сыпались на пол. Наконец кладка поддалась и дверь открылась.

– Быстрее, милорд, – проговорил Элспей.

Его покрасневшее лицо, освещенное свечой, было покрыто потом, руки дрожали.

Роджер Мортимер подошел к дяде и склонился над ним.

– Нет, иди один, мой мальчик, – сказал старик, – ты должен бежать. Да хранит тебя бог. И не сердись на меня за то, что я стар.

Взяв племянника за рукав, Мортимер старший привлек его к себе и большим пальцем начертил на его лбу крест.

– Отомсти за нас, Роджер, – добавил он шепотом.

Пригнувшись, Роджер Мортимер вышел из темницы.

– Как пойдём? – спросил он.

– Через кухню, – ответил Элспей.

Помощник коменданта, брадобрей и узник поднялись на несколько ступенек, прошли по коридору, пересекли множество темных комнат.

– Ты вооружен, Элспей? – внезапно прошептал Мортимер.

– У меня есть кинжал.

– Там впереди кто-то стоит!

На фоне стены смутно виднелась чья-то тень, которую Мортимер заметил первым. Брадобрей прикрыл ладонью слабое пламя свечи; Элспей вытащил кинжал; все трое замедлили шаг.

Человек, скрытый полумраком, не шевелился. Распластав крестом руки и раздвинув ноги, он, казалось, лишь с трудом удерживал равновесие.

– Это Сигрейв, – шепнул Элспей.

Кривой коннетабль, поняв, что его и всю стражу опоили зельем, кое-как добрался сюда и теперь боролся с непреодолимым оцепенением. Он видел, как убегал его узник; видел, что помощник предал его, но не мог издать ни единого звука; тело отказывалось ему повиноваться, и в единственном глазу под упорно не желавшим подыматься веком читался предсмертный ужас. Элспей с размаху ударил его кулаком по лицу; голова Сигрейва стукнулась о камень стены, и коннетабль рухнул на пол.

Трое мужчин прошли мимо двери огромной трапезной, где чадили факелы; там находился весь гарнизон, спавший глубоким сном. Навалившись на столы, раскинувшись на скамьях, растянувшись прямо на полу, храпели лучники, раскрыв рты и застыв в нелепых позах, – казалось, некий волшебник погрузил их в вековой сон. То же зрелище открылось им в кухне, освещенной слабым светом дотлевавших под огромными котлами углей, в кухне, где стоял тяжелый запах горелого сала. Маркитанты также приложились к аквитанскому вину, к которому брадобрей Огл подмешал зелье, и теперь валялись пузом кверху, широко раскинув руки, кто под кухонным столом, кто около ящика для хлеба, кто между кувшинами. Казалось, тут было лишь одно живое существо – кот; обожравшийся сырого мяса, бродил он по столам, осторожно переставляя лапки.

– Сюда, милорд, – сказал помощник коменданта, указывая узнику на чулан, служивший отхожим местом, куда обычно сливали помои.

В этом чулане было пробито слуховое окошко, через которое мог пролезть человек, – единственное отверстие на этой стороне крепости.^[5]

Огл принес веревочную лестницу, которую он припрятал в сундуке, и пододвинул табуретку. Лестницу привязали к оконной раме; Элспей полз первым, за ним Роджер Мортимер и, наконец, брадобрей. Вскоре все трое, уцепившись за лестницу, заскользили вдоль стены в тридцати футах от тускло поблескивавшей в крепостном рву воды. Луна еще не взошла.

«Дядя и в самом деле не смог бы бежать с нами», – подумал Мортимер.

Вдруг рядом с ним зашевелилось что-то черное и послышался шорох перьев. Это был устроившийся на ночь в бойнице огромный ворон, сон которого потревожили беглецы. Мортимер машинально протянул руку и, пошарив в теплых перьях, нащупал птичью шею. Ворон издал протяжный страдальческий крик, похожий на крик человека; беглец изо всех сил сжал кисть и, повернув руку, почувствовал наконец, как под его пальцами хрустнули позвонки.

Дохлая птица с громким всплеском упала в воду.

– Who goes there?⁵ – тотчас же крикнул часовой. И из-за зубца стены на верхушке колокольни свесилась голова в шлеме.

Трое беглецов, вцепившись в веревочную лестницу, прижались к стене.

«Зачем я это сделал? – подумал Мортимер. – Зачем поддался глупому искушению? Побег и без того связан с риском, и незачем создавать дополнительные трудности. К тому же я не знаю даже, был ли это Эдуард...» Между тем часовой, убедившись, что все спокойно, возобновил обход, и шум его шагов затих в ночи.

Спуск возобновился. В это время года воды во рву было мало. Трое мужчин погрузились в нее по плечи и пошли вдоль основания крепости, опираясь рукой о камни стены. Они обогнули колокольню и пересекли ров, стараясь не шуметь. Откос рва был покрыт скользким илом. Помогая друг другу, беглецы ползком взобрались наверх, затем, пригнувшись, добежали до берега реки. Там, спрятанная в камышах, их ждала лодка. На веслах сидело двое гребцов; какой-то человек, закутанный в широкий темный плащ и в темном капюшоне, сидел на корме; он тихо свистнул три раза. Беглецы прыгнули в лодку.

– Милорд Мортимер, – сказал человек в плаще, протягивая руки.

– Милорд епископ, – ответил беглец, тем же жестом протянув свои руки.

Его пальцы нащупали кабошон перстня, и он прикоснулся к нему губами.

– Go ahead quickly!⁶ – скомандовал прелат гребцам.

И весла вспенили воду.

Адам Орлетон, лорд-епископ Герифордский, назначенный на эту должность папой против воли короля и возглавлявший оппозицию духовенства, способствовал побегу самого знатного сеньора королевства. Все было сделано и подготовлено Орлетоном, это он склонил на свою сторону Элспей, уверив его, что в награду за помощь тот получит целое состояние и место в раю, это он снабдил его зельем, которое погрузило Тауэр в сонное оцепенение.

– Все прошло удачно, Элспей? – спросил он.

– Как нельзя лучше, милорд, – ответил помощник коменданта. – Сколько времени они еще просят?

– Не меньше двух дней... Здесь у меня то, что обещано каждому, – сказал епископ, распахивая плащ и показывая тяжелый кошель. – И для вас, милорд, у меня тоже имеется сумма, которой вам хватит по крайней мере на несколько недель.

В эту минуту до них донесся крик часового:

– Sound the alarm!⁷

Но лодку уже подхватило течение, а самые отчаянные крики часовых не в силах были разбудить Тауэр.

---

⁵ Кто идет? (англ.)

⁶ Вперед, быстро! (англ.)

⁷ Тревога! (англ.)

– Я обязан вам всем и прежде всего жизнью, – обратился Мортимер к епископу.

– Доберитесь до Франции, – ответил епископ, – только тогда вы сможете меня благодарить. На другом берегу, в Бермондсее, нас ждут лошади. В Дувре мы зафрахтовали корабль. Он уже готов к отплытию.

– Вы отправитесь вместе со мной?

– Нет, милорд, у меня нет никаких причин для бегства. Как только я посажу вас на корабль, я возвращусь в свою епархию.

– А вы не опасаетесь за свою судьбу после того, что произошло здесь?

– Я служитель церкви, – ответил епископ с легкой насмешкой в голосе. – Король ненавидит меня, но тронуть не осмелится.

Этот прелат, спокойно и уверенно разговаривавший на водах Темзы так, словно находился он у себя в епископском дворце, обладал незаурядным мужеством, и Мортимер искренне восхищался им.

Гребцы сидели в середине лодки; Элспей и брадобрей устроились на носу.

– А что королева? – спросил Мортимер. – Видели ли вы ее? Ее по-прежнему мучают?

– Сейчас королева в Йоркшире, где путешествует король. Кстати, это облегчило наше предприятие. Ваша супруга (епископ выделил голосом это слово), ваша супруга вчера передала мне оттуда последние новости.

Мортимер почувствовал, что краснеет, и возблагодарил темноту, скрывающую его смятение. Он побеспокоился о королеве раньше, чем о своих родных и о своей собственной жене. И почему, спрашивая о ней, он понизил голос? Не означало ли это, что все полтора года в заточении он думал лишь о королеве Изабелле?

– Королева желает вам всяческого добра, – продолжал епископ. – Это она вручила мне из своего ларца, – кстати, из полупустого ларца, который наши добрые друзья Диспенсеры великодушно соглашаются оставлять ей, – деньги, а я вручу их вам, чтобы вы могли жить во Франции. Все же остальное – то, что положено Элспею, брадобрею, плата за лошадей и ожидающий вас корабль, – все это оплатила моя епархия.

Он положил свою руку на руку беглеца.

– Да вы промокли! – воскликнул он.

– Пустяки! – проговорил Мортимер. – Воздух свободы быстро высушит меня.

Он поднялся, снял камзол и рубашку и стоял теперь в лодке с обнаженным торсом. У него было красивое, крепкое тело, мощные плечи и длинная мускулистая спина; в заточении он похудел, но тем не менее от него по-прежнему веяло силой. Только что взошедшая луна заливала его серебристым светом, обрисовывая мускулы на груди.

– Сообщница влюбленных, недруг беглецов, – сказал епископ, показывая на луну. – Мы удачно проскочили.

Роджер Мортимер чувствовал, как по его коже и мокрым волосам струился ночной ветерок, напоенный влагой и ароматом трав. Темза, плоская и черная, бежала вдоль лодки, а весла вздымали фонтаны сверкающих брызг. Приближался противоположный берег. Барон обернулся, чтобы взглянуть последний раз на Тауэр, высокий, непомерно огромный, вздымающийся над крепостными стенами, рвами и насыпями. «Из Тауэра не бегут...» Он был первым узником, которому удалось совершить побег из Тауэра; он понимал все значение своего поступка, понимал, что бросает вызов могуществу королей.

Позади, в ночи, вырисовывался уснувший город. Вдоль обоих берегов до большого Торгового моста, охраняемого высокими башнями, медленно покачивался лес мачт. Это стояли на якоре корабли Лондонской Ганзы, Тевтонской Ганзы, Парижской Ганзы морской торговли. Корабли со всей Европы, которые привозили полотна из Брюгге, медь, деготь, вар, кожи, вина из Сентонжи и Аквитании, сушеную рыбу, а вывозили во Фландрию, в Руан, в Бордо, в Лиссабон хлеб, кожи, олово, сыры и особенно шерсть, лучшую в мире шерсть

английских овец. Среди кораблей своей формой и обильной позолотой выделялись большие венецианские галеры.

Но Роджер Мортимер Вигморский уже думал о Франции. Сначала он попросит убежища в Артуа, у своего кузена Жана де Фиенна, сына брата его матери... И он широко распростер руки жестом свободного человека.

А епископ Орлетон, сожалевший, что не родился ни красавцем, ни сеньором, не без зависти смотрел на это крупное, уверенное в движениях тело, точно напрягшееся перед прыжком, на этот высокий, словно литой торс, на этот гордый подбородок и жесткие выющиеся волосы человека, который увозит с собой в изгнание судьбу Англии.

Глава II Поруганная королева

Подушечка из красного бархата, на которую королева Изабелла ставила свои узкие ступни, была протерта до ниток основы; золотые кисточки на четырех ее углах потускнели; французские лилии и английские львы, вышитые на ткани, обтрепались. Но к чему менять подушку, к чему заказывать другую, если новая сразу же попадет под вышитые жемчугом туфли Хьюга Диспенсера – любимца короля! Королева смотрела на эту старую подушечку, знакомую с плитами всех замков королевства, – несколько месяцев в Дорсете, затем в Норфолке, прошлую зиму в Уорвике, а это лето в Йоркшире, всякий раз не более трех дней на одном месте. Менее недели назад, первого августа, двор находился в Коуике; вчера остановились в Эзерике; сегодня почти по-лагерному расположились в приорстве Киркхейм; а послезавтра, возможно, отправятся в Локтон или Пикеринг. Несколько пыльных драпировок, погнутую посуду, поношенные платья – весь багаж королевы Изабеллы – снова свалят в дорожные сундуки; кровать с пологом разберут, а потом ее вновь соберут в другом месте, да и сама кровать от частых перевозок, того гляди, развалится, и на эту кровать королева укладывала с собой то свою придворную даму Джейн Мортимер, то своего старшего сына, принца Эдуарда, ибо боялась, что ее убьют, если она останется одна. Не осмелятся же Диспенсеры заколоть ее на глазах наследного принца... И продолжалось путешествие по королевству, по зеленым его полям и грустным замкам.

Эдуарду II хотелось показать себя самым ничтожным своим вассалам; он воображал, что, останавливаясь у них, оказывает им честь и с помощью дружеских слов приобретет в их лице верных союзников против шотландцев и уэльской партии; но в действительности он выгадал бы куда больше, если бы не показывался на людях. В каждом его движении чувствовалась какая-то развинченность и вялость; та чрезмерная легкость, с какой он толковал о государственных делах и какая, по его мнению, являлась признаком истинно королевской безмятежности, оскорбляла сеньоров, аббатов и именитых горожан, приходивших поведать ему о местных нуждах; его подчеркнутая интимность со своим всемогущим камергером, чью руку он нежно поглаживал даже на заседаниях Совета и во время мессы, его резкий смех, щедроты, которыми он ни с того ни с сего осыпал какого-нибудь писца либо конюшего, подтверждали скандальные слухи, доходившие до самых отдаленных уголков графств, где мужья, конечно, так же как и повсюду, изменяли своим женам, но изменяли с женщинами; и то, о чем до его приезда говорили лишь шепотом, после его отъезда говорили во весь голос. Достаточно было появиться этому светлородому венценосному красавцу, столь слабому духом, и сразу же от королевского престижа и величия не оставалось и следа. А окружавшие Эдуарда II алчные куртизаны навлекали на него еще большую ненависть.

Всеми забытая Изабелла присутствовала при этом позоре, не в силах помешать падению королевского престижа. Противоречивые чувства терзали ее; с одной стороны, Изабелла, истая дочь Капетингов, получившая от них в наследство царственный нрав, не могла

без возмущения и муки видеть, как год за годом падает престиж королевской власти; но, с другой стороны, поруганная, оскорбленная, живущая в постоянном страхе супруга короля радовалась в глубине души каждому новому врагу короны. Она не понимала, как могла она раньше любить, или хотя бы делать вид, что любит, столь презренное существо, обращавшееся с ней как с последней служанкой. Зачем от нее требуют участия в этих поездках, зачем выставляют ее, поруганную королеву, напоказ всему королевству? Уж не считают ли король и его фаворит, что присутствие королевы обманет людей и придаст невинный характер их связи? Или, напротив, не хотят выпускать ее из-под своего наблюдения? С какой радостью она осталась бы в Лондоне, или Виндзоре, или даже в одном из тех замков, которые якобы были подарены ей и где она могла бы ждать счастливого поворота судьбы или хотя бы старости! И как жалела она о том, что Томас Ланкастер и Роджер Мортимер, эти могучие бароны, настоящие мужчины, не добились в прошлом году успеха во время поднятого ими мятежа...

Она устремила свои прекрасные голубые глаза на сира Бувилля, посланца французского двора, и негромко сказала:

– Уже целый месяц вы наблюдаете мою жизнь, мессир Юг. Я даже не прошу вас рассказывать о моих страданиях ни брату моему, ни дяде Карлу Валуа. Уже четыре короля сменилось на французском престоле: мой отец, король Филипп, который выдал меня замуж ради интересов короны...

– Упокой господь его душу, мадам, упокой ее господь! – произнес толстяк Бувилль убежденным тоном, но голоса не повысил. – Не было человека в мире, которого бы я любил сильнее и которому бы служил я с большей радостью.

– ...затем брат мой Людовик, который царствовал всего лишь несколько месяцев; потом брат мой Филипп, с которым я не особенно была дружна, но который не был лишен благоразумия...

Бувилль нахмурился, как и всегда, когда при нем упоминали короля Филиппа Длинного.

– ... наконец брат мой Карл, правящий в настоящее время, – продолжала королева. – Всем им было известно о моем положении, и они ничего не смогли или ничего не захотели сделать. Англия интересуется королей Франции лишь тогда, когда речь идет об Аквитании и о той присяге верности, которую должны им принести за это ленное владение. Французская принцесса на английском троне, поскольку она тем самым становится герцогиней Аквитанской, является для них залогом мира. И когда в Гиэни спокойно, что им до того, если дочь или сестра гибнет за морем от стыда и одиночества. Говорить им об этом нет никакого смысла. Однако дни, которые вы провели здесь со мной, стали для меня праздником, ибо я могла беседовать с вами как с другом. А вы сами видели, как мало у меня друзей. Пожалуй, их у меня и вовсе нет, кроме дорогой моей леди Джейн, которая неизменно разделяет мои страдания.

При последних словах королева повернулась к своей придворной даме, сидевшей рядом, к Джейн Мортимер, внучатой племяннице знаменитого сенешаля Жуанвилля, рослой женщине лет тридцати семи, с правильными чертами открытого лица и крупными белыми руками.

– Мадам, – отозвалась леди Джейн, – вы делаете значительно больше, дабы поддержать во мне бодрость духа, чем я в этом отношении делаю для вас. И вы пошли на большой риск, оставив меня при себе, раз супруг мой брошен в узилище.

Трое собеседников продолжали разговаривать вполголоса, ибо шепот и намеки вошли в обычай при этом дворе, где королева была лишена возможности уединиться и жила, окруженная недоброжелателями.

Пока шла эта беседа, три горничные в углу комнаты вышивали одеяло для леди Алиеноры Диспенсер, жены фаворита, игравшей у открытого окна в шахматы с принцем-наслед-

ником. Немного поодаль второй сын королевы, которому три недели назад исполнилось семь лет, мастерил себе лук из орехового прута, а две ее маленькие дочки, Изабелла и Алиенора, пяти и двух лет, сидя на полу, играли тряпичными куклами.

Передвигая шахматные фигуры, выточенные из слоновой кости, Алиенора Диспенсер не переставала следить за королевой и старалась уловить ее слова. С гладким, но на редкость узким лбом, с горящими, близко посаженными глазами и иронической складкой губ, эта женщина, не будучи по-настоящему некрасивой, носила на себе печать уродства души. Эта представительница семейства Клэр прославилась своей необычной карьерой: сначала свояченица бывшего фаворита короля, рыцаря де Гавестона, которого бароны, возглавляемые Томасом Ланкастером, казнили одиннадцать лет тому назад, теперь жена нынешнего королевского фаворита. Она находила какое-то болезненное наслаждение в том, что способствовала мужской любви, лишь бы удовлетворить таким путем свою жажду богатства и могущества. Помимо всего, она была глупа: готова была проиграть партию в шахматы лишь из-за одного удовольствия воскликнуть вызывающим тоном:

– Гарде королеве... Гарде королеве!

Наследный принц Эдуард, мальчик одиннадцати лет, с тонким и длинным лицом, скорее скрытный, чем застенчивый по характеру, с вечно потупленным взором, старался воспользоваться любой ошибкой партнерши и прилагал все усилия, чтобы выиграть.

Августовский ветерок заносил через узкое, с полукруглым сводом окно нагретую за день пыль; но как только солнце скрылось, сырая прохлада вновь воцарилась среди толстых мрачных стен старинного приюта Киркхейм.

Из большого зала, предназначенного для заседаний капитула, доносился шум голосов; там король собрал свой кочующий Совет.

– Мадам, – продолжал граф Бувилль, – я с готовностью посвятил бы вам все свои дни, если б мог хоть немного быть вам полезен. И сделал бы это с огромным удовольствием, поверьте мне. Теперь, когда я овдовел, а сыновья мои пристроены, мне не остается ничего иного в нашем грешном мире, как отдать последние свои силы на службу потомкам короля, моего усопшего благодетеля. И именно около вас, мадам, я был бы ближе всего к нему. Вы воплощаете в себе твердость его души, его манеру говорить, когда он снисходил до разговора, и его красоту, против которой бессильно время. В сорок шесть лет его настигла смерть, а с виду ему можно было дать не более тридцати. И вы пошли в него. Трудно даже представить, что вы – мать четверых детей.

Лицо королевы озарилось улыбкой. Ей, окруженной ненавистниками, так отраднее было видеть такую верность и преданность; ей, женщине, чьи чувства были оскорблены и поруганы, было так сладостно слышать похвалу своей красоте, пусть даже исходила она из уст белого как лунь толстяка, смотревшего на нее глазами старого преданного пса.

– Мне уже тридцать один год, – проговорила она, – и пятнадцать из них я прожила так, как вы сами сейчас видите. Такая жизнь, быть может, не оставляет своих помет на лице; но зато вся моя душа изборождена морщинами... Я тоже, Бувилль, охотно оставила бы вас при себе, будь это возможно.

– Увы, мадам! Моя миссия, я сам это понимаю, подходит к концу, и без особого успеха. Король Эдуард уже дважды намекал мне на это; и поскольку он выдал ломбардца парламенту французского короля, он даже удивляется, что я еще здесь.

Французский двор послал к Эдуарду Юга де Бувилля под официальным предлогом требовать выдачи некоего Томазо Анри, представителя крупной флорентийской компании Скали; этот банкир, взяв в аренду несколько земельных владений, принадлежащих французской короне, получил с них значительный доход и, ни гроша не уплатив казначейству, бежал в Англию. Дело, безусловно, было серьезное, но его можно было без труда уладить путем переписки или направив в Англию судейских; и уж само собой разумеется, оно не требовало

поездки бывшего первого камергера Филиппа Красивого, члена Малого совета. В действительности же Бувиллю было поручено начать другие, более сложные переговоры.

Его высочеству Карлу Валуа, дяде короля Франции и королевы Изабеллы, пришла в голову мысль выдать замуж в будущем году свою пятую дочь, Марию, за принца Эдуарда, наследника английского престола. Его высочество Валуа – кто в Европе не знал этого? – родил семь дочерей, устройство которых было предметом постоянных забот этого неугомонного, честолюбивого и расточительного сеньора, пользовавшегося даже собственным потомством ради всевозможных интриг. Семь его дочерей были от трех браков, ибо его высочество Карл имел несчастье в течение своей бурной жизни дважды остаться вдовцом.

Надо было иметь недюжинную память и ясный рассудок, чтобы не запутаться в его потомстве и знать, кого именно имеют в виду, говоря о мадам Жанне Валуа, – графиню Геннегау или же графиню Бомон, другими словами, жену Робера Артуа. Ибо, как назло, две дочери носили одинаковые имена. Что касается Катрин, наследницы призрачного Константинопольского престола, которая родилась от второго брака, то ей нашли мужа в лице Филиппа Тарантского, князя Ахейского, старшего брата первой жены ее родного батюшки. Настоящая головоломка!

Сейчас речь шла о старшей дочери от третьего брака, которую его высочество Карл решил предложить своему английскому внучатому племяннику.

Вначале его высочество Валуа направил в Англию графа Анри до Сюлли, Рауля Севэна де Жуй и Робера Бертрана, по прозвищу Рыцарь Зеленого Льва. Эти посланцы, стремясь завоевать расположение короля Эдуарда II, сопровождали его во время похода в Шотландию; но в битве при Блекморе англичане обратились в бегство и бросили французских гостей, которые угодили в руки врага. Пришлось вести переговоры об их освобождении, платить за них выкуп; когда наконец после всех этих малоприятных перипетий они оказались на свободе, Эдуард дал им уклончивый ответ, что, мол, нельзя так быстро решать вопрос о женитьбе его сына, что дело это слишком важное, чтобы решать его без ведома парламента, и что парламент соберется для обсуждения лишь в июне. Он хотел связать все это с присягой, которую следует принести королю Франции за герцогство Аквитанское... А когда парламент собрался, вопрос этот даже не поставили.^[6]

Поэтому-то нетерпеливый Валуа под первым подвернувшимся предлогом направил в Англию графа Бувилля, в преданности которого семье Капетингов никто не сомневался и который хоть и не блистал умом, зато имел немалый опыт по части подобных поручений. Бувилль вел в прошлом по указаниям Валуа переговоры в Неаполе о втором браке Людовика X с Клеменцией Венгерской; он был хранителем чрева этой королевы после смерти Людовика Сварливого, но о том времени он не любил распространяться. Выполнял он также различные поручения в Авиньоне при папском дворе; крепко хранил в памяти все, что касалось семейных связей и бесконечно сложных переплетений разветвленной сети династических союзов. Верный Бувилль был сильно раздосадован, что на сей раз ему придется возвращаться не солоно хлебавши.

– Его высочество Валуа, – промолвил он, – будет очень разгневан, ведь он уже обратился к папе за особым разрешением на этот брак...

– Я сделала все что могла, Бувилль, – проговорила королева. – Таким образом, вы имели случай еще раз убедиться, как мало здесь со мной считаются... Впрочем, я сожалею меньше, чем вы: не пожелаю ни одной принцессе из нашей семьи познать здесь то, что выпало на мою долю.

– Не сомневаетесь ли вы в своем сыне, мадам? – спросил Бувилль, еще больше понижая голос. – Хотя он, хвала небу, кажется, пошел скорее в вас, чем в отца!.. Я помню вас в таком же возрасте в дворцовом саду в Ситэ или в Фонтенбло...

Он не успел договорить фразы. Дверь открылась, и на пороге показался король Англии. Откинув назад голову и нервно поглаживая светлую бородку, что свидетельствовало о дурном расположении духа, король большими шагами вошел в комнату. За ним следовали его обычные советники, а именно отец и сын Диспенсеры, канцлер Бальдок, граф Арундел и епископ Экзетер. Его сводные братья – граф Кент и граф Норфолк, оба молодые люди, в чьих жилах текла французская кровь, ибо их мать доводилась родной сестрой Филиппу Красивому, тоже состояли в королевской свите, но против их желания; равно как и Генри Лестер, человек с квадратными плечами и большими ясными глазами навывкате, по прозвищу Кривая Шея, так как затылок и плечи у него были искривлены, отчего голову ему приходилось держать набок, что доставляло множество мучений оружейникам, изготовлявшим для него доспехи.

– Знаете ли вы новость, мадам? – воскликнул король Эдуард, обращаясь к королеве. – Она, несомненно, вас обрадует. *Ваш* Мортимер бежал из Тауэра.

Леди Диспенсер даже подскочила перед шахматной доской и издала негодующее восклицание, как если бы побег барона Вигморского был для нее личным оскорблением.

Королева Изабелла не шелохнулась, не покраснела, только веки ее красивых голубых глаз моргнули быстрее обычного, а рука украдкой нащупала в пышных складках платья руку леди Джейн Мортимер и сжала ее, как бы призывая сохранять спокойствие и достоинство. Толстяк Бувилль поднялся и отступил назад, чувствуя себя лишним в таких делах, которые касались лишь английской короны.

– Это не *мой* Мортимер, сир, – ответила королева. – Лорд Роджер, как мне кажется, в большей степени ваш подданный, чем мой, а за действия ваших баронов я не отвечаю. Вы бросили его в темницу, он постарался убежать – таков закон жизни.

– Ага! Значит, вы одобряете его поступок. Так дайте же волю своей радости, мадам! С тех пор как этот Мортимер соблаговолил появиться при моем дворе, вы перестали замечать всех, кроме него, вы все время превозносили его заслуги, и даже вероломство в отношении меня умудрялись истолковать благородными порывами души.

– Но разве не вы сами, сир, супруг мой, научили меня любить его еще в те времена, когда он вместо вас, подвергаясь смертельной опасности, завоевывал Ирландское королевство... удержать которое без него стоит вам, кстати, немало труда? Неужто это можно назвать изменой?^[7]

Эта отповедь на мгновение обескуражила Эдуарда, но он тут же бросил на жену злобный взгляд и ответил только:

– Как раз теперь он бежит, ваш друг, бежит и, несомненно, в вашу страну!

Продолжая говорить, король шагал взад и вперед по комнате, чтобы дать выход своей бессильной ярости. Драгоценности, украшавшие его одежду, позвякивали при каждом шаге. И присутствующие, следя за его движениями, вертели головой то влево, то вправо, как при игре в лапту. Король, бесспорно, был очень красивый мужчина, мускулист, подвижен, ловок и притом атлетического сложения; его тело, закаленное физическими упражнениями и играми, стойко сопротивлялось подкрадывавшемуся ожирению, так как Эдуард блился уже к сорока годам. Но того, кто пригляделся бы к нему повнимательнее, поразило бы отсутствие морщин на лбу, будто государственные заботы не сумели наложить на это чело свой отпечаток, поразили бы мешки под глазами, невыразительно очерченные ноздри; линия подбородка под легкой вьющейся бородой не свидетельствовала ни об энергии, ни о власти, ни даже о настоящей чувственности, просто он был чересчур крупным и длинным. В маленьком подбородке королевы угадывалось гораздо больше воли, чем в этой яйцеобразной челюсти. Даже шелковистая бородка не могла скрыть душевной слабости короля. Вялой рукой он то беспричинно тер лицо, то размахивал в воздухе, то теребил нашитые на камзол жемчужины. Голос, который он считал властным, изменял ему, несмотря на все старания.

Спина, хотя и широкая, производила неприятное впечатление, линия от шеи до поясницы казалась какой-то волнообразной, будто позвоночник гнулся под тяжестью торса. Эдуард никак не мог простить жене то, что она однажды посоветовала ему по возможности не показывать спину, если он желает внушать уважение своим баронам. Ноги Эдуарда, на редкость прямые и стройные, безусловно, были самым ценным даром, которым природа одарила этого человека, так мало подходившего для своей роли и получившего корону по прямому недосмотру судьбы.

– Разве мало и без того у меня хлопот, разве мало у меня волнений? – продолжал Эдуард. – Моим границам постоянно угрожают шотландцы; они беспрестанно вторгаются в мое королевство, а как только дело доходит до сражения, войска мои бегут. Да и как могу я победить, когда мои епископы без моего согласия договариваются между собой и ведут переговоры с врагом, когда среди моих вассалов столько предателей и когда мои бароны идут против меня походом, ссылаясь на то, что они шпагой отвоевали свои земли, хотя уже давно, двадцать пять лет назад, отец мой, король Эдуард, рассудил иначе и по-иному решил этот вопрос! Неужели они забыли об этом! Но Шрусбери и Бороугбридж показали всем, что значит бунтовать против меня. Не так ли, Лестер?

Генри Лестер молча покачал своей большой уродливой головой; не слишком-то вежливо было напоминать ему о смерти его брата Томаса Лестера, обезглавленного год и четыре месяца назад, когда были повешены двадцать знатных баронов и столько же брошено в тюрьмы.

– Они и впрямь увидели, сир, супруг мой, что единственные битвы, которые вы смогли выиграть, – это битвы против собственных баронов, – проговорила Изабелла.

Эдуард вновь бросил на нее полный ненависти взгляд. «До чего же смела, – подумал Бувилль, – до чего же смела эта благороднейшая королева!»

– И несправедливо говорить, – продолжала она, – что они поднялись против вас, отставивая права своей шпаги. Скорее уж они выступили, отставивая право на графство Глостер^[8], которое вы решили передать мессире Хьюгу.

Оба Диспенсера шагнули друг к другу, как бы желая вместе отразить удар. Леди Диспенсер младшая встала из-за шахматной доски; она доводилась дочерью умершему графу Глостеру. Эдуард II топнул ногой о пол. В конце концов королева становится просто невыносимой: она открывает рот лишь затем, чтобы подчеркнуть его промахи и ошибки в управлении государством!

– Я раздаю ленные владения кому хочу, мадам, раздаю их тем, кто меня любит и служит мне! – вскричал Эдуард, кладя руку на плечо младшего Хьюга. – На кого другого могу я опереться? Где мои союзники? Какую помощь, например, оказывает мне ваш брат, король Франции? А ведь он должен был бы вести себя как мой собственный брат, ибо в конечном счете именно на этом условии меня уговорили взять вас в жены. Он требует, чтобы я приехал к нему и принес присягу верности за герцогство Аквитанское, вот и вся его поддержка. И куда он шлет свои приказы? В Гиень? Как бы не так! Он действует в моем же королевстве, попирая все феодальные обычаи и, очевидно, с намерением оскорбить меня. Уж не считает ли он себя сюзереном Англии? Да и потом я приносил эту присягу. Первый раз – вашему отцу, когда меня чуть было не зажарили заживо во время пожара в Мобьюисоне, затем, три года назад, вашему брату Филиппу, когда я совершил поездку в Амьен. Принимая в расчет, с какой быстротой, мадам, в вашем семействе умирают короли, мне, вероятно, скоро придется обосноваться на континенте!

В глубине комнаты сеньоры, епископы и нотабли Йоркшира переглядывались между собой, ничуть не испуганные, а скорее ошеломленные этой вспышкой бессильного гнева, который столь далеко увел короля от причины, вызвавшей этот гнев, и открывал им трудности, переживаемые королевством, а заодно и характер самого Эдуарда. Так вот он какой, этот

суверен, требующий от них пополнения своей казны, монарх, которому они обязаны во всем повиноваться и ради которого должны рисковать жизнью, когда он призывает их принять участие в своих войнах! Пожалуй, у лорда Мортимера были немалые основания для бунта...

Даже близкие советники Эдуарда, видимо, чувствовали себя неловко, хоть и знали привычку короля, сказывавшуюся также в его посланиях, при каждой личной неудаче перечислять все тяготы своего царствования.

Канцлер Бальдок потирал кадык, торчавший над воротом его архидиаконского одеяния. Лорд-казначей, епископ Экзетерский, покусывавший ноготь большого пальца, исподтишка наблюдал за соседями. Один лишь Хьюг Диспенсер младший, слишком разряженный, слишком завитой, слишком надушенный для тридцатитрехлетнего мужчины, был явно доволен. Рука короля, лежавшая на плече фаворита, недвусмысленно свидетельствовала о значении и могуществе Хьюга.

У Хьюга был короткий нос с горбинкой, резко очерченные губы; он то и дело вздергивал голову, словно застоявшийся жеребец, и одобрял каждое слово Эдуарда хриплым покашливанием; на лице его было написано: «Ну, на сей раз чаша переполнилась, теперь мы прибегнем к строгим мерам!» Он был худ, высок и узкоплеч, кожа у него была нечистая и часто воспалялась.

– Мессир Бувилль, – обратился внезапно король Эдуард к послу Франции, – передайте его высочеству Валуа, что брак, который он нам предлагает, не состоится, хотя мы оценили по достоинству высокую честь, которую он нам оказал. Но у нас иные планы в отношении нашего старшего сына. Таким образом будет раз и навсегда покончено с прискорбным обычаем, согласно которому английские короли берут себе жен во Франции, что не приносит никаких выгод.

Толстяк Бувилль побледнел от оскорбления и поклонился. Затем бросил на королеву полный сожаления взгляд и вышел.

Первым и совершенно непредвиденным последствием бегства Роджера Мортимера из темницы было то, что король Англии рвал традиционный союз. Он хотел оскорбить свою супругу, но тем самым оскорбил своих сводных братьев Норфолка и Кента, мать которых была француженкой. Юноши разом повернулись к своему кузену Генри Кривая Шея, который равнодушно и покорно чуть пожал своим уродливым плечом. Король, не подумав, навсегда оттолкнул от себя могущественного графа Валуа, ибо, как всем было известно, Валуа правил Францией от имени своего племянника Карла Красивого. Так короли иной раз теряют трон и жизнь, поддавшись вспышке безрассудства... Молодой принц Эдуард, по-прежнему неподвижно и молча стоявший у окна, наблюдал за матерью и осуждал отца. В конце концов, речь шла о его женитьбе, а ему не позволили сказать ни слова. Но если бы ему предложили выбирать между английской и французской кровью, он отдал бы предпочтение последней.

Трое младших детей прекратили игру: королева знаком велела служанке увести их.

Затем очень спокойно, глядя прямо в глаза королю, она проговорила:

– Когда муж ненавидит жену, вполне естественно, что он считает ее причиной всех бед. Эдуард был не из тех, кто способен ответить ударом на удар.

– Вся стража в Тауэре напилась до бесчувствия, – вскричал он, – помощник коменданта бежал с изменником, а коннетабль смертельно болен от зелья, которым его отравили. Если, конечно, он не предатель и не притворяется больным, дабы избежать заслуженной кары. Ибо его дело было следить за тем, чтобы узник не сбежал, слышите, Уинчестер?

Хьюг Диспенсер-отец, чьими стараниями Сигрейв был назначен на пост коннетабля, склонился, пережидая шквал. У него была длинная узкая спина, согбенная от рождения, отчасти от долгой карьеры куртизана. Недруги прозвали его хорьком. В морщинах лица под покрасневшими веками, казалось, гнездится алчность, завистливость, подлость, эгоизм, вероломство и упоение всеми этими пороками. Он не был лишен смелости, но не ведал обыч-

ных человеческих чувств, разве что к своему сыну и к двум-трем друзьям, в число которых как раз и входил Сигрейв. Приглядевшись к отцу, можно было легче понять характер сына.

– Милорд, – произнес он спокойным голосом, – я уверен, что Сигрейв ни в чем не повинен...

– Он виновен в небрежности и лени; виновен в том, что дал себя одурачить; виновен в том, что не сумел открыть заговор, который готовился у него под носом; виновен, быть может, в том, что он неудачник от природы... А я не прощаю неудачников. Пусть вы покровительствовали Сигрейву, Уинчестер, он будет наказан; тогда никто не осмелится сказать, что я пристрастен и милостив лишь к вашим ставленникам. Сигрейв будет заточен в темницу вместо Мортимера; таким образом, его преемники будут лучше нести свою службу. Вот, сын мой, как следует управлять, – добавил король, остановившись перед наследником престола.

Мальчик поднял на него глаза и тотчас же потупил взгляд.

Хьюг младший, умевший направлять гнев Эдуарда в удобную для себя сторону, откинул голову и промолвил, глядя на балки потолка:

– Мне хотелось бы обратить ваше внимание, дорогой сир, на другого изменника, который ведет себя по отношению к вам чересчур вызывающе. Я имею в виду епископа Орлетона; это он подготовил побег и, судя по всему, так мало с вами считается, что даже не счел нужным бежать или хотя бы скрыться.

Эдуард взглянул на Хьюга младшего с признательностью и восхищением. Разве можно равнодушно смотреть на этот профиль, на красивую позу говорившего Хьюга; разве можно равнодушно слушать этот высокий, отлично поставленный голос, в особенности когда он нежно и вместе с тем почтительно произносит на французский манер «дорогой сир», точно так же как произносил эти слова прелестный Гавестон, которого убили бароны и епископы... Но теперь Эдуард стал опытней, он узнал людскую злобу, убедился, что уступками ничего не добьешься. Никто не разлучит его с Хьюгом, а тот, кто посягнет на их близость, будет безжалостно сметен.

– Объявляю вам, милорды, что епископ Орлетон предстанет перед парламентом для суда и приговора над ним.

Эдуард скрестил руки и поднял голову, желая убедиться, какое действие произвели его слова. Канцлер-архидиакон и епископ-казначей, хотя и были заклятыми врагами Орлетона, вздрогнули – в них заговорила солидарность служителей церкви.

Генри Кривая Шея, человек умный и уравновешенный по натуре, старавшийся по мере возможности вернуть короля на путь разума, не удержался и спокойно заметил, что епископа может судить лишь церковный суд, состоящий из пэров церкви.

– Все имеет свое начало, Лестер. Насколько мне известно, Евангелие не учит заговорам против короля. Но Орлетон забыл о том, что кесарю – кесарево, и кесарь напомнит ему об этом. Вот еще одно благодеяние, которым я обязан вашей семье, мадам, – продолжал король, обращаясь к Изабелле, – ибо не кто иной, как ваш брат Филипп V заставил своего французского папу назначить против моей воли этого Адама Орлетона епископом Герифорда. Быть по сему! Пусть он станет первым прелатом, подлежащим королевскому суду, и кара, которую он понесет, послужит уроком для других.

– Орлетон никогда не проявлял враждебности в отношении вас, кузен, – настаивал Генри, – и у него не было бы ни малейших оснований стать вашим недругом, если бы вы не ополчились против него и не воспротивились на заседании Совета тому, что папа дал ему митру. Это человек великих знаний и сильной души. Быть может, сейчас, воспользовавшись тем, что он виновен, было бы разумнее привлечь его на свою сторону, проявив снисходительность, и отказаться от суда, который при ваших нынешних затруднениях вызовет недовольство и среди духовенства.

– Снисходительность, милосердие! Всякий раз, когда меня оскорбляют, бросают мне вызов и предают, у вас на устах только одни эти слова, Лестер! Меня умоляли помиловать барона Вигморского, и я совершил ошибку, послушавшись советов! Не станете же вы отрицать, что если бы я поступил с ним так же, как с вашим братом, то ныне этот бунтарь не был бы на пути во Францию.

Генри пожал своим уродливым плечом, закрыл глаза, и на его лице появилось усталое выражение. До чего же отвратительная привычка у Эдуарда – хотя сам он считал ее истинно королевской – называть членов своей семьи и своих главных советников по имени их графств и говорить своему двоюродному брату «Лестер», а не просто «кузен», как это делают все и даже сама королева! И какой дурной тон – при всяком удобном и неудобном случае вспоминать об убийстве Томаса как о славном деянии. До чего же он странный человек и дурной король! Вообразил, что можно безнаказанно рубить головы своим ближайшим родственникам, не породив в семье злобы, считает, что одного его королевского объятия достаточно, чтобы заглушить в сердцах боль потери; он требует преданности от тех самых людей, которым он причинил зло, и желает, чтобы все верой и правдой служили ему, этому олицетворению необдуманной жестокости.

– Да, конечно, вы правы, милорд, – проговорил Генри Кривая Шея, – шестнадцатилетний опыт правления, несомненно, научил вас взвешивать свои решения. Пусть ваш епископ предстанет перед парламентом. Я не стану чинить этому препятствий.

И он процедил сквозь зубы, так, чтобы его слышал лишь молодой граф Норфолк:

– Хотя голова у меня набекрень, все-таки жаль с ней расставаться.

– Согласитесь, – продолжал Эдуард, рубя ребром ладони воздух, – что бежать из крепости, которую я нарочно построил с таким расчетом, чтобы из нее никто не сбежал, значит оскорбить меня лично.

– Возможно, сир, супруг мой, – промолвила королева, – строя крепость, вы обращали больше внимания на красоту каменщиков, нежели на прочность сооружения.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Оскорбление было достаточно сильным и достаточно неожиданным. Присутствующие, затаив дыхание, смотрели, кто с почтением, кто с ненавистью, на эту хрупкую, одинокую женщину, прямо восседавшую на своем кресле и осмелившуюся дать королю столь резкий отпор. Приоткрыв губы, Изабелла обнажила мелкие, густо сидевшие, острые зубы, зубы хищного зверька. Нанесенный удар, независимо от последствий, доставил ей явное удовлетворение.

Хьюг младший побагровел; Хьюг-отец сделал вид, что ничего не слышал.

Разумеется, Эдуард должен был отомстить, но каким образом? Ответный удар запаздывал. Королева смотрела на капельки пота, выступившие на висках ее мужа. Ничто не может вызвать большего отвращения у женщины, чем пот мужчины, которого она разлюбила.

– Кент, – вскричал король, – я назначил вас смотрителем Пяти Портов и комендантом Дувра. Что охраняете вы здесь? Почему вы не на вверенном вам побережье, где изменник попытается сесть на корабль?

– Сир, брат мой, – с изумлением проговорил молодой граф Кент, – ведь вы же сами приказали мне сопровождать вас в поездке...

– Так вот теперь я приказываю вам вернуться в ваше графство, поднять города и селения на поиски беглеца и лично проследить за тем, чтобы все корабли, заходящие в порты, подвергались тщательному досмотру.

– Пусть зашлют на корабли соглядатаев и пусть добудут живым или мертвым Мортимера, если он поднимется на борт корабля, – добавил Хьюг младший.

– Добрый совет, Глостер, – одобрил Эдуард. – Что касается вас, Степлдон...

Епископ Экзетерский перестал грызть ноготь и пробормотал:

– Милорд...

– А вы спешно вернетесь в Лондон! Под предлогом проверки государственной казны, что, кстати, входит в ваши обязанности, вы явитесь в Тауэр и, показав отпечаток моей печати, возьмете крепость под свое командование и наблюдение до тех пор, пока не будет назначен новый коннетабль. Бальдок срочно выдаст вам обоим грамоты, обязывающие всех выполнять ваши приказания.

Генри Кривая Шея, склонив голову на плечо и глядя в окно, казалось, о чем-то мечтал. Он подсчитывал... Подсчитывал, что с момента бегства Мортимера прошло шесть дней, что понадобится еще не менее недели, чтобы приказы начали приводиться в действие, и что если только Мортимер не безумец, чего про него не скажешь, то он, несомненно, успеет за это время покинуть пределы королевства^[9]. И он с радостью подумал о том, что после Бороугбриджа вместе с большинством епископов и сеньоров старался сохранить жизнь барона Вигморского. Ибо теперь, когда Мортимер бежал, оппозиция против Диспенсеров, быть может, вновь обретет вожака, чего ей недоставало со времени смерти Томаса Ланкастера, вожака даже более энергичного, более ловкого и сильного, чем покойный Томас...

По спине короля прошло волнообразное движение, Эдуард круто повернулся и очутился лицом к лицу со своей женой.

– Так вот, мадам, я и впрямь считаю вас виновной в случившемся. Но прежде всего попрошу вас отпустить руку, которую вы не выпускаете с тех пор, как я вошел! Отпустите руку леди Жанны! – крикнул Эдуард, топнув ногой. – Держать при себе с таким упрямством жену предателя – это значит одобрять его самого. Тот, кто помог бежать Мортимеру, разумеется, знал о поддержке королевы... Да к тому же без денег не убежишь; за измену платят, и стены разрушают золотом. От королевы к придворной даме, от придворной дамы к епископу, от епископа к бунтовщику – путь простой. Придется повнимательнее проверить ваш ларец.

– Сир, супруг мой, мой ларец и без того проверяют достаточно тщательно, – проговорила Изабелла, указывая на леди Диспенсер.

Казалось, Хьюг младший вдруг потерял интерес к спору. Наконец-то гнев короля, как и обычно, обернулся против королевы. Эдуард, несомненно, нашел способ отомстить ей, и Хьюг торжествовал. Он взял книгу, которая лежала рядом с креслом и которую леди Мортимер читала королеве до прихода графа Бувилля. Это было собрание лэ Марии Французской^[10]; шелковой закладкой был отмечен куплет:

Ни в Бургундии, ни в Булони,
Ни в Анжу и ни в Гаскони
Вам вовеки не сыскать
Рыцаря ему под стать.
Все прекраснейшие дамы,
Благородные девицы
Лишь о нем одном вздыхают,
Он один во сне им снится.

«Франция, вечно одна только Франция... И читают они лишь об этой стране, – подумал Хьюг. – Но кто же этот рыцарь, о котором они мечтают? Разумеется, Мортимер...»

– Милорд, я не слежу за милостыней, которую раздает королева, – проговорила Алиенора Диспенсер.

Фаворит поднял глаза и улыбнулся. В душе он поздравил жену с этим ловким ходом.

– Итак, придется мне отказаться и от раздачи милостыни, – сказала Изабелла. – Вскоре я лишусь всех привилегий королевы, даже права быть милосердной.

– Вам придется также, мадам, – продолжал Эдуард, – ради любви, которую вы питаете ко мне и которая всем очевидна, расстаться с леди Мортимер, ибо отныне никто в королевстве не сможет понять, почему она пребывает при вас.

На сей раз королева побледнела и поникла в своем кресле. Большие белые руки леди Джейн задрожали.

– Не следует считать, Эдуард, что супруга причастна к действиям мужа. Возьмите, к примеру, меня. И поверьте, леди Мортимер столь же мало виновна в ошибках своего мужа, как и я в ваших грехах, если вам случается таковые совершать.

Однако на этот раз атака не удалась.

– Леди Джейн отправится в Вигморский замок, который я отныне вверяю наблюдению моего брата Кента, вплоть до того дня, пока я не приму решения о судьбе имущества того человека, чье имя в следующий раз будет произнесено в моем присутствии лишь при вынесении смертного приговора. Полагаю, леди Джейн, что вы предпочтете уехать в ваш замок добровольно и не заставите применять в отношении вас силу.

– Так, значит, меня хотят оставить в полном одиночестве, – промолвила Изабелла.

– Как вы можете говорить об одиночестве, мадам! – воскликнул Хьюг младший своим красивым певучим голосом. – Все мы – друзья короля, а значит, и ваши преданные друзья. И разве моя преданная жена, госножа Алиенора, не ваша верная подруга? Какая красивая книга, – добавил он, показывая на сборник лэ, – и иллюстрирована изящнейшими гравюрами; не дадите ли вы ее мне почитать?

– Конечно же, конечно, королева даст ее вам, – сказал король. – Не правда ли, мадам, вы сделаете нам удовольствие и дадите книгу нашему другу Глостеру?

– Весьма охотно, сир, супруг мой, весьма охотно. Хотя я знаю, что означают слова «дать на время», когда речь идет о *вашем* друге лорде Диспенсере. Вот уже десять лет, как я ему точно так же отдала свой жемчуг, и, как видите, он до сих пор носит его на шее!

Она не сдавалась, но сердце бешено колотилось в ее груди. Впредь ей предстоит одной сносить каждодневные оскорбления. Но если когда-нибудь наступит день мести, она припомнит все.

Хьюг младший положил книгу на ларец и заговорщически подмигнул жене. Лэ Марии Французской ждала судьба золотых застежек со львами из драгоценных камней, трех золотых корон, четырех корон, украшенных рубинами и изумрудами, ста двадцати серебряных ложек, тридцати больших блюдец, десяти золотых кубков, постельного белья, расшитого золотыми геральдическими ромбами, кареты с шестеркой лошадей, носильного белья, серебряных тазиков, упряжек, церковного убранства – всех этих чудесных вещей, подаренных Изабелле отцом или близкими, вещей, составлявших часть ее приданого, занесенного Югом де Бувиллем в подробный перечень перед отъездом в Англию, и перешедших затем в руки фаворитов короля – сначала Гавестона, потом Диспенсера. У нее отобрали даже широкий расшитый плащ из турецкого сукна, который был на ней в день свадьбы!

– Итак, милорды, – сказал король, хлопнув в ладоши, – исполняйте незамедлительно мои приказы, и да будет каждый из вас на высоте своего долга!

Это тоже было его любимое выражение, еще одна фраза, которую Эдуард считал поистине королевской и которой он оканчивал свои Советы. Он вышел, за ним последовали остальные, и комната опустела.

Приорство Киркхейм постепенно погрузилось во мрак, и вместе с сумерками в окна проникло немного прохлады. Королева Изабелла и леди Мортимер, боясь расплакаться, не решались промолвить ни слова. Они виделись в последний раз перед долгой разлукой. Суждено ли им встретиться когда-нибудь? Какая судьба уготована каждой из них?

Молодой принц Эдуард, потупив взор, бесшумно сел позади матери, словно желая заменить подругу, которой ее лишали.

Леди Диспенсер подошла, чтобы взять книгу, приглянувшуюся ее мужу, красивую книгу, бархатный переплет которой был украшен драгоценными камнями. Уже давно этот томик был предметом ее вожделения, тем более что она знала ему цену. Но когда она намеревалась взять лэ, молодой принц Эдуард положил на переплет свою руку.

– Ну нет, скверная женщина, – проговорил он, – вам ее не видать.

Королева молча отстранила руку принца, взяла книгу и протянула ее своей ненавистнице. Затем повернулась к сыну, слегка улыбнувшись и вновь показав свои мелкие зубки хищницы. Одиннадцатилетний ребенок не мог еще быть надежной опорой; но его поддержка все-таки значила немало, ибо он был наследным принцем.

Глава III Новый клиент мессира Толомеи

Старый Спинелло Толомеи, откинув ногой край ковра в своем кабинете на втором этаже и сдвинув маленькую деревянную заслонку, открыл секретный глазок, через который мог наблюдать за своими приказчиками, работавшими в большой галерее нижнего этажа. С помощью подобного скрытого в балках «шпиона» – чисто флорентийское изобретение – мессир Толомеи мог видеть все, что происходило внизу, слышать все, что там говорилось.

Сейчас в его заведении, занимавшемся банковскими операциями и торговлей, царило великое смятение. По прилавкам пробегали тени от беспокойно колебавшегося пламени ламп с тремя светильниками, приказчики перестали подсчитывать медные жетоны, железный аршин с грохотом упал на пол, а на столиках менял покачивались весы, хотя никто к ним не прикасался. Покупатели повернулись к двери, а старшие приказчики, приложив руку к груди, уже склонились в поклоне.

Мессир Толомеи усмехнулся, догадавшись по этому смятению, что к нему пожаловал граф Артуа. Впрочем, через минуту он и сам увидел в глазок огромную, красного бархата шляпу с гребнем, красные перчатки, красные сапоги с громко звенящими шпорами, ярко-красный плащ, свободно развевавшийся за плечами гиганта. Только его светлость Робер Артуа входил к Толомеи с таким шумом, вызывая своим появлением дрожь у служащих, только он имел привычку пощипывать на ходу горожанок, чьи мужья не осмеливались пикнуть, только он одним своим дыханием, казалось, сотрясал стены.

Но все это не производило на старого банкира особого впечатления. Толомеи давно знал графа Артуа. Много раз наблюдал он за ним, и отсюда, сверху, ему было хорошо видно, сколько наигранного, показного, театрального в жестах этого сеньора. Только потому, что природа наделила Артуа исключительными физическими данными, он разыгрывал из себя людоеда. На самом же деле он просто хитрец, бестия. К тому же Толомеи вел финансовые дела Робера...

Куда больше заинтересовал банкира спутник Артуа; он был в черной одежде, шагал уверенно, по виду это был человек сдержанный, замкнутый и высокомерный. С первого же взгляда Толомеи распознал в нем по-настоящему сильный характер.

Оба посетителя остановились перед прилавком с оружием и упряжью, и его светлость Артуа принялся перебирать своей огромной лапицей в красной перчатке кинжалы, клинки, образцы ножен, ворошить попоны, стремяна, изогнутые удила, зубчатые, узорно расшитые уздечки. Потом приказчикам и за час не разложить товары по местам. Робер выбрал пару толедских шпор с длинными остриями, загнутыми вверх и наружу для того, чтобы не повредить сухожилий своего любимого Ахилла при резких ударах шпор: это было остроумное и, несомненно, весьма полезное для турниров нововведение. Крепления шпор были украшены цветами и лентами, на позолоченной стали круглыми буквами был выгравирован девиз: «Побеждать».

– Дарю их вам, милорд, – сказал гигант сеньору в черном. – Недостает лишь дамы, которая пристегнула бы их к вашим ногам. Но тут задержки не будет, французские дамы легко возгораются страстью к чужестранцам. Вы найдете здесь все, что угодно, – продолжал он, обводя рукой галерею. – Мой друг Толомей, искусный ростовщик и купец, хитрая лиса, достанет вам все, чего бы вы ни просили, заставить его врасплох невозможно. Не хотите ли вы преподнести в дар вашему капеллану ризу? У него их тут три десятка на выбор... Колечко вашей возлюбленной? У него полные сундуки драгоценных камней... Если вы хотите надушить девицу, прежде чем развлекаться с ней, он предложит вам мускус, доставленный прямо с рынков Востока... Может быть, вам требуется реликвия?.. У него их три сундука... И помимо всего он продает золото, чтобы скупать все эти сокровища! У него есть монеты со всех уголков Европы; можете узнать курс каждой на тех аспидных досках. Он торгует цифрами, и это, пожалуй, главное, чем он торгует: арендные счета, проценты с заемов, доходы с ленных владений... За каждой такой маленькой дверцей у него сидят приказчики, которые подсчитывают, удерживают. Что делали бы мы без этого человека, который обогащается, потому что мы слабы в арифметике! Поднимемся к нему.

И деревянные ступеньки винтовой лестницы закрипели под тяжестью графа Артуа. Мессир Толомей задвинул заслонку глазка и опустил край ковра.

Комната, куда вошли оба сеньора, была мрачной, пышно обставлена тяжелой мебелью, большими серебряными вазами, на стенах висели узорчатые ковры, заглушавшие все шумы; здесь пахло свечами, ладаном, пряностями и лекарственными травами. Казалось, собранные банкиром богатства впитали в себя все запахи жизни.

Банкир поднялся им навстречу. Робер Артуа, давно не видевший Толомей, – почти три месяца он разъезжал со своим кузеном, королем Франции, сопровождал его в Нормандию, куда они прибыли в конце августа, затем вместе с ним провел осень в Анжу, – удивился перемене, происшедший в сиенце. Банкир постарел, седые волосы жидкими прядями спадали на воротник его кафтана; время наложило жестокий отпечаток на его лицо; от висков к скулам легла сетка морщин, словно по лицу его прошли птичьи когти; дряблые щеки слились с отвисшим подбородком; грудь впала, зато живот торчал сильнее прежнего; коротко остриженные ногти крошились. Только левый глаз, знаменитый левый глаз мессира Толомей, обычно зажмуренный, придавал ему выражение живости и лукавства; но взгляд другого глаза – широко открытого, – рассеянный, отсутствующий и утомленный взгляд, выдавал человека изнемогшего и помышляющего не так о внешнем мире, как о дряхлой своей плоти, где гнездятся недуги и усталость, о плоти, которая скоро превратится в прах.

– Друг Толомей, – воскликнул Робер Артуа, сняв перчатки и швырнув их, словно кровавый кусок мяса, на стол, – друг мой Толомей, в лице этого посетителя вам улыбается фортуна.

Банкир указал гостям на кресла.

– Во что же она мне обойдется, ваша светлость? – спросил он в ответ.

– Ну, ну, банкир, – сказал Робер Артуа, – разве когда-нибудь по моей вине вы помещали невыгодно капиталы?

– Никогда, ваша светлость, никогда, признаю. Правда, с платежами иногда немного запаздывали, но, в конце концов, бог даровал мне довольно долгую жизнь, и я смог пожать плоды оказанного мне вами доверия. Но представьте, ваша светлость, что я бы умер, как умирают другие, в пятьдесят лет? Тогда по вашей милости я умер бы банкротом.

Остроумная шутка развеселила Робера Артуа, и он улыбнулся всем своим широким лицом, обнажив крепкие, но грязные зубы.

– Разве вы когда-нибудь теряли на мне? – ответил он. – вспомните, как в свое время я втянул вас в игру его высочества Валуа против Ангеррана де Мариньи. И вы сами видите, кто сейчас Карл Валуа и как кончил Мариньи свою брентную жизнь. Разве я не вернул вам

сполна всю сумму, которую вы дали мне на войну в Артуа? Я признателен вам, банкир, весьма признателен за то, что вы всегда меня поддерживали, даже в самые тяжелые часы; ибо было время, когда я по уши влез в долги, – продолжал он, повернувшись к сеньору в черном, – у меня не оставалось земель, если не считать несчастного графства Бомон-ле-Роже, доходы от коего казна к тому же выплачивала не мне, а мой любезный кузен Филипп Длинный – да хранит бог его душу в самых дальних закоулках ада – упрятал меня в Шатле. И вот этот банкир, которого вы, милорд, видите перед собой, ростовщик, я величайший плут, каких когда-либо давала миру Ломбардия, человек, способный взять в залог ребенка в утробе матери, никогда не оставлял меня в беде. Вот почему он так долго прожил и проживет еще немало...

Мессир Толомеи растопырил два пальца правой руки на манер рожек и прикоснулся к деревянной столешнице.

– Да, да, король ростовщиков, вы будете еще долго жить, уж поверьте мне... Вот почему этот человек будет всегда моим другом, которому я безгранично верю. И он был прав, поддерживая меня, ибо ныне я зять его высочества Валуа, член королевского Совета и живу на доходы с собственного графства. Мессир Толомеи, знатный сеньор, которого вы видите, – это лорд Мортимер, барон Вигморский.

– Бежавший из Тауэра первого августа, – проговорил банкир, склоняя голову. – Большая честь, милорд, большая честь!

– Черт подери! – вскричал Артуа. – Так, значит, вам все известно?

– Ваша светлость, барон Вигморский слишком видная фигура, чтобы мы не знали, что случилось с ним, – ответил Толомеи. – Мне даже известно, милорд, что, когда король Эдуард отдал приказ своим шерифам на побережье отыскать и арестовать вас, вы уже отплыли и были вне досягаемости английского правосудия. Мне известно, что, когда он велел обшарить все суда, готовящиеся к отплытию в Ирландию, и перехватить всю почту из Франции, ваши друзья в Лондоне и по всей Англии уже были уведомлены о благополучном вашем прибытии в Пикардию, к вашему кузену мессиру Жану де Фиенну. И, наконец, мне известно, что, когда король Эдуард приказал мессиру де Фиенну вас выдать, угрожал отобрать все его земли, находящиеся по ту сторону Ла-Манша, этот сеньор, горячий сторонник и верная опора его светлости Робера, тотчас же направил вас к нему. Должен сказать вам, что я не только предполагал, я был уверен, что вы придете ко мне, ибо его светлость Артуа – мой постоянный клиент, как он сам об этом сказал, всегда вспоминает обо мне, когда его друзья попадают в затруднительное положение.

Роджер Мортимер внимательно слушал банкира.

– Я вижу, мессир, – ответил он, – что у ломбардцев отличные соглядатаи при английском дворе.

– Для вашей же пользы, милорд... Вам, вероятно, известно, что король Эдуард должен нашим компаниям крупную сумму. А за должником нужно следить. Тем более что ваш король уже давно отказывается признавать свою же собственную подпись, по крайней мере когда дело касается нас. Он ответил нам через своего лорда-казначея епископа Экзетерского, что незначительные доходы от сбора податей, тягостное бремя войн и происки его баронов не позволяют ему поступить иначе. А между тем пошлин, которыми он облагает наши товары в одном лишь лондонском порту, вполне хватило бы на то, чтобы рассчитаться с нами.

Слуга принес подогретое вино и драже – обычное угощение для знатных посетителей. Толомеи поднес гостям по целому кубку пряного вина, себе же налил лишь несколько капель и едва пригубил кубок.

– В настоящее время казна Франции находится, по-моему, в лучшем состоянии, нежели английская, – добавил он. – Не известно ли уже сейчас, ваша светлость Робер, каким приблизительно будет сальдо в этом году?

Если в нынешнем месяце не грянет какая-нибудь неожиданная беда – чума, голод, женитьба или похороны кого-нибудь из наших родственников королевской крови, то доходы на двенадцать тысяч ливров превысят расходы; эти цифры представил сегодня утром Совету глава Счетной палаты Миль де Нуайэ. Активное сальдо в двенадцать тысяч! Никогда еще во времена двух Филиппов – и Четвертого и Пятого (а не дай бог появиться Шестому) – казна не была в таком блестящем состоянии.

– Как удалось вам, ваша светлость, добиться превышения доходов над расходами? – спросил Роджер Мортимер. – Не является ли это следствием того, что государство не ведет войн?

– С одной стороны, войн нет, но в то же время война есть, война, которую готовят, но не ведут. Или, точнее говоря, крестовый поход. Должен сказать, Валуа как никто умеет воспользоваться выгодами крестового похода! Не подумайте, что я считаю его плохим христианином! Разумеется, он от всего сердца желает освободить Армению от турок, так же как он желает восстановить ту самую Константинопольскую империю, корону которой он в свое время носил, так и не сумев взойти на трон. Но, в конце концов, крестовый поход в один день не подготовишь! Надо еще снарядить флот, выковать оружие; а главное, надо найти крестоносцев, договориться с Испанией, договориться с Германией... А первый шаг на этом пути – добиться от папы уплаты десятины с духовенства. Мой дорогой тесть добился этой десятины, и сейчас все убытки казны покрывает не кто иной, как папа.

– Ну и ну! Вы, ваша светлость, чрезвычайно меня заинтересовали! – произнес Толомеи. – Поскольку я являюсь банкиром папы... Четвертая доля вместе с Барди, но и эта четвертая доля достаточно велика! И если папа, не дай бог, обеднеет...

Артуа, отхлебнувший большой глоток вина, прыснул со смеху в серебряный кубок и поперхнулся.

– Обеднеет? Кто? Святой отец? – воскликнул он, проглотив наконец вино. – Да ведь он богач, у него сотни тысяч флоринов! О, этот человек мог бы кое-чему научить даже вас, Спинелло. Каким великим банкиром мог бы он стать, не будь он духовным лицом! Ведь когда он принял папскую казну, в ней было еще меньше денег, чем в моем кармане шесть лет назад...

– Знаю, знаю, – пробормотал Толомеи.

– Дело в том, что кюре лучшие сборщики налогов, какие когда-либо существовали на свете, и его высочество Валуа отлично усвоил эту истину. Вместо того чтобы увеличивать подати, используя для этого ненавистных всем сборщиков, в ход были пущены священнослужители, они выклянчивают пожертвования, а с них берут десятину. Рано или поздно крестоносцы двинутся в путь. А пока платит папа, стрижет шерсть со своих овец, то бишь паствы.

Толомеи осторожно потер правую ногу; с некоторых пор нога начала холодеть и побаливала при ходьбе.

– Так вы говорите, ваша светлость, что сегодня утром состоялся Совет. Не было ли принято на нем каких-нибудь важных ордонансов? – спросил он.

– О! Как и обычно. Обсудили стоимость свечей и приняли решение запретить подмешивать в воск животное сало, а также смешивать старое варенье с новым. В отношении товаров, продаваемых в упаковке, вес упаковки должен вычитаться и не включается в цену. Все это в угоду простому люду, дабы показать ему, что о нем пекутся.

Слушая разглагольствования Робера, Толомеи внимательно разглядывал своих посетителей. Оба они казались ему молодыми; сколько могло быть лет Артуа? Тридцать пять, тридцать шесть... Да и англичанину не больше. Все мужчины, не достигшие шестидесяти лет, казались ему чуть ли не юношами! Сколько у них впереди дел, сколько волнений, битв,

надежд и сколько восходов солнца, которых ему уже не увидеть! Сколько раз эти двое, проснувшись, вдохнут воздух нового дня, когда его прах уже будет покоиться в земле!

И что за человек этот лорд Мортимер? Лицо с правильными чертами и густыми бровями, гордый разрез серых глаз, строгая одежда, манера скрещивать руки, высокомерная и спокойная осанка человека, который еще недавно был на вершине могущества и старается сохранить свое достоинство в изгнании, даже машинальное движение, когда он проводил пальцем по небольшому белому шраму на губе, – все это понравилось старому сиенцу. И Толомеи вдруг захотелось, чтобы этот сеньор вновь обрел счастье! С некоторых пор Толомеи находил своеобразное удовольствие, думая о других людях.

– А что, ордонанс о вывозе монет будет вскоре обнародован, ваша светлость, или нет? – спросил он. Робер Артуа заколебался с ответом.

– Может быть, вы не слишком осведомлены об этом... – добавил Толомеи.

– Разумеется, разумеется, я осведомлен. Вы же прекрасно знаете, что король и особенно его высочество Валуа не делают ничего, не спросив моего совета. Ордонанс будет подписан через два дня: никто не будет иметь права вывозить за пределы королевства золотые или серебряные монеты, отчеканенные где-либо во Франции. Только паломникам разрешат брать с собой несколько мелких монет.

Банкир сделал вид, что придает этой новости ничуть не больше значения, чем ценам на свечи и подмешиванию старого варенья в новое. Но про себя он уже думал: «Значит, вывозить из королевства можно будет только иностранные монеты; следовательно, они возрастут в цене... Какую помощь в нашем деле оказывают болтуны и как дешево отдают нам бахвалы то, что могли бы продать втридорога!»

– Итак, милорд, – сказал он, поворачиваясь к Мортимеру, – вы рассчитываете обосноваться во Франции? Чем я могу быть вам полезен?

За Мортимера ответил Робер:

– Всем, что необходимо знатному сеньору для поддержания своего положения. У вас достаточно богатый опыт в этом деле, Толомеи!

Банкир позвонил в колокольчик. Вошел слуга, и банкир велел ему принести свою большую книгу, добавив:

– Если мессир Боккаччо еще не уехал, скажи ему, пусть подождет меня.

Принесли книгу – огромный фолиант в обложке из черной кожи, сильно потертой от бесчисленных прикосновений; веленевые листы книги были скреплены при помощи подвижных зажимов. При желании в книгу можно было добавлять сколько угодно новых листков. Этот прием позволял мессире Толомеи подкалывать счета своих знатных клиентов в алфавитном порядке, вместо того чтобы каждый раз искать разрозненные листки. Банкир положил книгу на колени и с некоторой торжественностью открыл ее.

– Вы будете в хорошей компании, милорд, – проговорил он. – По месту и почет... Книга начинается с графа Артуа. У вас много счетов, ваша светлость, – добавил он с усмешкой, обращаясь к Роберу. – Затем следует граф Бувилль, попавший сюда в связи с его поездками к папе и в Неаполь... Королева Клеменция.

Банкир почтительно склонил голову.

– О! Она доставила нам немало забот после смерти короля Людовика Десятого; можно было подумать, что горе породило в ней ненасытную расточительность. Сам святейший отец заклинал ее в особом послании быть умеренной, и она вынуждена была заложить у меня свои драгоценности, чтобы расплатиться с долгами. Сейчас она живет доходами с земель, завещанных ей покойным супругом, в отеле Тамплъ, который получила в обмен на Венсеннский замок, и, кажется, вновь обрела покой.

Он продолжал переворачивать шелестевшие под его рукой страницы.

«Ну вот, теперь я сам расхвастался, – подумал Толомеи. – Впрочем, нужно же хоть немного подчеркнуть услуги, которые оказываешь, а заодно показать, что ничуть не польщен новым должником».

Толомеи с необычайной ловкостью показывал посетителям лишь имена, прикрывая рукой столбцы цифр. Таким образом он был нескромен только наполовину. Кроме того, вся его жизнь была как бы заключена в этой книге, и он с тайной радостью листал ее при всяком удобном случае. Каждое имя, каждый счет вызывали множество воспоминаний, были связаны с множеством интриг и чужих тайн, с множеством обращенных к нему просьб, так что книга стала как бы мерилем его могущества. Каждая сумма была живым напоминанием о чем-нибудь посещении, письме, ловкой сделке, свидетельствовала о симпатии или жестокости в отношении неаккуратного должника... Прошло уже почти полвека с тех пор, как Спинелло Толомеи, приехавший из Сиенны и поначалу торговавший на ярмарках в Шампани, обосновался здесь, на Ломбардской улице, и открыл собственный банк^[11].

Еще страница, еще одна, зацепившаяся за поломанный ноготь. Имя, перечеркнутое черной чертой.

– Смотрите-ка, вот мессир Данте Алитъери, поэт... Счет на небольшую сумму, которую он взял, когда прибыл в Париж навестить королеву Клеменцию в дни траура. Он был большим другом Клеменции и ее отца короля Карла Венгерского. Помню, как он сидел в том же кресле, что и вы, милорд. Недобрый он был человек. Сам сын менялы, он целый час говорил мне о своем презрении к профессии банкира. Но пусть он бывал злым, пусть пьянствовал с девками в злых местах, а сам твердил о своей небесной любви к Беатриче! Зато первый показал, сколь певуч наш язык, никто до него не сумел этого сделать. А как он описал ад, милорд! Вы не читали? Ай-ай-ай, прикажите-ка вам перевести! Содрогаешься при одной мысли, что так оно и есть. А знаете, в Равенне, где мессир Данте прожил свои последние годы, люди со страхом разбегались при виде его, ибо думали, что он и в самом деле спускался в преисподнюю. До сих пор немало людей отказываются верить, что он действительно умер два года назад, они утверждают, что он волшебник и не может умереть!.. Да, он не любил ни банков, ни его высочество Валуа, который изгнал его из Флоренции.

Пока Толомеи рассказывал о Данте, он прижимал раздвинутые рожками пальцы к деревянной ручке кресла.

– Вот, вы будете здесь, милорд, – вновь заговорил он, делая пометку в толстой книге. – Сразу же после монсеньора Мариньи; не беспокойтесь, не того, которого повесили и о котором только что упомянул его светлость Артуа, нет, а его родича, епископа Бовэзского. С нынешнего дня я открываю вам счет на десять тысяч ливров. Можете использовать их по своему усмотрению; мой скромный дом всегда к вашим услугам. Ткани, оружие вы возьмете здесь у меня и получите любые товары в кредит.

У Толомеи уже давно вошло в привычку давать людям займы деньги на покупку того, что он сам же продавал.

– А как ваш процесс против тетушки, ваша светлость? Не намерены ли вы возобновить его теперь, когда достигли такого могущества? – спросил он Робера.

– Непременно, непременно, но всему свое время, – ответил гигант, вставая. – Торопиться нечего, и я давно убедился, что излишняя поспешность мне только во вред. Пусть моя дражайшая тетушка стареет, пусть растрчивает силы в мелких тяжбах с вассалами и своим сутяжничеством каждый день наживает себе новых врагов, пусть приводит в порядок замки, с которыми я не совсем бережно обошелся во время последнего пребывания на ее землях и которые на самом-то деле принадлежат мне. Она начинает понимать, во что ей обойдется владение моим добром! Ей пришлось одолжить его высочеству Валуа пятьдесят тысяч ливров, которых она в глаза не увидит, ибо их дали в приданое за моей супругой и именно из этой суммы я уплатил вам долг. Как видите, эта шлюха на самом деле не такая уж

вредная особа, как об этом говорят. Я только стараюсь поменьше с ней встречаться, ибо она меня до того любит, что вполне может отправить к праотцам, подсунув какое-нибудь засахаренное драже, от которого уже отдало богу душу немало наших родичей... Но я верну свое графство, банкир, верну, будьте уверены, и, когда это случится, я сдержу свое слово и сделаю вас своим казначеем.

Провожая посетителей, мессир Толомеи, осторожно нащупывая ступеньки, спустился по лестнице и довел их до двери, выходящей на Ломбардскую улицу. Когда Роджер Мортимер осведомился, под какой процент ему даны деньги, банкир жестом дал понять, что вопрос этот излишен.

– Окажите лишь честь, заглядывая в мой банк, навещать меня, – сказал он. – Вы, несомненно, сможете рассказать мне много поучительного, милорд.

Слова эти сопровождались улыбкой, а левый глаз вдруг приоткрылся и даже слегка подмигнул, что должно было означать: «Поговорим наедине, без болтливых свидетелей».

От холодного ноябрьского воздуха, ворвавшегося с улицы, по телу старика пробежала легкая дрожь; но как только дверь за посетителями закрылась, Толомеи прошел за прилавки в маленькую комнату для ожидания, где находился Боккаччо, кочующий представитель компании Барди.

– Друг Боккаччо, – обратился к нему Толомеи, – сегодня и завтра скупай все английские, голландские и испанские монеты, итальянские флорины, дублоны, дукаты – всю чужеземную валюту; можешь переплачивать по денье, а то и по два на каждой монете. Через три дня цена на них возрастет на четверть. Все путешественники вынуждены будут запастись ими у нас, ибо вывоз французского золота будет запрещен. Доход от этой операции поделим пополам.^[12]

Банкир приблизительно прикинул, сколько можно будет собрать иностранного золота на месте, приплюсвав то, что лежало у него в сундуках, и подсчитал, что это дельце принесет ему пятнадцать-двадцать тысяч ливров чистой прибыли. Другими словами, он удвоит ту сумму в десять тысяч ливров, которую только что дал займы, и благодаря удачной операции будет иметь возможность предоставлять новые займы. Вот что значит сноровка!

И когда флорентийский горожанин Боккаччо рассыпался в комплиментах по адресу Толомеи и, медленно цедя фразы своим тонкогубым ртом, заметил, что не зря ломбардские компании в Париже выбрали мессира Спинелло Толомеи своим капитаном, старик ответил:

– О! Когда занимаешься больше полувека нашим ремеслом, тут уж нечего говорить о личных заслугах, все получается само собой. А будь я действительно ловким человеком, знаешь, что бы я сделал? Скупил бы твои запасы флоринов и забрал бы себе всю прибыль. Но к чему мне это? Ты сам это поймешь позже, Боккаччо, сейчас ты еще слишком молод...

А у Боккаччо на висках уже пробивалась седина.

– ... человек, достигнув известного возраста и работая только для себя, испытывает такое чувство, будто он работает впустую. Мне недостает моего племянника. Дела его здесь уладились; уверен, что он ничем не рискует, если вернется. Но он отказывается, этот чертов Гуччо, упрямится, как полагаю, от гордости. Этот огромный дом по вечерам, после того как приказчики разойдутся, а слуги улягутся, кажется мне таким пустым. Порой я даже жалею, что покинул Сиенну.

– Твой племянник, Спинелло, – сказал Боккаччо, – должен был поступить так же, как поступил я, когда оказался в таком же положении после истории с одной парижской дамой. Я забрал своего сына и отвез его в Италию.

Мессир Толомеи покачал головой, думая о том, как печален очаг без детей. Сыну Гуччо должно было на днях исполниться семь лет, а Толомеи еще ни разу его не видел. Этому противилась мать ребенка...

Банкир потер правую ногу, она онемела и не слушалась, будто он ее отсидел. Вот как тащит вас к себе смерть, тащит за ноги понемножку, тащит долгие годы... Вечером, перед тем как лечь в постель, Толмеи прикажет принести таз с горячей водой, чтобы отогреть ногу.

Глава IV Лжекрестовый поход

– Лорд Мортимер, для моего крестового похода мне понадобятся мужественные и доблестные рыцари наподобие вас, – заявил Карл Валуа. – Быть может, вы сочтете не слишком скромным с моей стороны говорить о «моем крестовом походе», тогда как в действительности это поход самого нашего господина бога, но, признаюсь, и с этим согласятся все, если сие великое предприятие, самое значительное и самое славное, какое только может объединить христианские народы, и впрямь свершится, то оно свершится лишь потому, что я своими собственными руками подготовлю его. Итак, лорд Мортимер, со всей присущей мне чистосердечностью и прямоотой я спрашиваю вас: хотите ли вы присоединиться ко мне?

Роджер Мортимер выпрямился в кресле; его лицо слегка помрачнело, а веки наполовину прикрыли серые глаза. Уж не предлагают ли ему, словно мелкому вассалу или неудавшемуся авантюристу, случайно оказавшемуся здесь, командовать отрядом из двадцати рыцарей? Тогда это предложение простая милостыня!

Граф Валуа впервые принял Мортимера, так как все время был занят то делами в Совете, то приемами иностранных послов, то поездками по королевству. Наконец-то Мортимеру удалось увидеть этого человека, правившего Францией, человека, который как раз сегодня возвел в канцлеры одного из своих подопечных, Жана де Шершмона^[13], и от которого сейчас зависела судьба Мортимера; безусловно, теперешнее положение Мортимера было завидным для бывшего узника, приговоренного к пожизненному заключению, но в то же время тягостным для столь знатного сеньора; он, изгнанник, должен просить и ждать, не предлагая ничего взамен.

Встреча состоялась во дворце Сицилийского короля, который Карл Валуа получил в дар от своего первого тестя, Карла Неаполитанского Хромого, в качестве свадебного подарка. В огромном зале, отведенном для аудиенций, дюжина оруженосцев, придворных и писцов, разбившись на маленькие группки, шептались между собой, поглядывая в сторону своего господина, который, словно настоящий монарх, принимал посетителей, восседая на кресле, вернее на троне с парчовым балдахинном. Его высочество Валуа был одет в просторный домашний наряд из голубого бархата, расшитого латинской буквой «V» и лилиями, с большим вырезом спереди, что позволяло видеть меховую подпушку. Руки его были усыпаны перстнями, с пояса на золотой цепочке свисала выгравированная на драгоценном камне личная печать; голову венчал бархатный колпак, схваченный золотым чеканным ободком, нечто вроде короны для неторжественных случаев. Рядом, опираясь о спинку трона, стоял старший сын Карла Валуа – Филипп, жизнерадостный, статный здоровяк с огромным носом, а сбоку сидел на табуретке, вытянув огромные сапожищи из красной кожи, зять Карла – Робер Артуа. В камине пылал целый ствол дерева.

– Ваше высочество, – медленно произнес Мортимер, – если помощь первого среди баронов Уэльской марки, человека, который управлял королевством Ирландия и командовал во многих битвах, может быть вам полезна, я с готовностью окажу ее во имя защиты христианства, и уже сейчас вы можете располагать мною.

Валуа понял, что его собеседник человек гордый; говорит он о своих ленных владениях в Уэльской марке так, словно они все еще принадлежат ему, и что привлечь его на свою сторону можно лишь обходительным обращением.

– Я счастлив, барон, – сказал он в ответ, – видеть, что под знамя короля Франции, вернее, под мое знамя – ибо уже сейчас решено, что мой племянник будет по-прежнему управлять королевством, в то время как я возглавлю крестовый поход, – так вот, повторяю, счастлив видеть, что под мое знамя собираются виднейшие суверенные принцы Европы: мой родственник Иоганн Люксембургский, король Богемии, мой шурин Роберт Неаполитанский и Сицилийский, мой кузен Альфонс Испанский, а также республики Генуя и Венеция, которые по призыву святейшего папы дадут нам галеры. У вас будет неплохое общество, барон, и я позабочусь о том, чтобы все уважали и чтили в вас знатного сеньора, каким вы являетесь. Во Франции, откуда вышли ваши предки и которая была родиной вашей матушки, ваши заслуги сумеют оценить лучше, чем в Англии.

Мортимер молча склонил голову. Заверение есть заверение; придется быть начеку, чтобы оно не осталось пустыми словами.

– Вот уже более пятидесяти лет, – продолжал его высочество Валуа, – в Европе не совершалось ничего великого во имя божье; точнее, со времен моего деда Людовика Святого, который хоть и вознесся на небеса, но оставил после себя на земле жизнь! Неверные, ободренные нашим бездействием, вновь подняли голову и считают себя хозяевами всей земли, совершают опустошительные набеги на побережье, грабят корабли, препятствуют торговле и одним своим присутствием оскверняют святые места. А мы, что сделали мы? Постепенно покинули все наши владения, все наши поселения; ушли из построенных нами крепостей, перестали защищать завоеванные нами священные права. Все это произошло одновременно с упадком Ордена тамплиеров, что было делом рук моего старшего брата – мир праху его, – но я никогда не одобрял расправы с тамплиерами! Однако те времена миновали. В начале нынешнего года к нам прибыли посланцы Малой Армении с просьбой оказать им помощь против турок. Я благодарен моему племяннику, королю Карлу IV, за то, что он понял, какую пользу может принести этот шаг, и одобрил меры, принятые мною в связи с этим; дело дошло до того, что теперь он заявляет, будто ему первому пришла в голову эта мысль! Хорошо уже то, что он верит в крестовый поход, а остальное не столь важно. Таким образом, в скором времени, собрав силы, мы двинемся в поход и нанесем сокрушительный удар по этим варварам в их далеком краю.

Робер Артуа, слышавший эту речь в сотый раз, с проникновенным видом одобрительно кивал головой, но в глубине души его забавляло то, с каким жаром его тесть вещает о высоких материях. Ибо Робер отлично знал истинную подоплеку дела. Знал, что на турок действительно готовится поход, но знал также, что попутно решено немного потеснить и христиан, ведь, как известно, император Андроник Палеолог, правивший Византией, не поклонялся Магомету. Разумеется, тамошняя церковь много хуже здешней и верующие иначе осеняют себя крестным знаменем, но все-таки осеняют! Однако это не мешало его высочеству Валуа упорно стремиться восстановить под своей эгидой знаменитую Константинопольскую империю, включив в нее не только земли Византии, но и Кипр, Родос, Армению, а также Куртенэ и Лузиньян. Так что после прибытия в дальние края графа Карла со всеми его войсками Андронику Палеологу придется плохо. Его высочество Валуа вынашивал в голове мечты Цезаря...

Впрочем, заметим, что Карл Валуа охотно прибегал к подобной тактике – запросить как можно больше, чтобы получить хоть немного. Так, он уже сделал попытку уступить возложенное на него командование крестовым походом и свои притязания на Константинопольский престол за маленькое королевство Арль на Роне при условии, что к этому королевству будет также добавлен Вьенн. В начале года об этом велись переговоры с Иоганном Люксембургским, но сделка сорвалась из-за возражений графа Савойского и особенно Неаполитанского короля, который, владея землями Прованса, вовсе не желал, чтобы его беспокойный родич создал по соседству с его государством свое независимое королевство. Тогда

его высочество Валуа с особым рвением взялся за подготовку к священному походу. Говорили, что за короной государя, которая ускользнула от него в Испании, в Германии и даже в Арле, ему придется отправиться на другой конец света! Но все то, что было известно Роберу, огласке не подлежало...

– Конечно, еще не все препятствия преодолены, – продолжал его высочество Валуа. – Нам пока не удалось договориться с папой относительно числа рыцарей и их жалованья. Мы считаем необходимым иметь восемь тысяч рыцарей и тридцать тысяч пехотинцев и решили назначить следующую оплату: каждому барону по двадцать су в день, каждому рыцарю – десять; семь су и десять денье – оруженосцам, два су – пехотинцам. А папа Иоанн пытается сократить мою армию до четырех тысяч рыцарей и пятнадцати тысяч пехотинцев; правда, он посулил мне двенадцать вооруженных галер. Он дал нам право на взимание десятины, но оспаривает сумму в миллион двести тысяч ливров в год за пять лет похода, которую мы у него запросили, и не желает предоставить четыреста тысяч ливров, необходимые королю Франции на побочные расходы...

«Из которых триста тысяч ливров уже обещаны любезному дядюшке Карлу Валуа^[14], – подумал про себя Робер Артуа. – За эту плату можно командовать крестовым походом! Но мне-то к чему спорить, ведь я тоже получу свою долю!»

– О! Я не хочу сказать ничего дурного о папе, – воскликнул Валуа, – но если бы вместо моего покойного племянника Филиппа на последнем конклаве в Лионе был я, я сумел бы добиться избрания такого кардинала, который лучше понимал бы интересы христианства и не был бы так прижимист!

– Особенно с тех пор, как мы в мае этого года вздернули на монфококонской виселице его племянника, – заметил Робер Артуа.

Мортимер повернулся в кресле и удивленно посмотрел на Робера Артуа.

– Племянника папы? Какого племянника?

– Как, кузен, разве вы не знаете? – отозвался Робер Артуа и, воспользовавшись случаем, встал, он не мог долго оставаться без движения. Подойдя к камину, он подтолкнул концом сапога выпавшее из очага полено.

Мортимер уже перестал быть для него «милордом» и превратился в «кузена», так как они установили, что находятся в отдаленном родстве через Фиеннов; скоро он будет просто «Роджер».

– Как, – повторил Робер, – вы не слышали об удивительном приключении, которое произошло с благородным сеньором Журдэном де Лилем, столь благородным и столь могущественным, что святой отец отдал ему в жены свою племянницу? Да, впрочем, конечно, нет, как вы могли знать? Ведь вы по милости вашего доброго друга Эдуарда томились в узилище. О! Дело совсем пустяковое. И в сущности обошлось бы без шума, не будь этот малый женат на племяннице папы. Этот самый Журдэн, гасконский сеньор, был виновен в кое-каких мелких злодеяниях: воровал, убивал, насиловал женщин, растлевал юных девиц и сверх того баловался с мальчиками. Король, по просьбе папы Иоанна, согласился помиловать его и даже сохранил за ним право на получение доходов с ленного владения, но при условии, что он исправится. Как бы не так! Наш Журдэн вернулся к себе, и вскоре стало известно, что он еще более рьяно взялся за старое, собрал вокруг себя воров, убийц и прочий сброд, который грабил в его пользу и мирян и церковников. Тогда послали королевского сержанта, который явился к нему, как положено – в руках жезл с геральдическими лилиями, – и потребовал от него явки в суд. И знаете, как Журдэн встретил нашего сержанта? Приказал его схватить и избить королевским жезлом, а в завершение всего посадил на этот самый жезл... Ну, тот, понятно, отдал богу душу.

Тут Робер не смог сдержать громовой смех, от которого задрожали стекла окон в свинцовых переплетах. Как весело хохотал его светлость Артуа, в глубине души одобряя Журд-

эна де Лиля и чуть ли не завидуя ему во всем, за исключением печального конца! Вот кого бы он охотно взял себе в друзья.

– По правде говоря, никто так и не знает, в чем состояло главное его преступление, – продолжал он, – в том ли, что он убил королевского посланца, или в том, что он осквернил королевские лилии пометом какого-то сержанта! За эти подвиги сира Журдэна сочли достойным вздернуть на монфоконской виселице, куда его торжественно доставили, привязав к хвосту лошади, и повесили в том самом платье, которое ему преподнес его дядюшка папа; вы можете взглянуть на него, если вам придется побывать в тех краях! Одевание, правда, стало для него несколько широковато.

И Робер снова захохотал, задрав голову и заложив большие пальцы рук за пояс; его веселье было столь искренним и заразительным, что Роджер Мортимер не выдержал и тоже рассмеялся. Смеялись Валуа и его сын Филипп... Придворные с любопытством поглядывали на них из глубины зала.

В числе других своих милостей судьба посылает нам одну – мы не знаем, какой нас ждет конец. Они были в своем праве, эти четыре знатных барона, они могли веселиться от чистого сердца; одному из них суждено было окончить свои дни через два года, другому оставалось ждать почти день в день семь лет и найти смерть на мостовой некоего города, по улицам которого его тоже протащат, привязав к хвосту лошади.

Этот смех сдружил их. Мортимер вдруг понял, что его допустили во всеильную группу Валуа, и почувствовал облегчение. Он с симпатией посмотрел на его высочество Карла, на это широкое, с багровым румянцем лицо человека, который неумерен в еде, но из-за недостатка досуга, поглощенный государственными делами, не имеет возможности в должной мере заниматься физическими упражнениями. Мортимер не видел Валуа уже очень давно: один раз они встретились в Англии на торжествах по случаю свадьбы королевы Изабеллы и второй раз в 1313 году, когда Роджер сопровождал английского короля, посетившего Париж, дабы впервые принести ленную присягу французской короне. И хотя казалось, что все это было только вчера, на самом деле с тех пор прошло немало лет. Его высочество Валуа был тогда в полном расцвете сил, а ныне он грузный и важный, да и Мортимер прожил уже половину отпущенного ему срока и надеялся прожить столько же, конечно при условии, что господь бог не пожелает сразить его на поле битвы, утопить в море или положить его голову под топор королевского палача. Дожить до тридцати семи лет было само по себе несомненной удачей, особенно когда имеешь столько завистников и врагов, постоянно рискуешь жизнью на турнирах или на войне, не считая уже полутора лет, проведенных в темнице Тауэра. Ну да ладно! Не надо только терять время и отказываться от новых приключений. В конце концов, мысль о крестовом походе пришла по душе Мортимеру.

– И когда же, ваше высочество, корабли ваши снимутся с якорей? – спросил он.

– Полагаю, через полтора года, – ответил Валуа. – Я пошлю в Авиньон третье посольство, чтобы окончательно решить вопрос о денежной помощи, индульгенциях и девизе крестового похода.

– О, это будет великолепный набег, лорд Мортимер, и те, кто, нацепив на себя оружие, кичатся своей отвагой при дворе, должны будут делом доказать, что они способны на большее, нежели участие в турнирах, – проговорил молчавший до этого Филипп Валуа, и лицо его порозовело.

Старший сын Карла Валуа уже видел в мыслях раздутые ветром паруса галер, далекие берега, знамена, рыцарей, тяжелый скок французской кавалерии, сминаящей неверных, затоптанный копытами лошадей полумесяц, мавританских девушек, захваченных в замках, нагих красавиц-рабынь в цепях... И ничто не мешает Филиппу Валуа утолять свои страсти с этими жирными басурманками. Его широкие ноздри раздувались в предвкушении этой услады. Жанна Хромоножка, его супруга, которую он, разумеется, любит, но боится

до смерти, останется во Франции, а в минуты ревности она способна закатить дикую сцену, стоит ему только бросить взгляд на грудь другой женщины. Да, характер у сестрицы Маргариты Бургундской не из легких! Но может же быть, что муж искренне любит свою жену и в то же время, повинувшись природе, воделеет к другим женщинам. Однако Филиппу требовался по меньшей мере крестовый поход, чтобы он осмелился обмануть Хромоножку.

Мортимер слегка выпрямился и одернул свой черный камзол. Ему не терпелось вернуться к теме, которая имела для него куда большее значение, чем крестовый поход.

– Ваше высочество, – обратился он к Карлу Валуа, – можете считать, что я уже шагаю в ваших рядах. Но я пришел также за тем, чтобы попросить у вас...

Слово было сказано. Бывший наместник Ирландии произнес это слово, без которого ни один проситель ничего не добьется, без которого ни один владыка не окажет поддержки. Просить, испрашивать, обращаться с просьбой... И вовсе не обязательно добавлять что-либо к этим словам.

– Знаю, знаю, – ответил Карл Валуа, – мой зять Робер уже ввел меня в курс дела. Вы просите, чтобы я замолвил за вас слово перед королем Эдуардом. Однако, мой любезный друг...

Поскольку Мортимер «просил», он сразу превратился в «друга».

– Однако я не сделаю такого шага, потому что это бесполезно... и только навлечет на меня новые оскорбления! Знаете, какой ответ ваш король Эдуард передал мне через графа Бувилля? Хотя, конечно, знаете... А ведь у папы уже было испрошено разрешение на этот брак! В какое положение он меня ставит! Смогу ли я теперь обратиться к нему с просьбой, чтобы он вернул ваши земли, восстановил ваши титулы, выгнал – что неизбежно вытекает из вышесказанного – своих мерзких Диспенсеров?

– И тем самым вернул королеве Изабелле...

– Бедная моя племянница! – воскликнул Валуа. – Я знаю, преданный друг, все знаю! Но неужели вы полагаете, что я или король Франции можем заставить короля Эдуарда изменить свои нравы и сменить министров? И не забывайте, что он уже прислал к нам епископа Рочестера с требованием выдать вас. Понятно, мы отказали; мы не пожелали даже принять его епископа! Таков первый мой ответ на оскорбление Эдуарда! Нас связывают с вами, лорд Мортимер, нанесенные нам оскорбления. И если кому-нибудь из нас выпадет случай отомстить, заверяю вас, дорогой милорд, что мстить мы будем вместе.

Мортимер почувствовал, что его охватывает отчаяние, но на лице его не отразилось ничего. Беседа, от которой, если верить обещаниям Робера Артуа, должно было ждать чудес («Мой тесть Карл может все; если он проникнется к вам дружескими чувствами, а это так и будет, победа за вами; в случае надобности склонит на вашу сторону самого папу»)... беседа эта близилась к концу. И что же? Ничего!.. Туманное обещание дать пост военачальника через полтора года в стране турок. Роджер Мортимер уже подумывал покинуть Париж, отправиться к папе; а если и там ему не удастся ничего добиться, что ж, тогда он обратится к Германскому императору... О! Сколько горьких разочарований несет в себе изгнание. Сбываются предсказания дяди – лорда Чирка...

Но вот в наступившей неловкой тишине раздался голос Робера Артуа:

– А почему бы нам самим не создать повод для мести, о которой вы говорите, Карл?

При дворе один лишь Робер называл графа Валуа по имени, как он привык звать его еще в те времена, когда они были лишь кузенами; к тому же рост, сила и бахвальство давали Роберу особые права.

– Робер прав, – сказал Филипп Валуа. – Можно, например, пригласить короля Эдуарда принять участие в крестовом походе и там...

Он закончил свою мысль неопределенным жестом. Оказывается, у Филиппа, у этого верзилы, богатое воображение! Он уже представлял себе, как они переходят реку вброд или,

еще лучше, предпринимают вылазку верхами в пустыне, где им встречается толпа язычников; Эдуард ввязывается в бой, они преспокойно бросают его, и он попадает в руки турок... Вот это настоящая месть!

– Никогда, – вскричал Карл Валуа, – никогда Эдуард не присоединит свои войска к моим. Да и можно ли вообще говорить о нем как о христианском владыке? Только мавры придерживаются подобных нравов!

Несмотря на этот приступ негодования, Мортимера охватило беспокойство. Слишком хорошо он знал, чего стоили уверения принцев, знал, как еще вчерашние враги могут завтра примириться, если это принесет им выгоду. Вдруг его высочеству Валуа взбредет в голову мысль для вящей славы своего крестового похода пригласить Эдуарда, и вдруг Эдуард сделает вид, что согласен...

– Если бы вы даже и предложили, ваше высочество, – промолвил Мортимер, – весьма маловероятно, что король Эдуард ответит на ваше приглашение; он любит игрища, но презирает оружие, и уверяю вас, что в битве при Шрусбери вовсе не он победил меня. Мы проиграли из-за неудачных распоряжений Томаса Ланкастера. Оправдывая свой отказ, Эдуард сошлется, и не без основания, на ту опасность, которую представляют собой шотландцы...

– Зато я был бы не прочь видеть шотландцев среди крестоносцев, – воскликнул Валуа.

Робер Артуа неторопливо похлопывал своими широкими ладонями. Крестовый поход был ему совершенно безразличен, и, откровенно говоря, он не испытывал ни малейшей охоты участвовать в нем. Прежде всего его укачивало в море. На земле все что угодно, но только не на воде – на корабле грудной младенец даст сто очков гиганту Артуа! Да и к тому же в первую очередь он мечтал вернуть себе графство Артуа, а если ему придется целых пять лет скитаться где-то в заморских странах, то вряд ли это приблизит его к цели. Константинопольский трон не входил в его наследство, и его ничуть не пленяла перспектива оказаться в один прекрасный день в роли коменданта какого-нибудь плешивого, затерянного в море островка. Не интересовала его и торговля пряностями или похищение турчанок; Париж был полон гурий за пятьдесят су и горожанок, обходившихся и того дешевле; а его супруга, мадам Бомон, дочь Карла Валуа, охотно закрывала глаза на мужнины шалости. Таким образом, Робер изо всех сил старался оттянуть начало похода и, делая вид, что содействует ему, на самом деле силился всячески задержать его подготовку. У него имелся свой план, и не зря он привел Роджера Мортимера к своему тестю.

– А я вот что думаю, Карл, – сказал он. – Благоразумно ли оставлять на столь длительный срок французское королевство без мужчин, без рыцарства, а главное без вашего руководства, на милость короля Англии, который недвусмысленно доказал, что не желает нам добра.

– Замки подготовятся к обороне, Робер, и, кроме того, мы оставим в них сильные гарнизоны, – ответил Валуа.

– Но кто защитит королевство в наше отсутствие, без дворянства, без большинства рыцарей и, главное, без вас, нашего великого полководца? Уж не коннетабль ли, которому скоро стукнет семьдесят пять! Диву даешься, как это он еще держится в седле. Наш король Карл? Если, по словам лорда Мортимера, Эдуард чувствует себя не особенно уютно на поле боя, то наш любезный кузен понимает в бранных делах и того меньше. Да и что он вообще умеет делать? Только красоваться перед своим народом, чтобы все любовались его свежим цветом лица да улыбкой? Было бы безумием оставлять Эдуарду поле для гнусных происков, не ослабив его предварительно ловким ударом.

– Тогда поможем шотландцам, – предложил Филипп Валуа. – Высадимся в Шотландии и будем сражаться бок о бок с ними. Я лично готов отправиться туда хоть сегодня.

Робер Артуа нагнул голову, чтобы не выдать своих мыслей. Ну и наделает дел наш доблестный Филипп, если ему поручат командовать экспедицией в Шотландию! Наслед-

ник Карла Валуа уже однажды показал, на что он способен; было это в Италии, куда его послали поддерживать папского легата против миланских Висконти. Филипп горделиво прибыл со своим войском, а затем Галеаццо Висконти так ловко обвел его вокруг пальца, что посланец Франции постепенно уступил ему все, считая, что все выиграл, и вернулся домой, не дав ни одного даже самого ничтожного сражения. Поэтому-то надо следить в оба, чтобы этот молодец опять чего-нибудь не выкинул! Это не мешало Филиппу Валуа быть лучшим и самым близким другом Робера, не говоря уже о том, что они были родственниками, но ведь и о своем друге можно думать все что угодно при условии, что он об этом не знает.

Роджер Мортимер слегка побледнел, услышав предложение Филиппа Валуа. Ибо, хотя он был соперником и врагом короля Эдуарда, Англия все же была его родиной!

– В настоящее время, – проговорил он, – шотландцы ведут себя более или менее миролюбиво и склонны соблюдать договор, который они сумели навязать Эдуарду в прошлом году.

– Вечно Шотландия, Шотландия, – поддержал его Робер. – Чтобы попасть в Шотландию, нужно переплыть море! Побережем лучше наши корабли для крестового похода. Возможно, у нас найдется более подходящее место, чтобы досадить этому ничтожеству Эдуарду. Он не принес нам присяги верности за Аквитанию. Если мы принудим его явиться во Францию для защиты своих прав на это герцогство и, кстати, разобьем его, то мы, во-первых, отомстим ему, а во-вторых, во время нашего отсутствия он не посмеет поднять голову.

Валуа вертел свои перстни и размышлял. Снова Робер показывал себя разумным советчиком. Хотя Робер просто бросил идею, Валуа уже предугадывал все ее выгоды. Тем более что Аквитания не была для него неведомым краем; он уже воевал там, провел в тех краях свою первую крупную и победоносную кампанию в 1294 году.

– Разумеется, это будет хорошей подготовкой для наших рыцарей, которые уже давно по-настоящему не воевали, – сказал он, – к тому же мы сможем испытать пороховые жерла, их уже начинают применять итальянцы, а нам их предложил поставить наш старый приятель Толмеи. И в самом деле, французский король имеет право взять Аквитанское герцогство под свою руку, коль скоро ему не была принесена присяга верности... – На мгновение он задумался. – Но это не обязательно приведет к вооруженной схватке, – заключил он. – Как всегда, начнутся переговоры, и дело возьмут в свои руки парламенты и посольства. В конце концов присяга будет принесена, хотя бы скрепя сердце. Нет, этот повод не годится.

Робер Артуа снова сел, положив локти на колени и подперев подбородок кулаками.

– Можно подыскать более веский предлог, нежели отказ от присяги, – начал он. – Помоему, кузен Мортимер, вы не хуже нас знаете обо всех трудностях, дрязгах и спорах, возникших из-за Аквитании, с тех пор как герцогиня Алиенора, наставив достаточно развесистые рога своему первому супругу, нашему королю Людовику VII, когда их брак был расторгнут, легкомысленно преподнесла вместе со своей жаждущей утех плотью и свое герцогство вашему королю Генриху II Английскому. Известно вам, конечно, и о договоре, которым славный король Людовик Святой, задавшись целью все дела решать по справедливости, намеревался положить конец тянувшейся сто лет войне^[15]. Но справедливость ничто, когда речь идет об установлении добрых отношений между королевствами. Договор, который Людовик Святой заключил в благодатный 1259 год с Генрихом III Плантагенетом, создал настолько сложное и запутанное положение, что сам черт ногу сломит. Даже сенешаль Жуанвилль, двоюродный дед вашей супруги, кузен Мортимер, безгранично преданный святому королю, советовал ему не подписывать этого договора. Давайте признаем открыто, этот договор был просто глупостью.

Роберу хотелось добавить: «Как, впрочем, и все, что сделал Людовик Святой, который был самой зловещей фигурой среди всех французских королей. Его разорительные крестовые походы, состряпанные на скорую руку договоры, привычка все видеть только в черном

и белом цвете... О! Как бы повезло Франции, не будь этого царствования! И однако после смерти Людовика Святого люди жалеют о нем, видно, коротка их память, раз они вспоминают лишь о правосудии, которое он вершил под дубом, разбирая тяжбы простого люда и отрывая драгоценное время от государственных дел!»

Но вслух Робер сказал:

– Со дня смерти Людовика Святого не прекращаются споры и пререкания, договоры то заключаются, то отвергаются; если и приносят присягу верности, то с оговорками, беспрестанно заседающие парламенты то осуждают, то оправдывают, а в герцогстве мятеж следует за мятежом, и идут все новые и новые судебные разбирательства. Кстати, Карл, – повернулся Робер к Валуа, – под каким предлогом посылал вас в Аквитанию ваш брат Филипп Красивый? Помните, вы там навели тогда отменный порядок.

– В Байонне произошли в то время большие волнения: между французскими и английскими моряками дошло до рукопашной, пролилась кровь.

– Так вот, – воскликнул Робер, – давайте-ка придумаем повод для новых волнений в Байонне. Добьемся того, чтобы подданные обоих королей схватились и чуточку поубивали друг друга. Кажется, я нашел подходящее место.

Он ткнул своим огромным указательным пальцем в сторону своих собеседников и продолжал:

– В Парижском договоре, подтвержденном при заключении мира в 1303 году, пересмотренном законниками в Периге в 1311 году, было оговорено существование отдельных привилегированных сеньорий, которые, находясь на земле Аквитании, тем не менее остаются под прямой властью короля Франции. А у этих сеньорий в свою очередь имеются вассальные земли, которые тоже находятся в Аквитании. Вопрос же о том, подлежат эти земли непосредственно власти короля Франции или же герцога Аквитанского, до сих пор не решен. Понятно?

– Понятно, – отозвался его высочество Валуа.

Но его сын Филипп ничего не понял. Его большие голубые глаза моргали так беспомощно, что отец, сжавшись, объяснил ему:

– Ну как же, сын мой. Вообрази, что я отдаю тебе весь этот дворец как бы в ленное владение, но оставляю за собой право свободного пользования и распоряжения залом, где мы сейчас сидим. Однако к этому залу примыкает небольшая комнатка, в которую ведет вот та дверь. Кто из нас двоих имеет право пользоваться этой комнатой, на ком лежит обязанность обставить ее мебелью и убирать? – И вновь обратившись к Роберу, добавил: – Только нужно придумать столь серьезную акцию, чтобы Эдуард не мог на нее не ответить.

– Есть у нас одна сеньория, словно нарочно для этого уготованная, – ответил гигант, – это земля Сен-Сардо в приорстве Сарлат Перигезской епархии. Вопрос о ее статуте уже обсуждался, и Филипп Красивый заключил с приором Сарлата договор, по которому король Франции становится совладельцем этой сеньории. Эдуард I обращался с апелляцией по этому поводу в парижский парламент, но тот не вынес окончательного решения. Что будет делать король Англии, герцог Аквитании, если французский король, совладелец Сарлата, предпримет постройку крепости в Сен-Сардо, с тем чтобы разместить в ней крупный гарнизон, отчасти угрожающий окрестностям?^[16] Надо полагать, отдаст приказ своему сеньшалу воспротивиться этому и тоже захочет разместить в сеньории гарнизон. При первой же стычке между солдатами двух королевств, при первой же грубости в отношении королевского офицера...

Робер выразительно развел свои огромные рюши, словно вывод напрашивался сам собой. И его высочество Валуа, весь в голубом бархате, расшитом золотом, поднялся с трона. Он уже видел себя в седле во главе войска; он вновь отправится в Гиэнь, где тридцать лет назад прославил короля Франции!

– Я поистине восторгаюсь вами, брат мой! – воскликнул Филипп Валуа. – Вы, столь знатный рыцарь, знаете юридические тонкости не хуже легистов.

– Ба, брат мой, да было бы вам известно, в том нет заслуги с моей стороны. Не по влечению сердца мне пришлось изучить так основательно все обычаи Франции и решения парламентов; в этом повинна моя тяжба из-за графства Артуа. Но поскольку до сих пор мне эти знания ни разу не сослужили службы, пусть они помогут хотя бы моим друзьям, – добавил Робер, слегка склоняясь перед Роджером Мортимером, словно все это затевалось исключительно ради него.

– Ваш приезд – большая для нас подмога, мессир барон, – добавил Карл Валуа. – Наши цели едины, и мы не преминем в узком кругу обратиться к вам за советом относительно этого дела... Да поможет нам господь!

Мортимер растерялся, голова у него пошла кругом. Он ничего не сделал, ничего не сказал и не предложил, они воспользовались его присутствием, дабы осуществить свои заветные чаяния. И теперь от него требуют принять участие в войне против его собственной страны, не оставляя ему иного выбора.

Итак, если будет на то божья воля, французы на французской земле пойдут войной на французских подданных английского короля при поддержке знатного английского барона и на деньги, данные папой для освобождения Армении от турок.

Глава V Ожидание

Прошла осень, за ней зима, весна и начало лета. Лорд Мортимер видел, как над Парижем пронесли все четыре времени года, видел непроходимую грязь на узких парижских улицах, видел снег на широких крышах аббатств и лугах Сен-Жермен, видел затем, как распускаются почки деревьев на берегах Сены и солнечные лучи играют на квадратной башне Лувра, на круглой Нельской башне и на острие шпиля Сент-Шапель.

Изгнаннику всегда приходится ждать. Считается, что это не только его роль, но чуть ли не обязанность. Он ждет, пока ему наконец улыбнется судьба. Ждет, когда люди в стране, где он нашел себе убежище, закончат свои собственные дела и вспомнят наконец о его делах. Первое время изгнанник и его злоключения вызывают любопытство, каждый хочет завладеть им, как диковинкой, но вскоре присутствие его начинает утомлять и даже становится стеснительным. Все видели в нем немой упрек. Но нельзя же заниматься им с утра до вечера; он проситель, он, в конце концов, может и потерпеть!

Итак, Роджер Мортимер ждал, так же как ждал он два месяца в Пикардии у своего кузена Жана де Фиенна возвращения французского двора в Париж, как ждал он, чтобы его высочество Валуа выкроил среди всех своих обязанностей свободный час и принял его... Теперь он ждал войны в Гиэни, пройти через которую, казалось, было предначертано ему самой судьбой.

О, его высочество Валуа не мешкал. Королевские сановники, по совету Робера, действительно наметили в Сен-Сардо на спорных угодьях сеньории Сарлат место для закладки фундамента крепости; но крепость не возведешь в один день, даже в три месяца; поначалу действия французов не особенно встревожили подданных английского короля. Поневоле приходилось ждать инцидента.

Роджер Мортимер использовал свой досуг для ознакомления с французской столицей, которую он лишь мельком видел десять лет назад, во время короткого путешествия, и, бродя по Парижу, старался понять великий народ Франции, которого он почти не знал. Могучая, славная нация и столь отличная от Англии! А ведь живущие на разных берегах моря считали, что походят друг на друга, ибо знать обеих стран происходила от общих предков;

но сколько же различий обнаруживалось при ближайшем знакомстве! Все население Англии с ее двумя миллионами душ составляло меньше одной десятой подданных короля Франции. Общее число французов равнялось приблизительно двадцати двум миллионам. В одном Париже насчитывалось триста тысяч душ^[17], в то время как в Лондоне – всего сорок тысяч. А какое оживление на улицах, какой расцвет торговли и ремесел, золото льется рекой! Чтобы убедиться в этом, достаточно было пройти по Мосту менял или вдоль набережной Золотых дел мастеров и послушать, как стучат в глубине лавок маленькие молоточки, кующие золото; пересечь, зажав нос, Большой мясной ряд за Шатле, где работали потрошители и живодеры; прогуляться по улице Сен-Дени, где расположились галантерейщики; пощупать ткани на прилавках суконщиков... А сравнительно тихая Ломбардская улица, которую лорд Мортимер теперь хорошо изучил, была местом крупных сделок.

Около трехсот пятидесяти корпораций и цехов возглавляли и объединяли все эти ремесла; и у каждого цеха были свои законы, свои обычаи и свои праздники. И, пожалуй, дня не проходило без того, чтобы, выслушав мессу и обсудив свои дела, мастера и их подручные не собирались на пир; то это были шляпники, то свечники, то кожевники... На холме Сент-Женевьев целое племя богословов и докторов в колпаках вели диспуты на латыни, и отзвуки их контроверзов об апологетике или принципах Аристотеля порождали споры во всем христианском мире.

У знатных баронов и прелатов, у королей многих иностранных держав в городе имелись свои особняки, где они держали нечто вроде двора. Знать посещала главным образом улицы квартала Ситэ, Торговую галерею Пале-Рояля и держалась поблизости от отелей Валуа, Наваррского, Артуа, Бургундского, Савойского. Любой из этих отелей был как бы постоянным представительством крупных ленных владений; здесь сосредоточивались интересы каждой из этих провинций. И город рос, рос без конца и края, пригороды его уже оттесняли сады и леса, выплескивались за городские стены, возведенные Филиппом-Августом, но почти исчезнувшие под натиском новых построек.

Стоило только отъехать от столицы туда, где простирались поля, и путник без труда убеждался, что французская деревня процветает. Зачастую у простых свинопасов и пастухов были собственные виноградники или поля. Женщины, занимавшиеся полевыми работами или каким-либо иным трудом, отдыхали в субботу после обеда, хотя им и оплачивалось это время; впрочем, в субботу вообще почти повсюду работа прекращалась в три часа дня. В дни многочисленных церковных праздников, так же как и в цеховые праздники, тоже не работали. И все же люди сетовали на свою судьбу. Правда, жаловались они главным образом на подати и налоги, как все народы во все времена жаловались на то, что они работают на других и никогда по-настоящему не могут располагать ни самими собой, ни плодами своих трудов. А объяснялось это тем, что во Франции, несмотря на ордоны Филиппа V, которым следовали не слишком-то охотно, было значительно больше крепостных, чем в Англии, где большинство крестьян были свободными людьми, – им вменялось в обязанность иметь снаряжение для службы в армии; английские крестьяне были даже представлены в королевских советах и могли таким образом требовать у монархов принятия удобных им хартий.

Зато среди французской знати не существовало таких глубоких противоречий, как среди английской; конечно, и тут встречалось немало заклятых врагов, чья вражда была порождена личными интересами, таких, например, как граф Робер Артуа и его тетка Маго; среди дворянства возникали кланы и группировки, но вся знать была заодно, когда дело касалось их общих интересов или защиты королевства. Во Франции идея нации была более определенной и укоренилась глубже. Если и существовало сходство между державами, то в ту пору оно определялось личностью их правителей. И в Лондоне и в Париже короны доста-

лись людям слабым, которым были чужды подлинные заботы о благе страны, а владыка, не пекущийся о государстве, является таковым лишь по имени.

Мортимер представился королю Франции, виделся с ним несколько раз, но не составил себе высокого мнения об этом двадцатидевятилетнем монархе, которого сеньоры обычно именовали Карлом Красивым, а народ – Карлом Красавчиком, ибо хотя ростом и лицом он пошел в отца, под благообразной внешностью, увы, скрывалась скудость ума.

– Нашли ли вы подходящее жилье, мессир Мортимер? С вами ли ваша супруга? Ах! Как вам, должно быть, тоскливо без нее! Сколько детей она вам родила?

Вот и все, что изволил сказать король изгнаннику, и всякий раз, видя его, он повторял свои вопросы: «С вами ли ваша супруга? Сколько детей она вам родила?» – успев забыть с прошлой встречи ответы Мортимера. Его, по-видимому, интересовали только домашние и семейные дела. Злосчастный брак с Бланкой Бургундской, рана от которого еще не затянулась, был расторгнут, причем Карл показал себя в этой истории не с лучшей стороны. Его высочество Валуа тотчас же женил его вторично на Марии Люксембургской, юной сестре короля Богемии, с которым Валуа как раз в тот момент мечтал сговориться относительно королевства Арль. Теперь Мария Люксембургская была беременна, и Карл Красивый окружал ее заботами, подчас даже бестолковыми.

Неопытность короля в управлении страной не мешала Франции вмешиваться в дела всего мира. Совет управлял от имени короля, а его высочество Валуа – от имени Совета; ничто, казалось, не могло свершиться без слова Франции. Папе непрерывно давались наставления, и самый быстрый гонец, Робэн Кюис-Мариа, которому платили по восемь ливров и несколько денье – настоящее богатство – за поездку в Авиньон, непрестанно доставлял пакеты, по дороге забирая лошадей в монастырях. Гонцы посылались во все королевские дворы: Неаполитанский, Арагонский, Германский. Особенно пристально следили за всем, что творилось в Германии, – Карл Валуа и его кум Иоганн Люксембургский изрядно потрудились, добиваясь от папы отлучения от церкви императора Людвига Баварского лишь для того, чтобы корона Священной империи досталась... кому же? Да самому Карлу Валуа! Карл упрямо стремился осуществить свою давнишнюю мечту. Всякий раз, когда трон Священной империи пустовал по божьей или человеческой воле, его высочество Валуа тут же выставлял свою кандидатуру. Одновременно продолжалась подготовка к крестовому походу, и нельзя было не признать, что если бы поход возглавил император, это произвело бы весьма сильное впечатление не только на язычников, но и на христиан.

Но была еще Фландрия, та самая Фландрия, что составляла предмет постоянных забот французской короны и продолжала доставлять ей неприятности: стоило графу Фландрскому изъявить свою верность королю Франции, как начинал бунтовать народ, и графу приходилось выступать против короля, чтобы успокоить своих подданных. Наконец, много хлопот причиняла Англия, и Роджера Мортимера приглашали теперь к Валуа всякий раз, когда обсуждались английские дела.

Мортимер снял себе жилище около особняка Робера Артуа, на улице Сен-Жермен де Пре, напротив Наваррского отеля. Джерард Элспей, не расстававшийся с ним со дня побега из Тауэра, вел дом, брадобрей Огл выполнял роль камердинера, у Мортимера же нашли пристанище еще несколько изгнанников, вынужденных покинуть родину из-за ненависти Диспенсеров. Среди них был Джон Мальтраверс, английский сеньор – сторонник Мортимера, который, так же как и он, был потомком одного из соратников Вильгельма Завоевателя и которого объявили врагом английского короля. У этого Мальтраверса была длинная мрачная физиономия, длинные редкие волосы и огромные зубы; он ужасно походил на своего коня. Мальтраверс был не слишком приятным компаньоном – главным образом потому, что без видимой причины заливался раскатистым, похожим на ржанье смехом, от которого всякий раз вздрагивали присутствующие. Но в изгнании друзей не выбирают; друзей вам

дарит общее несчастье. Через Мальтраверса Мортимер узнал, что его жену перевели в замок Скиптон в графстве Йоркшир, придав ей в качестве свиты придворную даму, конюшего, прачку, слугу и пажа; узнал он также, что получает она тринадцать шиллингов и четыре денье в неделю содержания на себя и своих людей, это было равносильно тюремному заключению.

А участь королевы Изабеллы изо дня в день становилась все более мучительной. Диспенсеры грабили, обирали и унижали ее терпеливо, методически, жестоко. «Мне не принадлежит больше ничего, кроме моей жизни, – велела она передать Мортимеру, – но я весьма опасаясь, что и ее у меня собираются отнять. Поторопите моего брата выступить на мою защиту».

А король Франции твердил: «С вами ли ваша супруга? Есть ли у вас сыновья?..» – и не было у него иных мнений, кроме мнений его высочества Валуа, а тот все ставил в зависимость от успеха или неуспеха своих действий в Аквитании. А что если к тому времени Диспенсеры убьют королеву?

– Не посмеют, – отвечал Валуа.

Кое-какие новости Мортимер получал через банкира Толемеи, который переправлял его почту за Ла-Манш. Ломбардцы наладили почтовую связь куда искуснее, чем двор, и их юнцы умели более ловко припрятать в случае надобности письмо. Таким образом, переписка между Мортимером и епископом Орлетоном почти не прерывалась.

Епископ Герифордский дорого заплатил за то, что устроил побег Мортимера, но он был человек смелый и не уступал королю. Когда его, прелата, впервые в истории Англии, вынудили предстать перед светским правосудием, он отказался отвечать на вопросы обвинителей, и его поддержали все архиепископы королевства, усмотревшие в действиях короля угрозу своим привилегиям. Эдуард продолжал процесс, добился осуждения Орлетона и приказал конфисковать его имущество. Кроме того, король обратился к папе, прося его сместить епископа как бунтаря; в этих условиях было очень важно, чтобы его высочество Валуа оказал воздействие на Иоанна XXII, а тот воспрепятствовал бы отставке епископа, которая привела бы Орлетона на плаху.

В весьма щекотливом положении очутился и Генри Кривая Шея. В марте Эдуард передал ему титулы и имущество казненного брата, в том числе и большой замок Кенилворт. Затем, узнав, что Генри, теперь уже граф Ланкастерский, направил Орлетону дружеское послание с выражением сочувствия, Эдуард обвинил его в государственной измене.

– А ваш король по-прежнему отказывается платить нам. Коль скоро вы видите с его высочеством Валуа и графом Артуа и находитесь в дружеских с ними отношениях, – говорил Толемеи, – не могли бы вы напомнить им, милорд, о пороховых жерлах, которые недавно были испытаны в Италии и которые в высшей степени пригодны для осады городов. Мой племянник в Сиенне и семейство Барди во Флоренции могут взять на себя их поставку. Эти орудия легче устанавливать, чем громоздкие катапульты, да и разрушений они причиняют побольше. Его высочеству Валуа следовало бы вооружить такими жерлами свое воинство для крестового похода... если, конечно, крестовый поход состоится!

Поначалу женщины проявили немалый интерес к Мортимеру – к этому высокому мужчине с загадочным взглядом, неизменно одетому в черное, суровому и таинственному, все время покусывавшему губу, пересеченную белым шрамом. Десятки раз они требовали, чтобы он рассказывал им о побеге, и под прозрачными корсажами из белого льняного полотна видно было, как взволнованно дышат прекрасные груди. Его низкий, чуть хриловатый голос, чужеземный акцент, прорывавшийся в некоторых словах, заставляли учащенно биться открытые для любви сердца. Робер Артуа неоднократно пытался толкнуть английского барона в эти страстно ждавшие его объятия; желая отвлечь Мортимера от тягостных мыслей и полагая, что его больше тянет к простонародным развлечениям, он взялся

поставлять ему гулящих девок в любом количестве, поодиночке или пачками. Но Мортимер не поддавался искушениям, и так как он вовсе не был похож на святошу, окружающие начали подумывать, уж не лежат ли в основе столь высокой добродетели те же склонности, что и у английского короля.

Но никто не догадывался об истинной причине этого воздержания. Мортимер, некогда связывавший свой побег из тюрьмы с гибелью ворона, дал зарок целомудрия, считая, что только в этом случае фортуна вновь улыбнется ему. Он поклялся не прикасаться к женщинам до тех пор, пока не вступит на землю Англии и не вернет себе все свои титулы и бывшее могущество. Такой же рыцарский обет могли дать Ланселот, Амадис или еще кто-нибудь из соратников короля Артура. Однако Роджер Мортимер вынужден был признать, что дал этот обет несколько неосмотрительно, и это в немалой степени омрачало его настроение...

Наконец из Аквитании пришли хорошие вести. Крепость, которую возводили в Сен-Сардо, начала вызывать беспокойство у сенешаля английского короля в Гиэни, мессира Бассе, весьма ревниво относившегося к своему престижу особенно потому, что имя его, звучавшее как слово «такса», вызывало дружный смех. Он усмотрел в этом посягательство на права своего повелителя, короля Англии, равно как и оскорбление своей собственной персоны. Собрав немногочисленное войско, он внезапно ворвался в Сен-Сардо, разграбил это местечко, схватил сановников французского короля, наблюдавших за работами, и повесил их на столбах, на которых велел прибить металлические гербы с изображением геральдических лилий, что указывало на принадлежность владения Франции. Мессир Ральф Бассе был не одинок в своей вылазке, несколько окрестных сеньоров оказали ему помощь и поддержку.

Как только об этом сообщили Роберу Артуа, он тотчас же заехал за Мортимером, и они отправились к Карлу Валуа. Не в силах сдержать радость и гордость, его светлость Артуа смеялся громче обычного и щедро раздавал своим близким дружеские тычки, от которых те разлетались в разные стороны. Наконец-то представился подходящий случай, а главное, весь этот план родился в его изобретательной голове!

Дело незамедлительно обсудили на Малом совете, после чего были совершены обычные представления и виновникам грабежа в Сен-Сардо предписали предстать перед парламентом Тулузы. А вдруг они явятся с повинной головой и признают свою вину? Вот этого-то именно и боялись.

К счастью, один из них, Раймон Бернар де Монпеза, отказался явиться по вызову. Хотя не явился только он один, этого было достаточно. Бунтаря осудили заочно, издали приказ о конфискации его имущества, и Жана де Руа, сменившего Пьера-Гектора де Галара на посту командира арбалетчиков, отрядили в Гиэнь с небольшим отрядом, приказав ему захватить сира де Монпеза, отобрать его имущество и разрушить его замок. Однако победу одержал сир Монпеза, ибо он взял в плен королевского офицера и даже потребовал за него выкуп. Король Эдуард был тут ни при чем, но силою событий его положение осложнилось, и Робер Артуа ликовал. Ибо командир арбалетчиков – достаточно видная фигура, чтобы его исчезновение не повлекло серьезных последствий!

Новые представления, сделанные на сей раз прямо королю Англии, сопровождались угрозой отобрать герцогство. В начале апреля в Париж прибыл граф Кентский, сводный брат короля Эдуарда, в сопровождении архиепископа Дублинского, и для прекращения спора предложил Карлу IV просто-напросто отказаться от ленной присяги в верности, которую должен был принести Эдуард. Мортимер, который виделся с Кентом во время его пребывания в Париже (они по-прежнему обходились друг с другом весьма учтиво, несмотря на всю щекотливость их положения), доказал ему полную бесполезность подобного демарша. Впрочем, молодой граф Кентский и сам был убежден в этом; он выполнял свою миссию без всякой охоты. С тем он и уехал, увозя с собой отказ французского короля, переданный Карлом

Валуа в достаточно оскорбительной форме. Все свидетельствовало о том, что война, задуманная Робером Артуа, вот-вот разразится.

Но в это самое время в Иссудене внезапно скончалась новая королева, Мария Люксембургская, разрешившись раньше срока мертвым младенцем.

В период траура не воюют, к тому же король Карл был настолько подавлен, что не в состоянии был вести Совет. В супружестве его решительно преследовал злой рок. Сначала рогоносец, теперь вдовец. Его высочеству Валуа пришлось, отставив все прочие дела, срочно подыскивать третью супругу королю, который был раздражен и встревожен тем, что королевство осталось без наследника, и упрекал в этом всех и вся. Вопрос о его первом браке был решен отцом, о втором – дядей; однако оба, и отец и дядя, не слишком-то преуспели.

Найти принцессу, которая пожелала бы войти в королевскую фамилию Франции, становилось все труднее, ибо повсюду шли разговоры, что над родом Капетингов тяготеет злой рок.

Карл Валуа охотно выдал бы за своего племянника одну из своих незамужних еще дочерей, если бы не препятствовала разница в возрасте; к сожалению, самой старшей из них, той, которую он не так давно предлагал наследному принцу Англии, не исполнилось еще и двенадцати лет. А Карл Красивый не желал тянуть с таким важным делом, он хотел вновь обрести покой своих ночей и дать королевству наследника престола.

Итак, лорд Мортимер ждал, пока королю подберут супругу...

У Карла IV оставалась еще одна двоюродная сестра, дочь ныне покойного графа Людовика д'Эвре и сестра Филиппа д'Эвре, женатого на Жанне Наваррской, которая, как считалось, была прижита Маргаритой Бургундской не от законного супруга. Жанна д'Эвре ничем не блистала, но была хорошо сложена и, главное, достигла возраста, необходимого для материнства. Его высочество Валуа, желая избавиться себя от излишних хлопот, соответственно настроил весь двор, надеясь склонить короля к этому браку. Через три месяца после смерти Марии Люксембургской у папы испросили разрешение на новый брак с родственницей. И Робер Артуа, зять Карла Валуа, приходившегося королю дядей, сам в свою очередь стал дядей суверена, своего кузена, ибо Жанна д'Эвре была дочерью его покойной сестры Маргариты Артуа.

Бракосочетание состоялось пятого июня. А за четыре дня до свадьбы Карл принял решение отобрать Аквитанию и Понтье за бунт и нарушение ленной присяги в верности. Папа Иоанн XXII, как и всегда, когда между двумя суверенами вспыхивал конфликт, счел своим долгом вмешаться и написал королю Эдуарду, призывая его принести присягу верности, дабы хоть один из спорных вопросов был улажен. Но французская армия была уже наготове и стягивалась к Орлеану, а в портах снаряжали флот для нападения на английские берега.

Король Англии в свою очередь приказал произвести частичный набор в Аквитании, и мессир Ральф Бассе поспешно собирал войска; графа Кентского вновь отправили во Францию, на этот раз океаном, и по поручению своего сводного брата Эдуарда он готовился взять на себя роль наместника герцогства.

Но значило ли это, что война вот-вот начнется? Отнюдь нет. Его высочеству Валуа требовалось еще срочно совершить поездку в Бар-сюр-Об, чтобы обсудить там с Леопольдом Габсбургским вопрос о выборах императора Священной империи и заключить договор, в силу которого Леопольд обязывался не выставлять свою кандидатуру, причем в договоре предусматривалось, что в случае, если Валуа будет избран императором, Габсбург получит отступные, пенсию и постоянный доход, размеры коего были оговорены заранее. А Роджер Мортимер все ждал...

Наконец первого августа, в самый зной, когда рыцари в своих доспехах чуть не спеклись заживо, Карл Валуа, великолепный, громоздкий, в шлеме с перьями и расшитом золотом камзоле, надетом поверх золотой кольчуги, приказал посадить себя в седло. С ним вместе был его второй сын, граф Алансонский, его племянник Филипп д'Эвре – новый шурина короля, коннетабль Гоше де Шатийон, лорд Мортимер барон Вигмор и, наконец, Робер Артуа, который, восседая на могучем коне, мог легко обозревать все войско.

Испытывал ли его высочество Валуа радость, был ли он счастлив или хотя бы просто удовлетворен, отправляясь вторично на Гиэнь, в поход, которого он так хотел и так добивался и который был с начала до конца делом его рук? Ничуть. Он пребывал в самом мрачном расположении духа, ибо Карл IV отказался подписать приказ о назначении его наместником короля в Аквитании. А кто, кроме Карла Валуа, имел право на этот титул? И хорош он будет перед графом Кентским, этим щеголем, этим сосунком и ко всему еще его собственным племянником, который получил от короля Эдуарда титул наместника! Все терялись в догадках, все старались понять, что произошло с Карлом Красивым и какова причина этого внезапного упрямства, почему отказался он сделать то, что было необходимо и о чем его просили, тем более что, как известно, он был неспособен принять самостоятельно ни одного решения. Да стоит ли этот коронованный простофиля, этот гусенок, – не стесняясь делился своими мыслями с соратниками Карл Валуа, – тех хлопот и усилий, которые вместо него берет на себя дядя, управляя Королевством французским? Может, придется в один прекрасный день и наследника ему раздобывать?

Старый коннетабль Гоше де Шатийон, который номинально командовал армией, ибо Валуа не имел никаких официальных полномочий, шурил свои морщинистые, как у черепахи, веки под старомодным шлемом. Коннетабль был глуховат, но и в семьдесят четыре года все еще внушительно выглядел в седле.

Лорд Мортимер приобрел доспехи и вооружение у Толемеи. Под приподнятым забралом сурово поблескивали его глаза, такие же по цвету, как новая сталь панциря. Так как по вине своего короля Мортимер шел войной против собственной страны, он надел в знак траура камзол из черного бархата. Никогда он не забудет дату этого похода: было 1 августа 1324 года, праздник святого Петра в оковах; ровно год назад, день в день, он совершил побег из Тауэра.

Глава VI Огнедышащие жерла

Тревога застала графа Эдмунда Кентского в одной из комнат замка, где он в тщетных поисках прохлады улегся прямо на каменный пол. Он лежал в одних полотняных штанах, с обнаженным торсом, разбросав руки, и не шевелился, сраженный бордоской жарой. Растянувшись рядом с ним, прерывисто дышала его любимая борзая.

Собака первая услышала набат. Она приподнялась на передних лапах, вытянула морду, прижав подрагивающие уши. Молодой граф Кентский вышел из полусонного оцепенения, потянулся и внезапно понял, что в Ла Реоле звонят во все колокола. В мгновение ока он был на ногах, схватил рубашку из легкого батиста, валявшуюся на кресле, и поспешно натянул на себя.

За дверью уже слышались торопливые шаги. Сенешаль мессир Ральф Бассе вошел в комнату в сопровождении нескольких местных сеньоров, сира де Бержерака, баронов де Бюдо и де Мовзэна и сира де Монпеза, из-за которого разгорелась вся эта война – так по крайней мере считал он сам и немало тем гордился.

Бассе был и впрямь почти карлик; молодой граф Кент всякий раз дивился его росту, когда сенешаль появлялся перед ним. При этом он был кругл как бочонок, ибо отличался

необычайной прожорливостью; он в любой момент готов был разразиться гневом, от чего у него вздувалась шея и глаза выкатывались из орбит.

Борзая терпеть не могла сенешаля и при его появлении громко залаяла.

– Пожар или французы, мессир сенешаль? – осведомился граф Кентский.

– Французы, ваше высочество, французы! – воскликнул сенешаль, которого даже поколебало от этого вопроса. – Идите взгляните сами. Их уже видно.

Граф Кентский склонился над оловянным зеркальцем, желая привести в порядок светлые бубли у висков, и последовал за сенешалем. В белой рубашке с напуском и распахнутым воротом, в сапогах без шпор и с непокрытой головой, он среди этих вооруженных до зубов баронов в железных кольчугах производил впечатление человека смелого, грациозного, но в то же время довольно легкомысленного.

Он вышел наружу, и его оглушил звон колоколов, ослепило яркое августовское солнце. Борзая завывала.

Все поднялись на самый верх большой круглой башни под названием Томас, построенной Ричардом Львиное Сердце. Чего только не настроил этот предок... Укрепления вокруг Тауэра, Шато-Гайяр, крепость Ла Реоль...

У подножия почти отвесного склона текла широкая поблескивавшая на солнце Гаронна, путь которой был отмечен множеством излучин; она бежала по огромной плодородной равнине, простиравшейся до синевшей у самого небосклона полосы Аженских гор.

– Я ничего не различаю, – сказал граф Кент, ожидавший увидеть французские авангарды на подступах к городу.

– Да вон они, ваше высочество, – громко кричали бароны, надеясь заглушить гул набата. – Смотрите вдоль реки, вверх по течению, в сторону Сент-Базеля!

Прищурив глаза и приложив щитком ладонь ко лбу в защиту от солнца, граф Кентский наконец разглядел рядом с лентой реки вторую поблескивавшую ленту. Ему объяснили, что это блестят на солнце панцири рыцарей и лошадиные попоны.

А звон колоколов по-прежнему разрывал воздух. Как это у звонарей хватало силы? На улицах городка, особенно перед ратушей, волновались жители. Какими маленькими казались все эти люди с зубцов крепости. Словно насекомые. По всем дорогам, ведущим к городу, двигались перепуганные крестьяне; кто тащил на веревке корову, кто собирал разбежавшихся коз, кто погонял стрекалом быков в упряжке. Люди убегали с полей, с минуты на минуту нахлынут и жители соседних деревень с пожитками за спиной или в тачке. И всему этому люду предстоит расположиться как попало в городе, где и без того уже тесно, так как здесь стоит войско и рыцари Гиэни...

– Только часа через два мы сможем точно определить численность французского войска, а до стен города они доберутся не раньше ночи, – заметил сенешаль.

– Да, плохое время для войны, – бросил в сердцах сир де Бержерак, который несколько дней назад уже бежал из Сент-Фуа-ла-Гранд при приближении французов.

– Почему ж плохое? – спросил граф Кентский, показывая на безоблачное небо и на восхитительную равнину, расстилавшуюся перед ними. – Правда, немного жарковато, но лучше жара, чем дождь и грязь. Если бы аквитанцы знали, что значит воевать в Шотландии, они не стали бы жаловаться!

– Потому что поступил сбор винограда, ваше высочество, – проговорил сир до Монпеза, – потому что вилланы озлятся, видя, как топчут их урожай, и будут наверняка ставить нам палки в колеса. Граф Валуа знает, что делает; в 1294 году он поступил точно так же: уничтожил все на своем пути, чтобы наш край поскорее изнемог от войны.

Граф Кентский пожал плечами. Что значит для бордоских виноделов потеря нескольких бочонков вина; независимо от того, идет война или нет, здесь все равно будут пить кларет. Вершину Томаса внезапно овеял легкий ветерок, раздул распахнутую рубашку молодого

принца и приятно освежил кожу. Сколько радости доставляет иногда простое ощущение жизни!

Граф Кентский облокотился о нагретые солнцем камни башенного зубца и замечтался. В двадцать три года он – королевский наместник целого герцогства, то есть наделен всеми королевскими правами: может вершить суд, вести войну, распоряжаться финансами. Здесь он как бы представляет особу короля. Достаточно ему сказать: «Хочу», и все бросятся выполнять его желание. Может приказать: «Повесить!..» Правда, он не собирался отдавать такого приказа, но мог его отдать. А главное, он был далеко от Англии, далеко от двора, от сводного брата, от его причуд и вспышек гнева, от его вечной подозрительности, далеко от Диспенсеров, с которыми по необходимости приходилось делать вид, что ладишь, хотя в душе он терпеть не мог их отродья. Здесь же он был предоставлен самому себе, был сам себе хозяин и хозяин всего, что его окружало. К крепости приближалась армия, которую ему предстояло атаковать и, вне всякого сомнения, победить. Один астролог предсказал графу, что в возрасте между двадцатью четырьмя и двадцатью шестью годами он совершит самые свои выдающиеся деяния и тем добьется высокого положения... И вот его детские грезы внезапно стали явью. Обширная долина, рыцари в доспехах, власть суверена... Нет, и в самом деле, впервые со дня рождения он ощущал столь полное счастье жизни. Голова слегка кружилась, словно он опьянел, но опьяняли его собственные мысли, этот ветерок, овевающий грудь, и бескрайний горизонт...

– Какие будут приказания, ваше высочество? – спросил мессир Бассе, начинавший терять терпение.

Граф Кентский обернулся и посмотрел на коротышку сенешаля не без высокомерного удивления.

– Приказания? – повторил он. – Скажите, чтобы трубили тревогу, мессир сенешаль, и сажайте ваших людей на лошадей. Мы выступим навстречу врагу и атакуем его.

– Но какими силами, ваше высочество?

– Да вашими же войсками, Бассе, черт возьми!

– Ваше высочество, у нас здесь самое большое две сотни воинов, а на нас движется, по полученным сведениям, более полутора тысяч. Не так ли, мессир де Бержерак?

Сир Реджинальд де Пон де Бержерак подтвердил слова Бассе кивком головы. Шея коротышки сенешаля побагровела и вздулась сильнее обычного; он действительно тревожился и еле сдержался от гневной вспышки перед лицом такого бездумного легкомыслия.

– А о подкреплениях еще ничего не известно? – спросил граф Кентский.

– Ничего, ваше высочество! По-прежнему ничего! Простите меня, но ваш брат король, по-моему, бросил нас на произвол судьбы.

Уже целый месяц они ждали эти пресловутые английские подкрепления. И, ссылаясь на это, коннетабль Бордо, у которого были войска, не двигался с места, ибо получил от короля Эдуарда приказ выступить только после прибытия подкреплений. Оказывается, юный граф Кент был не так уж всемогущ, как думал...

Так как приходилось ждать, так как людей не хватало и было неизвестно даже, погрузились ли обещанные подкрепления на суда, его высочество Валуа беспрепятственно будет разгуливать по всему герцогству от Ажена до Марманда и от Бержерака до Дюра, как по собственному парку. И теперь, хотя дядя Валуа был совсем рядом, во главе своей длинной стальной ленты, с ним ничего нельзя было сделать!

– И вы тоже разделяете это мнение, Монпеза? – спросил граф Кентский.

– К сожалению, ваше высочество, увы, к большому сожалению, – ответил барон де Монпеза, покусывая черные усы.

Ибо он жаждал мести; Валуа в наказание за его неповиновение приказал разрушить его замок.

– А вы, Бержерак? – спросил Кент.

– Я чуть не плачу от бешенства, – ответил Пон де Бержерак со своеобразным поющим акцентом, характерным для сеньоров этого края.

Эдмунд Кентский не стал утруждать себя и выяснять мнения баронов Бюдо и Фарг де Мовзэна; они не знали ни французского, ни английского языка и говорили только по-гасконски, а Кент ничего не понимал в их тарабарщине. К тому же выражение их лиц было и без того достаточно красноречиво.

– Тогда прикажите закрыть ворота, мессир сенешаль, и приготовьтесь к осаде. А когда придут подкрепления, они ударят по французам с тыла, и, возможно, так будет даже лучше, – сказал граф Кентский, желая утешить самого себя.

Он почесал кончиками пальцев морду своей борзой, затем снова облокотился на теплые камни и принялся наблюдать за тем, что делается в долине. Старинная пословица гласила: «Кто владеет Ла Реолем, тот владеет Гиэнью». Вот и продержимся здесь столько времени, сколько потребуется.

* * *

Слишком легкое продвижение почти столь же изнурительно для войска, как и отступление. Не встречая сопротивления, которое позволило бы сделать остановку хотя бы на один день и перевести дух, французская армия шла и шла без отдыха уже более трех недель, точнее, ровно двадцать пять дней. Огромное войско, отряды рыцарей, оруженосцы; лучники, повозки, походные кузницы, кухни и, наконец, торговцы и содержатели притонов растянулись более чем на лье. Лошади растирали в кровь загривки, и не проходило и четверти часа, чтобы какая-нибудь из них не теряла подковы. Многим рыцарям пришлось отказаться от доспехов, ибо в такую жару там, где натирало железо, делались раны и нарывы. Пехотинцы с трудом тащили свои тяжелые башмаки, подбитые гвоздями. В довершение всего знаменитые аженские сливы тоже причинили немало бед – на ветках они казались совсем спелыми, а когда солдаты, страдая от жажды, наворовали их в садах, действовали как самое сильное слабительное; то и дело кто-нибудь отделялся от колонны, скрываясь в придорожные кусты.

Коннетабль Гоше де Шатийон почти все время дремал в седле. За пятьдесят лет службы, пройдя восемь войн и кампаний, он в совершенстве овладел этим искусством.

– Я, пожалуй, сосну немного, – заявлял он время от времени двум своим оруженосцам.

И оруженосцы, осадив лошадей, пристраивались по обе стороны коннетабля с таким расчетом, чтобы в случае надобности, если он съедет набок, поддержать его; и старый военачальник, опершись о заднюю луку седла, мирно похрапывал под своим старомодным шлемом.

Робер Артуа исходил потом, ничуть при этом не худея, и на двадцать шагов вокруг себя распространял острый запах хищного зверя. Он сдружился с одним из англичан, сопровождавших Мортимера, с тем самым долговязым бароном Мальтраверсом, который походил на коня, и даже предложил ему перейти в его отряд, ибо Мальтраверс оказался азартным игроком и готов был играть в кости на любом привале.

Карл Валуа все еще никак не мог успокоиться. Он ехал в сопровождении сына Карла Алансонского, племянника д'Эвре, маршалов – Матье де Три и Жана де Баре, а также кузена Альфонса Испанского и поносил все и вся: и невыносимый климат, и душные ночи, и знойное солнце, и мух, и слишком жирную пищу. Вместо вина ему подали какую-то кислятину, пригодную лишь для мужичья. А ведь армия находится в краю, славящемся своим виноделием! Где же эти люди попрятали свои лучшие бочонки? Яйца были тухлые, молоко прокислое. Иногда его высочество Валуа тошнило по утрам, и вот уже несколько дней, как он испы-

тывал в левом плече тупую боль, немало его тревожившую. Ко всему прочему пехота почти не продвигалась. Ах, если бы можно было вести войну с одной кавалерией!.. Он даже усомнился, правильно ли поступил, что послушал Толомеи, которого поддержал Робер Артуа, и тащил с собой от самого Кастельсаразна эти громоздкие жерла на деревянных полозах вместо обычных катапульт и таранов, которые, возможно, труднее устанавливать, но зато их, как известно, перевозят в разобранном виде.

– Я, кажется, обречен воевать под палящим солнцем, – говорил он. – Первую кампанию, дорогой кузен Альфонс, я совершил в пятнадцать лет против вашего деда и тоже в страшную жару в вашем пустынном Арагоне, королем которого я был некоторое время.

Он обращался к Альфонсу Испанскому, наследнику арагонского престола, бесцеремонно напомнив ему о распрях, существовавших некогда между их семьями. Впрочем, Валуа мог себе это позволить, так как Альфонс славился своим добродушием, готов был со всем соглашаться, лишь бы всем угодить; соглашался отправиться в крестовый поход лишь потому, что его об этом попросили, и сражаться против англичан, чтобы хорошенько подготовиться к этому походу.

– Никогда не забуду взятие Жероны! – продолжал Валуа. – Вот где было пекло! Кардинал до Шоле, у которого не нашлось под рукой короны во время моей коронации, надел мне на голову свою большую кардинальскую шапку из красного фетра. Я чуть было не задохнулся под ней. Да, тогда мне было пятнадцать лет... Если бы мой дорогой отец, король Филипп Смелый, не скончался на обратном пути от лихорадки, которую он там подхватил...

Вспомнив о своем отце, Карл Валуа помрачнел. И подумал о том, что отец его умер в сорок лет. Его старший брат, Филипп Красивый, скончался в сорок шесть лет, а сводный брат, Людовик д'Эвре, – в сорок три. Ему, Карлу, в марте исполнилось пятьдесят четыре, тем самым он доказал, что оказался наиболее крепким в семье. Но как долго провидение будет щадить его?

– А Кампания, Романья, Тоскана – ведь там тоже палит солнце. Пересечь в самый разгар лета всю Италию от Неаполя до Сиенны и Флоренции, чтобы изгнать оттуда гибеллинов, как я это сделал в... дайте-ка мне сосчитать... да, в 1301 году, двадцать три года назад! А сюда, в Гиэнь, в 1294 году я тоже попал летом. Вечно лето! А вот во Фландрии, как назло, приходится сражаться зимою и увязать по пояс в грязи.

– Но ведь, Карл, во время крестового похода жарыща будет, пожалуй, посильнее, – насмешливо заметил Робер Артуа. – Вы только представьте себе – мы двигаемся на Египет. Виноградники там, по-моему, не в почете. Придется довольствоваться песком.

– Крестовый поход, крестовый поход... – отозвался Валуа вялым и вместе с тем раздраженным тоном. – Будет ли он вообще, этот крестовый поход, раз мне чинят столько препятствий! Кто спорит, посвятить свою жизнь служению королевству и церкви безусловно прекрасно, но в конце концов устаешь отдавать все силы неблагодарным людям.

Под неблагодарными людьми подразумевались многие, и в том числе папа Иоанн XXII, который продолжал тянуть с предоставлением нужных сумм, словно и впрямь решил расстроить поход; но в первую очередь это был король Франции Карл IV, который не только до сих пор не прислал Карлу Валуа полномочий наместника, что становилось уже оскорбительным, но, воспользовавшись отсутствием дяди, выставил свою кандидатуру на престол Священной Римской империи. И, конечно, папа официально поддержал его кандидатуру. Таким образом, вся хитрая комбинация, задуманная Валуа с Леопольдом Габсбургским, рухнула. Короля Карла считали дурачком, да он и в самом деле был неумен, но иногда он умел наносить тяжелые удары. Эту новость Валуа узнал в тот же день, двадцать пятого августа. Поистине в этом году праздник святого Людовика оказался неудачным.

Валуа был так зол и так усердно отгонял от себя мух, что не смотрел по сторонам. Даже Ла Реоль он увидел, лишь очутившись перед крепостью на расстоянии четырех или пяти выстрелов из арбалета.

Ла Реоль стоял на самой вершине скалы, возвышавшейся над Гаронной, а вокруг крепости высились зеленые холмы. Четко вырисовываясь на фоне по-вечернему бледного неба, в прочном кольце крепостных стен, сложенных из камня цвета охры, позлащенного закатными лучами, крепость Ла Реоль со своими колокольнями, башнями, с высокой ратушей, с ажурной колоколенкой, с крышами из красной черепицы, плотно жавшимися друг к другу, походила на миниатюры в часослове, изображающие Иерусалим. Действительно прелестный город! Да и расположен он на возвышенности, как и подобает идеальной цитадели; граф Кентский поступил весьма благоразумно, укрывшись именно в Ла Реоле. Нелегко будет взять эту твердыню.

Армия остановилась в ожидании дальнейших приказов. Но его высочество Валуа не спешил их отдавать. Он дулся. Пусть сам коннетабль и маршалы примут необходимое, по их мнению, решение. А он не имеет полномочий наместника короля, не наделен никакой властью и поэтому не желает брать на себя никакой ответственности.

– Альфонс, пойдемте-ка освежимся, – предложил он своему кузену.

Коннетабль проснулся, повернул голову и выставил из-под шлема ухо, чтобы послушать, о чем говорят начальники его отрядов. Он послал графа Булонского в разведку. Через час граф вернулся и сообщил, что объехал город со стороны холмов. Все ворота закрыты, и не видно, чтобы гарнизон собирался выйти из крепости. В связи с этим решено было разбить лагерь тут же, на месте, отряды расположились как попало. Виноградные лозы, карабкавшиеся вверх по стволам деревьев и высоким жердям, образовывали удобные убежища в виде беседок. Сраженное усталостью войско заснуло, как только на небе зажглись первые звезды.

* * *

Молодой граф Кентский не удержался от искушения. Всю ночь, чтобы хоть как-то убить время, он играл в кости со своими оруженосцами, а наутро, вызвав сенешаля Бассе, приказал ему привести в боевую готовность свою кавалерию и перед рассветом, не трубя тревоги, выбрался из города через потайной ход.

Французы, храпевшие в виноградниках, пробудились ото сна лишь тогда, когда гасконские кавалеристы на всем скаку ворвались в их расположение. Французы поднимали головы и тут же в страхе падали ниц, видя, как над ними мелькают лошадиные копыта. Эдмунд и его соратники с наслаждением носились среди этих полусонных людей, рубя мечами направо и налево, обрушивая булавы и тяжелые боевые бичи со свинцовыми гирями на конце на голые ноги неприятельских солдат и на не защищенные ни кольчугой, ни панцирем бока. Раздавался треск костей, и над французским лагерем послышались крики ужаса. Палатки нескольких сеньоров рухнули. Но вот, перекрывая шум схватки, прогремел зычный голос: «За мной, за Шатийоном!» И в лучах восходящего солнца взметнулся стяг коннетабля с пурпуровым гербом, золоченую верхнюю часть которого пересекали три бело-голубые вертикальные полосы. Поверху извивался дракон, а снизу герб держали в лапах два золотых льва. Это крикнул старик Гоше, который благоразумно расположил на отдых своих рыцарей несколько поодаль и теперь спешил на выручку. Слева и справа в ответ раздались призывы: «Артуа, вперед!.. За мной, за Валуа!» Вооруженные чем попало, кто пеший, кто верхом, рыцари бросились на врага.

Лагерь был слишком разбросан, слишком обширен, а французские рыцари слишком многочисленны, чтобы граф Кентский мог продолжать свой опустошительный налет. Гас-

концы скоро заметили, что их хотят взять в клещи. Кент едва успел дать сигнал к отступлению, галопом доскакал до ворот Ла Реоля и скрылся за ними, а затем, поздравив всех с победой и сняв доспехи, со спокойной совестью отправился спать.

Во французском лагере царило смятение; отовсюду доносились стоны раненых. Среди убитых, а их было около шестидесяти, находились Жан де Баре, один из маршалов, и граф Булонский, тот самый, который накануне ездил в разведку. В лагере глубоко сожалели, что двух этих знатных сеньоров и отважных воинов постигла столь внезапная и нелепая смерть: быть убитым, едва пробудившись ото сна.

Тем не менее отвага Кента внушала уважение. Сам Карл Валуа, который еще накануне заявлял, что в два счета расправится с этим юнцом, если встретится с ним в поединке, изменил мнение и говорил чуть ли не с гордостью:

– Ну что, мессеры? Не забывают, он мой племянник!

Несмотря на свое уязвленное самолюбие, недуги и жару, Карл Валуа тотчас же после пышного погребения маршала де Баре стал готовиться к осаде города. Он действовал при этом не только энергично, но и со знанием дела, ибо при всем своем безграничном тщеславии был действительно незаурядным военачальником.

Все подъездные пути к Ла Реолю были перерезаны, и за всей округой установлено тщательное наблюдение. Поблизости от стен начали копать рвы, делать насыпи и прочие земляные сооружения, с тем чтобы разместить под их прикрытием лучников. На наиболее удобных участках расчистили площадки для установки огнедышащих жерл. Одновременно возводились высокие деревянные постройки для арбалетчиков. Его высочество поспедал повсюду, проверял, приказывал, торопил. Несколько поодаль рыцари разбили круглые палатки и шатры, над которыми развевались их стяги. Шатер Карла Валуа, возвышавшийся над лагерем и даже над осажденным городом, представлял собой настоящий замок из расшитой ткани. Весь лагерь расположился широким амфитеатром на склонах холмов.

Тридцатого августа Валуа наконец получил полномочия королевского наместника. Настроение его сразу улучшилось, казалось, он не сомневается в том, что война уже выиграна.

Два дня спустя оставшийся в живых маршал Матье де Три, Пьер де Кюньер и Альфонс Испанский, впереди которых шли трубачи с белым флагом парламентаров, подошли к стенам Ла Реоля, чтобы передать графу Кентскому от имени всемогущего и великого сеньора Карла графа Валуа, наместника короля Франции в Гаскони и Аквитании, приказ о сдаче и о передаче в их руки всего герцогства за измену и отказ от принесения присяги в верности.

На что сенешаль Бассе, вставший на цыпочки (иначе его не разглядели бы между зубцами стены), ответил от имени графа Эдмунда Кентского, наместника английского короля в Аквитании и Гаскони, что требования эти неприемлемы и что только сила может заставить графа покинуть город и отдать герцогство.

После этого в соответствии с принятыми правилами была объявлена осада и каждый из противников вернулся к своим делам.

Его высочество Валуа приказал тридцати подрывникам, предоставленным ему епископом Меца, начать работу. Они должны были сделать подкоп под стены, поместить там бочонки с порохом и запалить фитили. Юг, «инженiator», состоявший при герцоге Лотарингском, посулил, что операция эта произведет настоящее чудо. Крепостная стена раскроется, словно цветок весной.

Но осажденные, услышав глухие удары, расположили вдоль всех стен сосуды с водой, и по тому, в каких сосудах на воде появлялась рябь, определяли места, где французы рыли свои подземные ходы. В этих местах они в свою очередь начали рыть подземные галереи, но работали только ночью, тогда как лотарингские подрывники работали днем. Однажды утром галереи противников соединились, и под землей, при свете свечных огарков, произо-

шла ужасная бойня: те, кто остался в живых, выбрались на поверхность, покрытые потом, грязью и кровью, с обезумевшим взглядом; казалось, они вырвались из ада.

Тогда, воспользовавшись тем, что площадки для стрельбы были готовы, его высочество Валуа решил пустить в ход огнедышащие жерла.

Это были огромные стволы из толстой бронзы, схваченные железными обручами и посаженные на деревянные лафеты без колес. Для перевозки каждого из этих чудовищ требовался десяток лошадей, а для его установки, наводки и зарядки – два десятка солдат. Каждый ствол поместили как бы в ящик из толстых деревянных брусьев, чтобы защитить прислугу в случае, если жерло разорвет.

Эти орудия, доставленные из Пизы, были сначала переданы сенешалю Лангедока, который затем направил их в Кастельсаразэн и Ажен. Обслуживающие их итальянцы называли эти жерла бомбардами из-за производимого ими шума.

Посмотреть на работу бомбард собрались все знатные сеньоры и военачальники. Коннетабль Гоше пожимал плечами и, презрительно кривя губы, твердил, что не верит в разрушительную силу этих махин. И почему люди так склонны доверять каким-то сомнительным новшествам, когда можно преспокойно пользоваться отличными катапультами, требующими и таранами, испытанными на протяжении веков? Разве когда-нибудь он, Шатийон, нуждался в каких-то ломбардских литейщиках, чтобы взять крепость? Военный успех решали мужество души и сила мускулов, а вовсе не какой-то порох алхимиков, от которого чересчур разит сатанинской серой!

Бомбардиры разожгли около каждой бомбарды угли в жаровнях, на которых раскалялись докрасна железные прутья. Затем они принялись заряжать бомбарды через жерла: сначала совками из кованого железа насыпали порох, потом заложили пыжи из пакли, после чего вкатили в каждый ствол по большому каменному ядру, весившему около ста фунтов. Затем насыпали немного пороха в углубление, устроенное в казенной части бомбард и соединявшееся через небольшое отверстие с находившимся внутри ствола зарядом.

Всех присутствующих попросили отступить на пятьдесят шагов. Орудийная прислуга легла ничком на землю, закрыв уши руками; около каждой бомбарды осталось стоять лишь по одному бомбардиру, который должен был длинным, раскаленным докрасна прутом поджечь порох. После чего бомбардиры тоже попадали на землю и прижались к воздвигнутым около лафетов деревянным ограждениям.

Взметнулись красные языки пламени, задрожала земля. По долине Гаронны прокатился гул, и его было слышно от Марманда до Лангона.

Бомбарды заволокло черным дымом; от отдачи лафеты врезались в рыхлую почву. Коннетабль кашлял, плевал и чертыхался. Когда облако пыли осело и дым рассеялся, присутствующие увидели, что одно ядро упало в расположение французского войска и только благодаря чуду никого не убило. Зато другое ядро, по-видимому, пробило крышу городского дома.

– Много шуму, а результаты пустяковые, – ворчал коннетабль. – С помощью старых баллист с пращей все бы эти ядра достигли цели, и мы не задыхались бы от дыма.

А в Ла Реоле сначала никто не понял, почему с крыши дома мэтра Дельнюка, нотариуса, на улицу внезапно обрушился целый каскад черепицы, никто не понял также, почему вдруг в безоблачном небе прогрохотал гром. Затем из дома в ужасе выскочил сам мэтр Дельнюк, вопя, что какое-то огромное каменное ядро угодило в его кухню.

Тогда жители бросились к крепостным стенам, но не увидели во французском лагере ни одного громоздкого орудия, обычно применяемого при осадах. После второго, тоже не слишком меткого, залпа – ядра ударили в стену, и она пошла трещинами – осажденные убедились, что шум и ядра извергают длинные, лежащие на холме трубы, над которыми

вьются клубы дыма. Всех охватил ужас, женщины бросились к церкви, моля господу убедить их от этого сатанинского изобретения.

Так в войнах, которые вели страны Запада, был сделан первый пушечный выстрел.^[18]

* * *

Утром 22 сентября мессеры Район де Лабизон, Жан де Мираль, Эмбер Экло, братья Доа, Барсан де Пэн и нотариус Эли де Малена – все шестеро должностные лица Ла Реоля, а также несколько горожан обратились к графу Кентскому с просьбой принять их. Они изложили наместнику английского короля длинный перечень жалоб тоном, весьма далеким от покорности и уважения. В городе не осталось ни съестных припасов, ни воды, ни крыш. В водоемах уже просвечивало дно, в амбарах – хоть шаром покати, и у жителей не хватало больше сил выносить этот дождь ядер, обрушивавшийся на город чуть ли не каждые четверть часа в течение уже трех недель. Ядра убивали спящих прямо в кровати, детей на улицах. Больница была переполнена больными и ранеными, церковные склепы завалены трупами. Одно ядро пробило насквозь колокольню церкви святого Петра, и колокола упали на землю с таким грохотом и звоном, что казалось, настал конец света. И каждому было ясно, что господь бог отвернулся от англичан. Кроме того, подошло время сбора винограда, по крайней мере на тех виноградниках, которые не успели разорить французы, и жители не желали, чтобы урожай сгнил на лозах. Население, подстрекаемое владельцами виноградников и торговцами, готово было взбунтоваться и, если понадобится, сразиться с солдатами сенешаля, чтобы ускорить сдачу города.

Пока посетители беседовали с графом Кентом, раздался свист ядра и за ним шум рухнувшего здания. Борзая графа Кентского завyla. Усталым движением хозяин заставил ее замолчать.

Еще несколько дней назад Эдмунд Кентский понял, что сдача крепости неизбежна. Но он упрямо продолжал сопротивление, хотя это нельзя было оправдать никакими разумными доводами. Его поредевшие и упавшие духом после длительной осады войска были не способны противостоять приступу. А новая вылазка теперь, когда противник укрепил свой лагерь, была бы чистым безумием. И вот сейчас в довершение всего жители Ла Реоля угрожают восстанием.

Граф Кентский повернулся к сенешалю Бассе.

– Верите ли вы еще, что из Бордо прибудет подкрепление, мессир Ральф? – спросил он.

Но не сенешаль, а сам граф Кентский, вопреки всякой очевидности, верил в прибытие этих пресловутых обещанных ему подкреплений, которые должны были ударить в тыл армии Карла Валуа.

Ральф Бассе окончательно обессилел и без колебаний обвинил короля Эдуарда и Диспенсеров в том, что они бросили защитников Ла Реоля на произвол судьбы. Все это, по его мнению, сильно походило на предательство.

Такое же уныние было написано на лицах сира де Бержерака, де Бюдо и де Монпеза. Никто не желал умирать за короля, который нимало не заботился о своих преданных слугах. Слишком плохо оплачивалась верность.

– Есть ли у вас белый флаг, мессир сенешаль? – спросил граф Кентский. – Прикажете поднять его над крепостью.

Через несколько минут бомбарды умолкли, и французский лагерь погрузился в глубокую, настороженную тишину, какой встречают долгожданные события. Из Ла Реоля вышли парламентары; их провели в шатер маршала де Три, который сообщил общие условия сдачи. Разумеется, город должен быть сдан; но вместе с тем граф Кентский подпишет и провозгласит передачу всего герцогства в руки наместника французского короля. Грабежей не будет,

в плен никого не возьмут, кроме заложников, и наложат контрибуцию. Сверх того, граф Валуа приглашал графа Кентского к себе на обед.

В шатре, расшитом французскими лилиями, где его высочество Валуа жил уже почти месяц, был устроен богатый пир. Граф Кентский прибыл в своих самых роскошных доспехах, но был бледен и старался держаться с преувеличенным достоинством, чтобы скрыть свое унижение и скорбь. Его сопровождали сенешаль Бассе и несколько гасконских сеньоров.

Оба королевских наместника, победитель и побежденный, разговаривали между собой довольно холодным тоном, но обращались друг к другу со словами: «мессир племянник» и «миссир дядя», как люди, между которыми даже война не в силах порвать родственные узы.

Его высочество Валуа усадил графа Кентского напротив себя. Изголодавшиеся за время осады гасконские рыцари с жадностью набросились на еду.

Обе стороны изошрялись в любезностях и восхваляли отвагу друг друга, будто речь шла о простом турнире. Графа Кентского поздравили с успехом стремительной вылазки, которая стоила жизни одному из французских маршалов. Граф Кентский ответил столь же учтиво и высоко оценил действия дяди, осадившего крепость и применившего огненные жерла.

– Вы слышите, мессир коннетабль, и вы, мессеры? – воскликнул Валуа. – Слышите, что говорит мой благородный племянник?.. Без наших бомбард, стреляющих ядрами, город продержался бы четыре месяца. Запомните это хорошенько!

Через стол, уставленный подносами, кубками и кувшинами, граф Кентский и Мортимер внимательно наблюдали друг за другом.

Как только пир был окончен, главные военачальники уединились для обсуждения договора о временном прекращении военных действий, включавшего множество статей. По правде говоря, граф Кентский готов был уступить по всем пунктам, если не считать отдельных формулировок, которые могли поставить под сомнение законность власти английского короля; возражал он также и против того, что сенешалья Бассе и сира Монпеза включили в список заложников. Так как они арестовали и повесили нескольких должностных лиц французского короля, можно было не сомневаться в том, какая их ждет участь. Однако Валуа настаивал на выдаче ему сенешалья и, главное, зачинщика мятежа в Сен-Сардо.

В переговорах принимал участие и лорд Мортимер. Он попросил, чтобы ему разрешили побеседовать с глазу на глаз с графом Кентским, но коннетабль запротестовал. Нельзя обсуждать вопрос о перемирии при посредстве перебежчика из лагеря противника! Однако Робер Артуа и Карл Валуа выразили полное доверие Мортимеру, и англичане отошли в угол шатра.

– Неужели вам так хочется, лорд, поскорее вернуться в Англию? – спросил Мортимер. Граф Кентский промолчал.

– ...И предстать перед вашим братом, королем Эдуардом, приступы гнева и несправедливость коего вам достаточно известны, – продолжал Мортимер, – и который к тому же будет упрекать вас за поражение, хотя виновны в нем Диспенсеры? Ибо вас предали, лорд, вы сами знаете это. Нам известно, что вам обещали прислать подкрепления и клятвенно заверяли, что они уже в пути, тогда как никто их даже не собирался погрузить на корабль. А что вы скажете о приказе, данном сенешалю Бордо и запрещавшем ему оказывать вам помощь до прибытия подкреплений, которых никто и не думал посылать? Разве это не предательство? Не удивляйтесь, что я так хорошо осведомлен, я обязан этим ломбардским банкирам... Задавались ли вы вопросом, какова причина столь преступного вероломства в отношении вас? Неужели вы не видите, почему все это делается?

Граф Кентский продолжал хранить молчание; слегка склонив голову, он рассматривал свои ногти.

– Вернувшись отсюда победителем, вы, милорд, превратились бы в постоянную угрозу для Диспенсеров, – продолжал Мортимер, – вы приобрели бы слишком большой вес в королевстве. И они предпочли видеть вас в опале, как побежденного, пусть даже ценой Аквитании. Что для людей, единственная забота которых присваивать себе поместья знатных баронов, что для них потеря Аквитании? Понимаете теперь, почему три года назад я оказался перед выбором – либо бороться за Англию против короля, либо за короля против Англии? Кто поручится, что тотчас же по возвращении вас не обвинят в измене и не бросят в темницу? Вы еще молоды, милорд, и не знаете, на что способны эти мерзкие люди.

Граф Кентский отбросил свои белокурые локоны за уши и не торопясь ответил:

– Теперь я узнал их, милорд, на собственной шкуре.

– Не согласились ли бы вы предложить себя в качестве первого заложника, при том условии, конечно, что с вами будут обращаться, как с принцем крови? Сейчас, когда Аквитания потеряна для Англии, и боюсь, что потеряна навсегда, наш долг спасти само королевство; и сделать это мы сможем, только находясь здесь.

Юный граф поднял на Мортимера удивленный взгляд, однако барон прочел в нем согласие.

– Еще два часа назад, – проговорил граф Кент, – я был наместником моего брата короля, а сейчас вы предлагаете мне примкнуть к мятежникам?

– Эти два часа прошли, как одна минута. Великие дела всегда решаются в мгновение ока.

– Сколько времени вы дадите мне на размышление?

– В этом нет необходимости, милорд, поскольку вы уже решились.

И когда юный граф Эдмунд Кент, вернувшись к столу, где выработывались условия перемирия, заявил, что он согласен быть первым заложником, все расценили это как немалый успех Роджера Мортимера.

Мортимер, наклонившись к нему, сказал:

– А сейчас мы обязаны сделать все, чтобы спасти вашу невестку и кузину – королеву. Она достойна нашей любви и может стать главной нашей опорой.

Часть вторая Любовь Изабеллы

Глава I Трапеза папы Иоанна

Церковь Сент-Агриколь недавно полностью перестроили. Домский собор, церкви францисканцев, доминиканцев и августинцев были расширены и обновлены. Госпитальеры-иоанниты построили себе великолепное командорство. За площадью Менял выросла новая часовня святого Антуана, и уже велись работы по закладке фундамента будущей церкви святого Дидье.

Вот уже неделю граф Бувилль бродил по Авиньону и не узнавал города, не находил даже знакомых мест. Каждая прогулка была для него сюрпризом, вызывала изумление. Каким чудом мог так удивительно измениться город всего за десять лет!

Но лицо города изменили не только новые храмы, словно выросшие из-под земли, или старые, перестроенные на новый лад и выставлявшие напоказ шпили колоколен, стрельчатые своды, розетки, белокаменные узоры, которые нещедро золотило зимнее солнце и в которых пел ветер с берегов Ромы.

Повсюду возвышались также княжеские дворцы, жилища прелатов, общественные здания, дома разбогатевших горожан, помещения ломбардских компаний, склады, лавки. Повсюду слышался непрекращающийся, упорный стук, похожий на шум дождя: это каменотесы с утра до вечера стучали металлическими молотками, дробили и шлифовали мягкий камень, из которого возводят столицы. На улицах множество людей, непрерывные факельные шествия среди бела дня, расчищающие дорогу кардиналам; повсюду кипучая, шумная, суетливая толпа, шагающая прямо по строительному мусору, опилкам, известковой пыли. А ведь красноречивее всего свидетельствуют о поре процветания именно следы строительной пыли на роскошных, расшитых узорами башмаках власть имущих.

Нет, Бувилль решительно не узнавал Авиньона. Мистраль не только запорашивал глаза пылью строек, но и ослеплял блеском роскоши. Лавки торговцев, причем каждый из них кичился тем, что являлся поставщиком либо святейшего папы, либо его кардиналов, были забиты самыми дорогими товарами, привезенными со всех концов земли; тут были тяжелый бархат, тончайшие шелка, парча, богатые галуны. Полки в серебрениковых лавках сиеннца Торо, торговца Корболи и мэтра Кашета ломились под тяжестью драгоценной церковной утвари: нагрудных крестов, посохов, перстней, дароносиц, ковчежцев для святых мощей, дисков, а также пиршественных блюд, ложек, кубков и чаш с гербами папы и кардиналов.

Требовались художники для внутренней отделки всех этих нефов, сводов и часовен, и три Пьера, три художника – Пьер из Пюи, Пьер де Кармелер и Пьер Годрак – с помощью многочисленных своих учеников расписывали стены золотом, лазурью, кармином, украшали знаками Зодиака сцены из Старого и Нового заветов. Требовались скульпторы; мастер Маччоло из Сполето вырезал по красному дубу и ореху изображения святых, а затем раскрашивал их или золотил. Прохожие на улицах низко кланялись человеку, перед которым не несли факелов, но которого всегда сопровождала внушительная свита с деревянными аршинами и огромными рулонами чертежей на тонком пергаменте; это был мессир Гийом де Кукурон, глава всех панских архитекторов, которые начиная с 1317 года перестраивали Авиньон, на что была ассигнована баснословная сумма в пять тысяч золотых флоринов.

Женщины в этом славном граде христианства одевались лучше, чем где-либо в другом месте. Они чаровали взгляд, когда, завернувшись в свои подбитые мехом плащи, выходили из церкви после мессы, пересекали улицы, бегали по лавкам или, смеясь и поеживаясь от холода, кокетничали прямо на улицах с любезными сеньорами или развязными молодыми клериками. Некоторые дамы, прогуливаясь, непринужденно опирались на руку каноника или епископа, и колыхавшиеся в лад подола платья и сутаны подметали белую уличную пыль.

С помощью церковной казны процветали все сферы человеческой деятельности. В городе пришлось построить новые увеселительные заведения и расширить квартал, где жили непотребные девки, ибо не все монахи, клерики, диаконы и протодиаконы, навонявшие Авиньон, следовали уставу святой церкви. Городские власти развесили на особых щитах суровые ордонансы: «Запрещается публичным женщинам и сводницам показываться на главных улицах, носить одинаковые с порядочными женщинами наряды и появляться в вуали в общественных местах. Им запрещается также прикасаться руками к хлебу и фруктам в лавках, а тронутое ими они обязаны купить. Замужние куртизанки изгоняются из города, а в случае возвращения в Авиньон предаются суду». Но вопреки всем ордонансам куртизанки рядились в самые роскошные наряды, покупали лучшие фрукты, разгуливали по главным улицам и без труда находили себе мужей, так как они были богаты и утонченны. Они смело взирали на так называемых порядочных женщин, которые вели себя точно так же, с той лишь разницей, что судьба ниспосылала им более высокопоставленных любовников.

Преображался не только Авиньон, но и весь край. По ту сторону моста Сен-Бенезе, в Вильневе, племянник папы, кардинал Арно де Виа, построил огромную обитель для каноников, и теперь башню Филиппа Красивого величали «старой башней», потому что она стояла уже тридцать лет! Но разве могли произойти все эти сказочные перемены, не будь Филиппа Красивого, который принудил пап обосноваться в Авиньоне?^[19] В Бедариде, в Шатонефе, в Нове папские строители воздвигали церкви и замки.

Бувилль взирал на новый Авиньон с чувством особой гордости. Ибо последний папа был избран отчасти не без его помощи. Это он, Бувилль, первый восемь, нет, даже девять лет назад после изнурительной погони за кардиналами, рассеявшимися между Карпантра и Оранжем, обнаружил кардинала Дюэза, передал ему деньги на подкуп кардиналов и сообщил о нем в Париж как о наиболее подходящем для Франции кандидате. По правде говоря, Дюэз, будучи к тому времени ставленником Неаполитанского короля, сам приложил немало стараний, чтобы его обнаружили. Но уж так повелось, что послы видят во всем свою заслугу, особенно если их миссия увенчалась успехом. И Бувилль, направляясь по авиньонским улицам на пир, который папа Иоанн XXII давал в его честь, раздувал свое объемистое брюшко, думая, что выпячивает грудь, встряхивал седыми волосами, рассыпавшимися по меховому воротнику, и громко разговаривал со своими конюшими.

Во всяком случае, одно, казалось, было завоевано: святой престол не вернется в Италию. С иллюзиями, которые из осторожности поддерживал Климент V во время своего пребывания на панском престоле, было покончено. Тщетно римские патриции плели интриги против Иоанна XXII и грозили, если он не вернется в Вечный город, расколом, клялись выбрать другого Папу^[20], который займет истинный трон святого Петра. Бывший кагорский горожанин сумел достойным образом ответить римским князьям, дав им лишь одну кардинальскую шапку из шестнадцати, которые он роздал после своего избрания в папы. Все остальные кардинальские шапки достались французам.

Несколькими днями раньше, во время первой аудиенции, которую пана Иоанн XXII дал Бувиллю, он сказал ему своим слабым голосом, повелевающим всем христианским миром:

– Видите ли, мессир граф, править нужно, опираясь на своих друзей и выступая против врагов. Властители, которые тратят время и силы на то, чтобы привлечь на свою сторону

противников, вызывают недовольство подлинных своих союзников и приобретают лжедрузей, всегда готовых на предательство.

Для того чтобы убедиться в твердом решении папы не покидать Францию, достаточно было взглянуть на замок, который он воздвиг на месте прежнего епископства и который возвышался над городом, вознося к небу зубчатые стены, башни и навесные бойницы. Внутри – просторные крытые галереи, приемные залы и роскошно разукрашенные апартаменты с лазурными потолками, усеянными звездами, как ночное небо.^[21] У первых и вторых дверей стояло по два привратника, у третьей – пять и еще четырнадцать у остальных дверей. Под начальством у дворцового смотрителя состояло сорок курьеров и шестьдесят три вооруженных серванта. Все это отнюдь не походило на временное жилище.

А чтобы узнать, кого папа Иоанн призвал руководить делами, Бувиллю достаточно было взглянуть на сановников, расположившихся за длинным столом, сверкавшим золотой и серебряной посудой, в торжественном зале, обитом шелком.

Кардинала-архиепископа Авиньона звали Арно де Виа; он был сыном одной из сестер папы. Гослен Дюэз, кардинал-канцлер римской церкви, то есть первое после папы лицо в христианском мире, человек дородный и крепкий, которому весьма шла его пурпурная мантия, был сыном Пьера Дюэза, родного брата папы, которому король Филипп V пожаловал дворянство. Еще один племянник папы – кардинал де ла Мотт-Фрессанж; двоюродный брат папы – кардинал Раймон Ле Ру. Другой племянник Дюэза, Пьер де Виси, управлял папским домом, следил за расходами, под его началом находились два пекаря, четыре эконома, кучера, кузнецы, шесть камердинеров, тридцать капелланов, шестнадцать исповедников для пилигримов, звонари, метельщики, водоносы, прачки, лекари, аптекари и цирюльники.

Не последним среди сидевших за папским столом гостем был, разумеется, и кардинал Бертран дю Пуже, легат, странствующий по Италии, о котором за глаза говорили – а за глаза здесь не стеснялись говорить все, – что он был внебрачным сыном Жака Дюэза, прижитым в те времена, когда Дюэз сорок лет назад, не будучи ни прелатом, ни канцлером Неаполитанского короля, ни даже доктором или духовным лицом, еще и в мыслях не имел стать папой и мирно проживал в своем родном Кагоре.

Все родственники папы Иоанна, включая троюродных братьев, жили в его дворце и ели за одним столом с ним; двое из них жили даже в потайных хоромах под залой, где происходили пиршества. Каждый из родственников занимал какую-нибудь должность: один входил в сотню благородных рыцарей, другой ведал раздачей милостыни, третий возглавлял папский совет, в ведении коего находились и церковные доходы – годовые подати, десятины, отчисления с наследства, доходы от продажи индульгенций. Весь папский двор насчитывал более четырехсот человек, и на его содержание ежегодно шло свыше четырех тысяч флоринов.

Когда восемь лет назад лионский конклав возвел на престол святого Петра немощного, прозрачного как воск старца, который, казалось, через неделю отдаст богу душу, не может не отдать, раз все этого ждали и на это надеялись, папская казна была пуста. В течение восьми лет этот маленький старичок, который не ходил, а порхал, словно перышко, гонимое ветром, с таким искусством управлял финансами церкви, так ловко обложил налогом прелюбодеев, содомитов, кровосмесителей, воров, преступников, провинившихся священников и обвиняемых в насилии епископов, так дорого продавал аббатства и осуществлял столь строгий контроль над всем церковным имуществом, что мог выстроить целый город, получая самые большие в мире доходы. Он без особого труда щедро содержал всю свою семью и правил с ее помощью. Он не скупился на подаяния беднякам и на подарки богачам, преподнося своим гостям драгоценности и священные золотые медальоны, которыми его снабжал давнишний его поставщик еврей Бонкер.

Утонув в широких креслах с высокой спинкой, поставив ноги на две большие шелковые, расшитые золотом подушки, папа Иоанн председательствовал на этой трапезе, похожей одновременно на папскую консисторию и на семейный обед. Сидя справа от папы, Бувилль смотрел на него как зачарованный. Как же изменился святой отец с момента его избрания! Нет, не внешне: время уже не имело власти над этим хрупким человеком в отороченной мехом шапочке, над его крохотным, заостренным, подвижным, морщинистым личиком с маленькими мышинными глазками без ресниц и бровей, с узким ртом и запавшей над беззубыми деснами верхней губой. Иоанн XXII носил бремя своих восьмидесяти лет легче, чем многие другие – пятьдесят. Об этом свидетельствовали его руки с гладкой, едва начинающей желтеть кожей и гибкими, подвижными пальцами. Перемена произошла в его манере держаться и говорить, в тоне его голоса. Этот человек, который получил кардинальскую шапку, подделав подпись короля, папскую тиару – после двух лет тайных интриг, подкупа кардиналов, отдавших за него свои голоса, и, наконец, в течение месяца разыгрывавший неизлечимого больного, казалось, переродился, став главой христианского мира. Начав с ничтожно малого, он достиг вершин человеческих вождедений, и ему больше нечего было желать и не к чему стремиться; все свои силы, всю грозную мощь своего ума, с помощью которого он вознесся так высоко, он мог ныне полностью отдать на благо церкви, вернее, на то, что считал ее благом. Какую бурную деятельность он развил! И как глубоко пришлось раскаиваться тем, кто, избирая его, рассчитывал, что он либо быстро сойдет в могилу, либо предоставит курии править от его имени! Иоанн XXII держал всех в ежовых рукавицах. Этот маленький старичок был поистине великим владыкой церкви!

Он занимался всем, решал все вопросы. Не колеблясь, он отлучил от церкви в марте нынешнего года императора Германии Людвигу Баварского, заодно сместив его с трона и освободив престол Священной Римской империи, на который зарились король Франции и граф Валуа. Он вмешивался во все споры христианских государей, напоминая им, как того и требовала его миссия пастыря, об обязанности хранить мир. Сейчас он занимался конфликтом в Аквитании и во время аудиенции, данной Бувиллю, изложил свои соображения на этот счет.

Он собирался обратиться к суверенам Франции и Англии с просьбой продлить перемирие, подписанное графом Кентским в Ла Реоле, срок которого истекал в декабре этого года. Его высочество Валуа не должен пускать в дело четыреста воинов и тысячу новых арбалетчиков, которых король Карл IV недавно посылал ему в Бержерак. Но королю Эдуарду будет в решительной форме предложено прибыть в наикратчайшие сроки к королю Франции и принести ему присягу в верности. Оба суверена обязуются освободить гасконских сеньоров, находящихся у них в плену, и никоим образом не мстить им за то, что они стали на сторону противника. Наконец, папа собирался написать королеве Изабелле, заклиная ее употребить все свое влияние, чтобы восстановить согласие между ее супругом Эдуардом и братом Карлом. Впрочем, папа Иоанн, равно как и Бувилль, не питал никаких иллюзий относительно того влияния, каким пользовалась несчастная королева. Однако самый факт обращения к ней папы, несомненно, должен был в известной мере поднять ее престиж и заставить ее врагов призадуматься, прежде чем подвергать ее новым оскорблениям. Иоанн XXII намеревался также посоветовать ей совершить поездку в Париж, опять же в целях примирения, с тем чтобы руководить подготовкой договора, в силу которого от Аквитанского герцогства за Англией должна была остаться лишь узенькая прибрежная полоса с Септом, Бордо, Даксом и Байонной. Таким образом политические чаяния графа Валуа, махинации Робера Артуа и сокровенные желания лорда Мортимера получали от папы поддержку, что было крайне важно для их осуществления.

Итак, выполнив вполне успешно первую часть своей миссии, Бувилль мог с аппетитом лакомиться тающим во рту ароматным рагу из угрей, которое ему подали в серебряной миске.

– Нам доставляют угрей с Мартигского пруда, – пояснил Бувиллю папа Иоанн. – По вкусу ли они вам?

Толстый Бувилль с набитым до отказа ртом ответил лишь восторженным взглядом.

Папская кухня отличалась необычайной изысканностью; даже по пятницам во дворце устраивались настоящие пиршества. Свежий тунец, норвежская треска, миноги и осетры, приготовленные десятками способов и приправленные различными соусами, следовали друг за другом нескончаемой вереницей на сверкающих блюдах. Арбузские вина, как золото, искрились в кубках. К сырам подавались сухие вина Бургундии, Ло или Роны.

А сам папа брал себе ложечку паштета из щуки, долго разминал его беззубыми деснами и потягивал из кружки молоко. Он почему-то вбил себе в голову, что папе негоже есть мясо!

Его высочество Валуа поручил Бувиллю обсудить с папой еще один, куда более щекотливый вопрос – вопрос о крестовом походе, но с выполнением этого поручения дело обстояло много хуже, ибо Иоанн XXII ни словом не обмолвился о крестовом походе во время предыдущих встреч. Однако пора было решиться. Обсуждение подобных вопросов послы обычно начинают издалека и, руководствуясь этим правилом, Бувилль сказал, считая, что делает тонкий ход:

– Святейший отец, французский двор с огромным вниманием следил за церковным собором в Валльядолиде, который два года назад был проведен вашим легатом и где было приказано священнослужителям покинуть их сожительниц...

– ... под угрозой, что если они не покорятся, – подхватил папа Иоанн скороговоркой, тоненьким, тихим голосом, – то через два месяца будут лишены трети своих доходов, еще через два месяца – другой трети, а еще через два – всех доходов. По правде говоря, мессир граф, человек живет во грехе, даже если он священник, и мы отлично знаем, что нам никогда не удастся полностью искоренить грех. Но пусть по крайней мере те, кто упорствует во грехе, помогут нам наполнить сундуки, а деньги послужат тому, чтобы сеять добро. Ведь многие стараются не доводить дело до публичных скандалов.

– И, таким образом, епископы не будут больше присутствовать при крещении и бракосочетании своих незаконных детей, что, к сожалению, в последнее время вошло в обычай.

При этих словах Бувилль вдруг побагровел. Как это ее угораздило заговорить о незаконных детях, сидя напротив кардинала дю Пуже? Это промах с его стороны, грубый промах. Но никто, казалось, не придавал значения его замечанию. Поэтому Бувилль поспешил продолжить:

– Но почему, святейший отец, в отношении священников, сожительствовавших с нехристианками, предусмотрено более тяжелое наказание?

– Причина тут простая, мессир граф, – ответил папа Иоанн. – Здесь имеется в виду в первую очередь Испания, где проживает много мавров... и где наши священники без труда находят подруг, которым ничто не мешает распутничать со служителями церкви.

Он слегка шевельнулся в своем огромном кресле, и по его тонким губам скользнула легкая улыбка. Он уже понял, к чему клонил его собеседник, переводя беседу на мавров. Это настораживало и забавляло его, и он внимательно следил за тем, как Бувилль, отхлебнув глоток вина для храбрости, продолжал свою речь с деланно непринужденным видом.

– Этот собор, святейший отец, несомненно, принял разумное решение, которое окажет нам немалую услугу во время крестового похода. Ибо с нашими армиями пойдет мною священнослужителей, а армии будут продвигаться по землям, где живут мавры; не следует священникам показывать дурной пример.

Бувилль вздохнул свободнее, наконец-то слова «крестовый поход» были произнесены вслух.

Папа Иоанн прищурился и сплел пальцы.

– Но будет столь же плохо, – не спеша ответил он, – если подобное беспутство распространится среди христианских народов, пока их войско будет находиться в заморских странах. Ибо приходится признать, мессир граф, что всегда, когда армии сражаются вдали от своих государств и когда народ лишают самых доблестных его сынов, в этих странах пышным цветом расцветают разнообразные пороки, как будто вместе с войском эти земли покидает и уважение, с каким люди должны относиться к законам божьим. Ничто так не способствует греху, как война... Его высочество Валуа по-прежнему настаивает на этом крестовом походе, которым он желает почтить наш понтификат?

– Дело в том, святой отец, что посланцы Малой Армении...

– Знаю, знаю, – сказал папа Иоанн, раздвигая и сближая мизинцы. – Ведь я сам направил этих посланцев к его высочеству Валуа.

– До нас со всех сторон доходят вести о том, что мавры на побережье...

– Знаю. Вести поступают ко мне в то же время, что и к его высочеству Валуа.

Сидевшие за столом прекратили разговоры. Сопровождавший Бувилля в его поездке епископ Пьер де Мортемар, о котором говорили, что при следующем назначении кардиналов он получит кардинальскую шапку, внимательно прислушивался к разговору между Бувиллем и папой, так же как и все племянники и прочие родичи, прелаты и сановники. Ложки бесшумно скользили по дну тарелок, словно по бархату. Голос Дюзза хотя еще твердый, по лишенный всякой выразительности, походил на легкое дуновение, и требовалась сноровка, чтобы разобрать его слова, даже сидя с ним рядом.

– Его высочество Валуа, которого я люблю отеческой любовью, вынудил нас отказаться от десятины, но пока что использовал эту десятину лишь для того, чтоб отобрать Аквитанию и подкрепить свою кандидатуру на престол Священной империи. Все это весьма благородные начинания, но вряд ли их назовешь крестовым походом. Не знаю, смогу ли я в следующем году снова пожертвовать десятиной, а тем паче, мессир граф, предоставить на экспедицию дополнительные суммы, которые у меня просят.

Для Бувилля это был тяжелый удар. Если он вернется в Париж ни с чем, Карл Валуа совсем разъярится!

– Святейший отец, – ответил Бувилль, стараясь говорить спокойно, холодным тоном, – графу Валуа, так же как и королю Карлу, казалось, что вы небезразличны к той чести, которую мог бы принести христианству...

– Честь христианства, дражайший сын, заключается в том, чтобы жить в мире, – прервал папа Бувилля и слегка похлопал его по руке.

Так вот в чем изменился святой отец! Раньше он всегда давал собеседнику договорить свою мысль до конца, если даже понимал его с первого слова. Теперь он просто прерывал его на полуслове; он был слишком занят, чтобы ждать, пока ему объяснят то, что уже было ему известно. Однако Бувилль, подготовивший заранее свою речь, продолжал:

– Разве не является нашим долгом обратить язычников в истинную веру и искоренить среди них ересь?

– Ересь? Ересь, Бувилль? – спросил папа Иоанн под возмущенный шепот присутствовавших. – Лучше займемся-ка поначалу искоренением той ереси, что процветает в наших собственных странах, и не будем торопиться считать чирьи на лице соседа, когда наше собственное тело изъедено проказой! Ересь – это уж моя забота, и я, по-моему, успешно ее преследую. Моим судам хватает работы, но для борьбы с ересью мне требуется не только помощь всех моих приближенных, но и помощь всех христианских владык. Если рыцари Европы отправятся на Восток, у дьявола будут развязаны руки во Франции, Испании и Ита-

лии! Давно ли утихомирились катары, альбигойцы и другие раскольники? Ведь с этой целью я раздробил огромную епархию Тулузы, которая была их логовом, и создал шестнадцать новых епископств в Лангедоке! А разве не ересь вела ваших пастухов, банды которых доказались до нас несколько лет назад? Такое зло не искоренить в течение жизни одного поколения. Этого дождутся только дети наших правнуков.

Все присутствующие прелаты могли засвидетельствовать, сколь сурово Иоанн XXII преследовал ересь. Если по его приказу мирволили в отношении мелких прегрешений человеческой природы и за определенную мзду отпускали их, зато он неуклонно требовал предавать сожжению всех тех, кто посягал на догму. В христианском мире ходило даже меткое словцо монаха Бернара Делисье, францисканца, который вздумал бороться против доминиканской инквизиции и имел смелость явиться со своими проповедями в самый Авиньон, что стоило ему пожизненного заключения. «Даже святые Петр и Павел, – сказал он, – не смогли бы доказать, что они не еретики, вернись они в этот мир и предстань перед обвинителями».

Но в то же время живой ум святого отца подсказывал ему достаточно странные идеи, и он оглашал их публично, что вызывало немалое смятение в рядах докторов теологии. Так, он поставил под сомнение непорочное зачатие девы Марии; положение это не было догмой, но пользовалось всеобщим признанием. Самое большее он соглашался признать, что бог очистил богородицу от скверны еще до рождения, но в какой момент совершил это – установить трудно. Вместе с тем он не подвергал сомнению успение богородицы. Кроме того, Иоанн XXII не верил в обретение небесного блаженства, во всяком случае до дня Страшного суда, и отрицал тем самым тезис, что в раю, а следовательно и в аду, находятся души умерших.

По мнению многих теологов, от таких высказываний слегка пахивало ересью. Вот почему за папским столом находился и известный цистерцианец Жак Фурнье, сын булочника из Фуа в Арьеже, бывший аббат Фонфруада и епископ Памье, прозванный из-за своего одеяния «белым кардиналом», и этот Фурнье, будучи самым близким лицом святого отца, использовал все свое знание апологетики для обоснования и оправдания предрезостных положений главы христианского мира.^[22]

Папа Иоанн продолжал:

– Так что, мессир граф, пусть не беспокоит вас ересь мавров. Давайте лучше охранять наше побережье от их кораблей, но самих их предоставим суду всемогущего бога, ибо, в конце концов, они его создания и у него, несомненно, есть в отношении них свои намерения. Кто из нас может сказать, что станется с душами, которых еще не коснулась благодать откровения?

– По-моему, они попадут в ад, – простодушно отозвался Бувилль.

– Ад, ад! – чуть слышно произнес тщедушный папа, пожимая плечами. – Не говорите о том, чего не знаете. И не пытайтесь убедить меня – ведь мы с вами давние друзья, Бувилль! – в том, что его высочество Валуа просит из моей казны миллион двести тысяч ливров, из коих триста тысяч пойдут ему лично, ради спасения душ язычников! К тому же мне известно, что граф Валуа несколько поостыл к своему крестовому походу.

– По правде говоря, святейший отец, – проговорил Бувилль не без колебания, – хоть я и не так хорошо осведомлен, как вы, но мне тоже казалось...

«О, незадачливый посол! – думал папа Иоанн. – Будь я на его месте, я бы самого себя убедил в том, что Валуа уже собрал войска, и выцарапал бы по крайней мере триста тысяч ливров».

Папа молчал и, когда Бувилль окончательно запутался, промолвил:

– Скажите его высочеству Валуа, что святой отец отказывается от крестового похода; его высочество Валуа, которого я знаю как покорного сына и безукоризненного христианина, послушается меня ради блага нашей святой церкви.

Бувилль почувствовал себя самым несчастным человеком. Святой отец прав, все сошлись во мнении, что необходимо отказаться от крестового похода, но не так же это делается, нельзя же в двух словах, а главное, без всякого, так сказать, возмещения погубить такое начинание.

– Я не сомневаюсь, святейший отец, – ответил Бувилль, – что его высочество Валуа послушается вас; но только он уже связал себя словом, поставил на карту свой престиж и понес большие расходы.

– Сколько нужно его высочеству Валуа, чтобы не слишком пострадал его личный престиж?

– Не знаю, святейший отец, – пробормотал Бувилль, краснея. – Его высочество Валуа не уполномочивал меня отвечать на подобные вопросы.

– Не может быть! Я слишком хорошо его знаю и уверен, что он предусмотрел и такой оборот дела. Сколько?

– Он уже роздал вперед деньги рыцарям своих ленных владений на экипировку их отрядов...

– Сколько?

– Он позаботился об этих новых пороховых жерлах...

– Сколько, Бувилль?

– Он сделал заказ на различного рода вооружение...

– Я не военный человек, мессир, и не требую от вас счетов на арбалеты. Я прошу вас только назвать мне сумму, которую его высочество Валуа хочет получить в возмещение своих убытков.

Папа с улыбкой наблюдал, как его собеседник вертелся в кресле, словно его поджаривали на углях. Да и сам Бувилль не мог удержаться от улыбки, видя, что все его хитроумные уловки лопнули, как мыльный пузырь. Итак, требуется назвать цифру! Он заговорил так же тихо, как папа, и прошептал:

– Сто тысяч ливров...

Иоанн XXII покачал головой.

– Вполне в духе графа Карла Валуа. Помнится, флорентийцам в свое время, для того чтобы обойтись без его помощи, пришлось дать больше. Правда, сиенцы добились от него согласия покинуть их город за несколько меньшую сумму. Позднее король Анжуйский вынужден был выложить ему приблизительно такую же сумму в знак благодарности за помощь, которой он у него не просил! Что ж, это такой же способ получать деньги, как и все прочие. А знаете, Бувилль, ваш Валуа великий мошенник! Ну ладно, сообщите ему добрую весть... Мы дадим ему эти сто тысяч ливров и наше папское благословение!

В общем папа был рад отделаться такой ценой! А Бувилль не помнил себя от счастья, что неожиданно-негаданно и к тому же столь успешно выполнял свою миссию. Торговаться с самим папой, словно с ломбардским купцом, и впрямь было для него мучительно! Но решение святого отца не было продиктовано щедростью, просто он прикинул цену, которую приходится платить за власть.

– А помните, мессир граф, те времена, – продолжал папа, – когда вы привезли мне сюда пять тысяч ливров от графа Валуа, для того чтобы на конклаве прошел французский кардинал? Согласитесь, что эти деньги были помещены под хороший процент!

Всякий раз Бувилль умилялся этим воспоминаниям. Он вновь увидел лужайку за городом, севернее Авиньона, луг Понте, густой туман и необычную беседу, которую они вели тогда, сидя рядом на низенькой ограде.

– Как же, помню, святой отец, – сказал он. – Я ведь никогда не встречался с вами до того дня и, когда издали увидел, как вы приближались ко мне, я тогда подумал, что меня обманули, что вы не кардинал, а молодой клерик, которого какой-нибудь прелат передел и послал вместо себя.

Этот комплимент вызвал улыбку на губах папы. Он тоже предался воспоминаниям.

– А что случилось с тем молодым итальянцем, – спросил он, – с тем сиенцем из банка, с этим юным Гуччо Бальони, который сопровождал вас тогда и которого вы потом прислали ко мне в Лион, где он так удачно служил мне во время конклава? Хотелось бы взглянуть на него. Это единственный человек, который оказал мне услугу и не явился потом требовать благодарности или теплого местечка!

– Не знаю, святой отец, не знаю. Он вернулся на свою родину, в Италию. Я тоже давно ничего о нем не слышал.

Бувилль смешался, и папа сразу почувствовал это.

– Если память мне не изменяет, у него была неприятная история с женитьбой, или, вернее, псевдоженитьбой, на девушке из благородной семьи, которую он сделал матерью. А ее братья его преследовали. Так, кажется?

Да, святой отец помнил все слишком хорошо! Какая отменная память!

– Я, право, поражен, – продолжал папа, – что этот человек, которому мы с вами покровительствовали, занимающийся денежными операциями, не воспользовался столь благоприятными обстоятельствами, чтобы упрочить свое благосостояние. А появился ли на свет тот ребенок, которого он ждал? Жив ли он?

– Да, да, он родился, – поспешно ответил Бувилль. – Он живет где-то в деревне со своей матерью.

Он совсем запутался и от смущения лопотал что-то невразумительное.

– Мне говорили... кто же мне говорил... – продолжал папа, – что эта самая женщина была кормилицей младенца-короля, родившегося у мадам Клеменции Венгерской уже после смерти короля Людовика, во время регентства графа Пуатье. Так ли это?

– Да, да, святой отец, полагаю, что это была она.

По сетке мелких морщинок, покрывавших лицо папы, пробежала легкая дрожь.

– То есть как это вы полагаете? Разве не вы были хранителем чрева мадам Клеменции? И разве не вы были при ней, когда случилось несчастье и она потеряла сына? Вы должны были хорошо знать кормилицу.

Бувилль побагровел. Ему следовало быть начеку и, когда папа произнес имя Гуччо Бальони, сразу сообразить, что тот вспомнил о сиенце не без задней мысли; к тому же папа искуснее шел к цели, нежели Бувилль, начавший беседу с Вальядолидского собора и испанских мавров, чтобы перейти затем к крестовому походу! Очевидно, пана знает, что случилось с Гуччо, ибо сиенские Толомеи были в числе его банкиров.

Не спуская маленьких серых глаз с Бувилля, папа продолжал расспросы.

– Мадам Маго Артуа судили, и вы выступали на процессе, выступали в качестве свидетеля? Сколько правды было во всем этом деле?

– О святой отец, ровно столько, сколько вскрыло правосудие. Недоброжелательность, злобные сплетни, которые мадам Маго пожелала разоблачить и опровергнуть.

Трапеза подходила к концу, и стольники разносили кувшины и тазы с водой, чтобы гости могли вымыть себе пальцы. Два благородных рыцаря приблизились и отодвинули от стола кресло папы.

– Мессир граф, – сказал папа, – я был очень счастлив вновь вас увидеть. Я стар и не знаю, представится ли мне еще раз такой радостный случай...

Встав из-за стола, Бувилль облегченно вздохнул. Приближалось время прощания, которое положит конец этому допросу.

– ... поэтому перед вашим отъездом, – продолжал папа, – я хочу оказать вам величайшее благодеяние, какое я только могу оказать христианину. Я лично выслушаю вашу исповедь. Проводите меня в мою опочивальню.

Глава II

Грехи Бувилля замолит папа

– Грех плоти? Несомненно, поскольку вы мужчина... Грех чревоугодия? Достаточно взглянуть на вас – чересчур вы толсты... Грех гордыни? Конечно, ведь вы знатный сензор... Однако само ваше положение обязывает вас быть особенно благочестивым, поэтому вы должны, идя к святому причастию, всякий раз предварительно покаяться во всех своих грехах и получить отпущение.

Странная это была исповедь; глава римской церкви сам задавал вопросы и сам же на них отвечал. Его глухой голос подчас заглушали пронзительные крики птиц: папа держал в своей опочивальне какаду на цепочке и порхавших в большой клетке попугайчиков, канареек и маленьких алых птичек, обитательниц дальних островов, которых зовут кардиналами.

Пол комнаты был выложен разноцветными плитками и покрыт испанскими коврами. Стены и кресла – обтянуты зеленой материей; полог кровати и занавеси на окнах – из зеленого льняного полотна. И на этом фоне, напоминавшем листву деревьев, зелень лесов, словно диковинные цветы мелькали яркие птицы^[23]. В углу была умывальная с мраморной ванной. К спальне примыкала гардеробная, просторные стенные шкафы ее были заполнены белыми плащами, мантиями с капюшонами цвета граната и прочим церковным облачением; дальше помещался рабочий кабинет.

Войдя в опочивальню, толстяк Бувилль хотел было преклонить колена; но папа пригласил его сесть рядом с собой на зеленое кресло. Пожалуй, впервые к кающемуся отнеслись столь предупредительно. Это ошеломило, но в то же время и приободрило бывшего камергера короля Филиппа Красивого, который и впрямь опасался, что ему, важному сановнику, придется рассказывать на исповеди – и кому? папе! – обо всех житейских мелочах, о ничтожных дрязгах, дурных помыслах, скверных поступках, обо всем том, что скопилось, осело в глубине его души за долгие дни и годы. Но папа, казалось, считал все эти грехи пустяками или по крайней мере полагал, что отпускать их могут священнослужители помельче. Выходя из-за стола, Бувилль не заметил, что кардиналы Гослен Дюзз, дю Пуже и «белый кардинал» Жак Фурнье обменялись между собой многозначительными взглядами. Они-то хорошо знали этот лукавый ход папы Иоанна: он сразу же после пышной трапезы приглашал к себе в опочивальню кого-нибудь из важных собеседников, чтобы с глазу на глаз поговорить с ним. Благодаря таким исповедам он был в курсе многих государственных тайн. Кто мог устоять перед столь неожиданным предложением, одновременно лестным и пугающим? Удивление, религиозный трепет, не говоря уже о процессе пищеварения, делали более податливой душу кающегося.

– Главное, – продолжал поучать папа, – чтобы человек добросовестно выполнял свой особый долг, который возложил на него господь бог в нашем мире, и всякие прегрешения против долга караются наисуровейшим образом. Вы, сын мой, были камергером у короля Филиппа и выполняли весьма ответственные поручения при трех последующих государях. Всегда ли вы были безупречны в выполнении вашего долга и возложенных на вас обязанностей?

– Думаю, отец, простите, я хотел сказать, святейший отец, что исполнял свои обязанности с усердием и изо всех сил старался преданно служить моим сюзеренам...

Вдруг он запнулся, поняв, что здесь неуместно заниматься самовосхвалением. Минуту спустя он вновь заговорил, но уже совсем иным тоном:

– Должен признаться, что не совсем удачно справлялся с некоторыми поручениями, которые мог бы довести до успешного конца... Дело в том, святейший отец, что я не всегда был достаточно проницательным и порой слишком поздно замечал совершенные мною ошибки.

– Недостаточная сообразительность – это еще не грех; такое может случиться с каждым из нас, и к тому же это прямая противоположность злему умыслу. А не совершали ли вы, исполняя свои обязанности или в силу самих ваших обязанностей, серьезных прегрешений, таких, как, скажем, лжесвидетельство... человекоубийство...

Бувилль отрицательно покачал головой справа палево.

Но маленькие серые глазки без бровей и ресниц, блестящие на морщинистом лице, по-прежнему неотступно были устремлены на него.

– Вы уверены в этом? Сейчас, дражайший сын, вам представляется случай полностью очистить душу! Значит, никогда вы не лжесвидетельствовали? – спросил папа.

Бувиллю снова стало не по себе. Что означала эта настойчивость? Какаду хрипло крикнул с насеста, и Бувилль вздрогнул.

– По правде говоря, святейший отец, есть нечто, что тяготит мне душу, но я не знаю, грех ли это и если грех, то как его определить. Я никого не убил сам, клянусь вам, но я не сумел помешать убийству. И вследствие этого мне пришлось лжесвидетельствовать, но я не мог поступить иначе.

– Так расскажите мне об этом, Бувилль, – проговорил пана.

На сей раз вовремя спохватился он:

– Доверьте мне тайну, которая так тяготит вас, дражайший сын!

– Безусловно, она тяготит меня, – промолвил Бувилль, – особенно после смерти моей бесценной супруги Маргариты, с которой я делил этот секрет. И я часто твержу себе, что если я умру, так никому и не доверив этой тайны...

Внезапно на глаза у него навернулись слезы.

– И как мне раньше не пришла в голову мысль, святейший отец, открыться вам?.. Не зря я вам говорил, что я тугодум... Случилось это вскоре после смерти короля Людовика X, старшего сына моего повелителя Филиппа Красивого...

Бувилль взглянул на папу и почувствовал, что ему сразу полегчало. Наконец-то он сбросит с души тяжелейшее бремя, которое мучило его целых восемь лет. Поведает об этой, несомненно, самой страшной минуте своей жизни, оставившей после себя ежечасные угрызения совести. И, конечно же, надо было поведать обо всем этом именно пане!

Теперь Бувилль говорил без запинок. Он рассказывал о том, как, будучи назначен хранителем чрева королевы Клеменции после кончины ее супруга Людовика Сварливого, он, Бувилль, боялся, как бы графиня Маго Артуа не совершила преступление и против королевы и против младенца, которого тогда носила Клеменция. Как раз в это время Филипп Пуатье, брат покойного короля, провозгласил себя регентом вопреки воле графа Валуа и герцога Бургундского.

При этих словах Иоанн XXII поднял на мгновение глаза к крашеным балкам потолка, и по его узкому личику пробежало мечтательное выражение. Ведь это он сообщил Филиппу Пуатье о смерти его брата, а сам узнал о ней от юного ломбардца по имени Бальони. Да! Граф Пуатье умело повел дела и с конклавом и с регентством! Все решилось в то июньское утро 1316 года, в Лионе, в доме судьи Варэ...

Итак, Бувилль опасался преступления со стороны графини Артуа, нового преступления, ибо уже и раньше ходили слухи, что это она отправила на тот свет Людовика Сварливого с помощью ядовитых трав. Впрочем, у Маго были все основания ненавидеть Людовика, так как незадолго до кончины он отобрал у нее графство. Да и после смерти короля у нее было не меньше причин желать победы графу Пуатье, которому она доводилась тещей. Ведь

если бы граф Пуатье вошел на престол, он наверняка сохранил бы за тещей ее владения. Единственным препятствием к этому был ребенок, которого носила под сердцем королева, который благополучно родился и оказался мальчиком.

– Несчастливая королева Клеменция... – пробормотал папа.

Маго Артуа удалось добиться того, что ее сделали крестной матерью. И именно она должна была показать нового младенца короля баронам во время церемонии представления. Бувилль, так же как и его супруга, был уверен, что, если грозная Маго намеревается совершить злодеяние, то она, не колеблясь, совершит его именно во время церемонии, ибо для нее это была единственная возможность взять ребенка на руки. Поэтому Бувилль с супругой решили спрятать на некоторое время королевского ребенка и вручить Маго вместо него сына кормилицы, которому было всего на несколько дней больше. Под кружевными пеленками никто не смог заметить подмены, да, впрочем, никто еще и не видел ребенка королевы Клеменции, в том числе и она сама, так как она лежала в родильной горячке и была при смерти.

– И действительно, – продолжал Бувилль, – графиня Маго мазнула ядом губы или носик ребенка, которого я ей передал, и он умер в корчах на глазах у всех баронов. Таким образом, я обрек на смерть крохотное невинное создание. И преступление было совершено так ловко и быстро, я был в таком смятении, что не сообразил тотчас же крикнуть: «Это не настоящий!» А потом было слишком поздно. Как объяснить...

Папа, слегка наклонившись и сложив руки на складках мантии, слушал рассказ Бувилля, не пропуская ни слова.

– Ну а другой ребенок, маленький король, что случилось с ним, Бувилль? Что вы с ним сделали?

– Он жив, святейший отец, жив. Мы с моей покойной супругой поручили его заботам той самой кормилицы. О! Это было не так-то легко. Ведь вы можете себе представить, какой лютой ненавистью возненавидела нас эта несчастная женщина; она вся извелась от горя. Мольбами и угрозами мы заставили ее поклясться на Евангелии, что она будет растить маленького короля, как своего собственного сына, и никогда, никому, даже на исповеди, ничего не скажет.

– Ох, ох... – прошептал папа.

– Так вот, маленький король Иоанн, одним словом, настоящий король Франции, воспитывается сейчас в замке, находящемся в Иль де Франсе, не подозревая, кто он; впрочем, этого никто не знает, за исключением той женщины, которая выдает себя за его мать... и меня.

– А эта женщина...

– ... ее зовут Мари де Крессэ, она жена юного ломбардца Гуччо Бальони.

Теперь папа понял все.

– А Бальони – он тоже ничего не знает?

– Ничего, я уверен в этом, святейший отец. Ибо для того, чтобы сдержать свою клятву, Мари де Крессэ, по нашему приказанию, дала зарок никогда не видеться с ним. К тому же все произошло очень быстро, и молодой ломбардец тотчас же уехал в Италию. Он думает, что его сын жив. Иногда он справляется о нем через своего дядю, банкира Толомеи...

– Но почему же, Бувилль, почему, имея доказательства преступления и доказательства, которые так легко было предъявить, вы не разоблачили графиню Маго?.. И подумать только, – добавил папа, – что в это самое время она прислала ко мне своего канцлера с просьбой поддержать ее против ее племянника Робера...

Папе внезапно пришла в голову мысль, что Робер Артуа, этот гигант, этот сорвиголова, этот смутьян, а возможно, тоже убийца – ибо, по слухам, он был замешан в убийстве Маргариты Бургундской в Шато-Гайяре, – этот знатный барон Франции и отъявленный злодей, был, пожалуй, если разобраться, все же лучше, чем его жестокосердая тетушка, и что в борьбе с ней он, возможно, был не так уж неправ. Вся эта высшая знать воистину похожа

на стаю лютых волков! И так во всех державах. Уж не для того ли, чтобы управлять этим стадом, умиротворять и направлять его, бог вселил в него, хилого уроженца Кагора, неодолимое стремление к папской тиаре, которой он был ныне увенчан и которая порой оказывалась несколько для него тяжелой?..

– Я молчал, святейший отец, – вновь заговорил Бувилль, – следуя главным образом совету моей усопшей супруги. Так как я упустил подходящий момент для того, чтобы вывести на чистую воду убийцу, моя покойная жена справедливо говорила, что, если правда откроется, Маго ополчится и на маленького короля и на нас самих. Поэтому, если мы хотели спасти короля и одновременно самих себя, мы должны поддерживать графиню в убеждении, что преступление удалось. И я отправил в аббатство Сен-Дени младенца той кормилицы, и его похоронили среди королей.

Папа размышлял.

– Значит, суд над Маго, который устроили в следующем году, и обвинения против нее были обоснованны? – спросил он.

– Разумеется, святейший отец, разумеется! Его светлости Роберу удалось схватить с помощью своего кузена мессира Жана де Фиенна одну отравительницу и некромантку, по имени Изабелла де Ферьенн, снабдившую придворную даму графини Маго ядом, которым графиня сначала убила короля Людовика, а затем младенца, представляя его баронам. Эту Изабеллу де Ферьенн вместе с ее сыном Жаном доставили в Париж, чтобы подкрепить обвинения против Маго. Представляете, как это было на руку его светлости Роберу! У матери и сына Ферьеннов взяли показания, из коих со всей очевидностью явствовало, что они поставляли яд графине; еще раньше они добыли для нее приворотное зелье, благодаря которому, как хвалилась сама Маго, ей удалось примирить свою дочку Жанну с зятем – графом Пуатье...

– Магия, колдовство! Вам ничего не стоило отправить на костер графиню, – прошептал папа.

– В то время было уже поздно, святейший отец, было уже поздно. Ибо граф Пуатье стал королем и так рьяно защищал мадам Маго, что в глубине души я пришел к убеждению, что он был заодно с ней, по крайней мере в том, что касается второго преступления.

Крохотное личико папы сморщилось еще больше под меховой шапочкой. Ему было тяжело слышать последние слова, так как он от души любил короля Филиппа V, которому был обязан своей тиарой и с которым всегда приходил к соглашению по всем вопросам государственного управления.

– Обоих их покарал бог, – продолжал Бувилль. – В тот же год оба потеряли своих единственных наследников мужского пола. У графини умер семнадцатилетний единственный сын. Молодой король Филипп тоже лишился сына, который прожил всего несколько месяцев, и у него уж не было больше сыновей... А выдвинутое против графини обвинение она сумела опровергнуть. Сослалась на незаконность парламентской процедуры, заявила, что обвинители недостойны ее судить; ссылалась на то, что, будучи пэром Франции, подсудна лишь Палате баронов. Однако для того, твердила она, чтобы доказать свою невиновность, она умоляет своего зятя... – надо сказать, что она великолепно разыграла сцену лицемерия, да еще при публике!.. – умоляет зятя продолжать следствие и дать ей возможность посрамить своих врагов. Некромантку Ферьенн и ее сына заслушали снова, но после второго допроса они предстали перед судом в довольно-таки жалком виде, все в крови, так что даже одежда прилипла у них к телу. Они полностью отреклись от своих прежних показаний, объявили выдвинутые ими ранее обвинения ложными и утверждали, что пошли на это, поддавшись на ласки, посулы, уговоры и насилие лица, имя которого, как было записано в протоколе суда, пока что следовало держать в тайне; все это было равнозначно прямому указанию на его светлость Робера Артуа. Затем король Филипп Длинный сам взялся

за отправление правосудия и вызвал всех членов своей семьи и их ближайших родственников и всех родственников своего покойного брата: графа Валуа, графа д'Эвре, герцога Бурбонского, его светлость Гоше – коннетабля, мессира Бомона – дворецкого и даже королеву Клеменцию, потребовав от них, чтобы они под присягой показали, было ли им известно или считают ли они, что король Людовик и его сын Иоанн умерли не естественной, а насильственной смертью. По так как никто не мог привести никаких доказательств и так как заседание происходило в присутствии всего семейства, причем графиня Маго восседала рядом с королем, все заявили – хотя многие и наперекор собственным убеждениям, – что обе кончины произошли по естественным причинам.

– Но ведь вы-то... ведь вам-то тоже пришлось предстать перед королем?

Толстяк Бувилль потупился.

– Святейший отец, я совершил лжесвидетельство, – проговорил он, – но я-то что мог сделать, когда весь двор, пэры, дяди короля, самые близкие ему люди и даже сама королева под присягой подтверждали невиновность мадам Маго? Меня самого обвинили бы во лжи и вымысле и отправили бы на монфоконскую виселицу.

Он сидел с таким несчастным, с таким убитым и грустным видом, что казалось, будто его крупное, мясистое лицо вдруг стало лицом того мальчугана, каким Бувилль был полвека назад. Папа почувствовал к нему жалость.

– Успокойтесь, Бувилль, – проговорил он, склонясь к нему и кладя ему руку на плечо. – И не упрекайте себя за то, что поступили плохо. Бог возложил на вас слишком тяжелую для вас задачу. Беру вашу тайну на себя. Будущее покажет, правильно ли вы поступили! Вы хотели спасти жизнь, которую вам доверили в силу вашего положения, и вы ее спасли. А сколько бы других жизней вы поставили под угрозу, выдай вы эту тайну!

– О! Святейший отец, теперь я спокоен! – сказал бывший камергер. – Но что станет с малолетним королем, которого мы спрятали? Что с ним делать?

– Ждите, и пусть все идет по-прежнему. Я подумаю и дам вам знать. Идите с миром, Бувилль... Что же касается его высочества Валуа, то пусть берет свои сто тысяч ливров, но ни флорина больше. Скажите, чтобы он оставил меня в покое со своим крестовым походом и договорился с Англией.

Бувилль опустил на одно колено, порывисто поднес руку папы к губам, потом поднялся и, пятась, пошел к двери, так как решил, что аудиенция окончена.

Но папа жестом вновь позвал его.

– А отпущение грехов? Разве вы не хотите его получить?

Оставшись один, папа Иоанн мелкими скользящими шажками стал расхаживать по своему кабинету. В щели под дверьми врывался ветер с Роны и жалобно завывал в красивых покоях нового замка. В клетке щебетали попугайчики. Головни в жаровне, стоявшей в углу, подернулись золой. Пожалуй, впервые со времени своего избрания Иоанн XXII сталкивался со столь сложной проблемой. Подлинным королем Франции оказался неизвестный ребенок, спрятанный от людей в затерянном замке. Только два человека, вернее отныне уже три, посвящены в эту тайну. Страх мешал двум первым заговорить. А что должен делать он сам, зная эту тайну, теперь, когда два сменившихся на французском троне короля, два короля, должным образом коронованные и помазанные на царство, оказались на самом деле узурпаторами? Да! Серьезное дело, почти такое же, как отлучение от церкви германского императора. На чью сторону стать? Открыть всю эту историю? Но это значило бы ввергнуть Францию, а вслед за ней и часть Европы, в самый ужасный династический беспорядок и, кроме того, посеять семена войны!

И еще одно чувство побуждало его хранить молчание – чувство, связанное с памятью короля Филиппа Длинного. Иоанн XXII искренне, любил этого юношу и помогал ему всем, чем мог. Более того, это был единственный монарх, которым он когда-либо восхищался

и к которому питал чувство признательности. Очернить память покойного значило одновременно набросить тень на самого себя, без Филиппа Длинного никогда бы ему не стать папой. И этот столь дорогой ему Филипп оказался преступником, во всяком случае сообщником преступницы. Но пристало ли ему, папе Иоанну, ему, Жаку Дюэзу, бросать в Филиппа камень, когда он сам путем всевозможных махинаций и плутней получил пурпурную мантию и тиару? И если бы для того, чтобы добиться избрания, ему пришлось совершить убийство...

«О всевышний господь, благодарю тебя за то, что ты избавил меня от искушения сего... Но так ли уж правильно было возложить на меня заботу о созданиях твоих?.. А если кормилица проговорится, что тогда будет? Разве можно доверять женскому языку! Как был бы я счастлив, боже, если бы ты просветил меня! Я отпустил грехи Бувиллю, но мне теперь замаливать их».

Он преклонил колена на зеленую подушечку, лежавшую на скамейке для молитвы, и долго оставался в таком положении, упершись лбом в сложенные ладони.

Глава III Дорога в Париж

Как звонко цокали подковы лошадей по французским дорогам! Какой радостной музыкой отдавался скрип гравия! А как легко дышалось этим солнечным утром! Казалось, будто даже воздух, напоенный чудесным ароматом, имел какой-то удивительно приятный вкус! Почки начали распускаться, и маленькие зеленые листочки, нежные и еще морщинистые, как бы лаская, касались лиц путешественников. Ярко-зеленая трава, покрывавшая дорожные откосы и луга Иль-де-Франса, была, конечно, не столь пышной и густой, как в Англии, но на королеву Изабеллу от этой зелени повеяло свободой и надеждой!

Грива белого иноходца колыбалась в такт рыси. На расстоянии нескольких туазов от скакуна следовали носилки, запряженные парой мулов. Но королева была слишком счастлива, слишком сильно сжигало ее нетерпение, чтобы сидеть в этой мерно покачивающейся клетке. Она предпочла сесть на своего иноходца, которого то и дело подгоняла хлыстом; с какой бы радостью она перепрыгнула через живую изгородь и пустила коня галопом по зеленым пастбищам!

По дороге их кортеж останавливался в Булони, где пятнадцать лет назад она венчалась в церкви пресвятой Богородицы, затем в Монтрее, Аллевиле и Бове. Предыдущую ночь она провела в королевском замке в Мобюиссоне, близ Поптуаза, где в последний раз видела своего покойного отца Филиппа Красивого. Путешествие ее походило на паломничество в прошлое. Ей казалось, что она шаг за шагом проделывала обратный путь к дням своей юности, чтобы, зачеркнув пятнадцать потерянных лет, вступить на новую дорогу.

– Ваш брат Карл так тосковал по ней и так колебался в выборе новой супруги, что, несомненно, простил бы ее, – сказал Робер Артуа, ехавший рядом с королевой, – и она бы теперь была нашей королевой.

О ком это говорил Робер? Ах да, о Бланке Бургундской. На эти воспоминания навел его Мобюиссон, куда только что прибыла для встречи путешественницы кавалькада в составе Анри де Сюлли, Жана де Руа, графа Кентского, лорда Мортимера, самого Робера Артуа и целой толпы сеньоров. Как радостно было Изабелле вновь почувствовать, что с ней обращаются как с королевой!

– По-моему, Карл и впрямь втайне наслаждался своим положением рогоносца, – продолжал Робер. – К несчастью, или, вернее, к счастью, милейшая Бланка за год до того, как Карл венчался на царство, забеременела в темнице от тюремного смотрителя! Вы ведь

знаете, что в лоне дочек Маго горел такой огонь, что от него в пяти шагах могла воспламениться пакля.

Гигант скакал с левой, солнечной стороны, и тень от его исполинской фигуры, восседавшей на огромном першероне в яблоках, накрыла королеву. А королева, подгоняя своего иноходца, старалась вырваться на солнце. Робер говорил, говорил без умолку; окрыленный радостной встречей, он бесцеремонно распустил язык и вел разговор в обычной для него развязной манере; в то же время он с первых же шагов постарался восстановить узы родства и старой дружбы. Изабелла не видела его одиннадцать лет; она нашла, что он изменился меньше, чем можно было ожидать. Голос оставался все тем же, да и от разгоряченного ездой кузена исходил знакомый запах любителя дичины, который подхватывали и доносили до нее порывы ветра. Руки у него поросли до самых ногтей рыжей шерстью; во взгляде сверкала злоба, даже когда он старался смотреть на собеседника любезно, а толстое брюхо нависало над поясом, будто Робер проглотил колокол. Но в голосе и жестах ощущалась непритворная самоуверенность, столь свойственная его натуре; складки, идущие по обе стороны рта, глубоко врезались в жирные щеки.

– И моей тетушке Маго – этой отъявленной шлюхе – пришлось примириться с тем, что брак расторгли. О! Конечно, дело не обошлось без борьбы и без ложных показаний перед епископами. Но в конце концов она была посрамлена. На сей раз кузен Карл заупрямился. Из-за того случая с тюремным смотрителем и беременностью. А когда такой слабый человек вдруг заупрямится, его не разубедишь! На процессе при расторжении брака было задано не менее тысячи вопросов. Из архивов вытащили бумагу, пожалованную Климентом V, по которой Карлу разрешалось, в обход общим правилам, жениться на какой-нибудь своей родственнице без указания имени. Но кто в наших семьях женится иначе, как на своих кузинах или племянницах? Тогда монсеньор Жан де Мариньи очень ловко сумел сыграть на духовном родстве. Была ли Маго крестной матерью Карла?^[24] Она, конечно, утверждала, что нет, она, мол, только присутствовала на крестинах в роли второй кумы. Но в суд были вызваны все бароны, камергеры, слуги, священники, певчие, горожане Крейя, где состоялись крестины, и все в один голос подтвердили, что она действительно держала ребенка, а потом передала его Карлу Валуа и что тут не может быть никакого сомнения, ибо она была самой высокопоставленной и знатной из всех находившихся в часовне дам. Ну как вам нравится эта бесстыжая лгунья!

Изабелла старалась вслушиваться в слова Робера, но на самом деле она вся отдавалась собственным мыслям, вспоминала о том необычайном прикосновении, которое только что так потрясло ее. Сколь чудесным, оказывается, может быть нечаянное прикосновение к мужским кудрям!

И королева подняла глаза на Роджера Мортимера, который непринужденно и уверенно скакал с правой от нее стороны, как будто он был ее покровителем и стражем. Она залюбовалась его густыми локонами, выбившимися из-под черной шляпы. Разве можно было даже предположить, что эти волосы столь шелковисты на ощупь!

Произошло это случайно, в первую же минуту встречи. Изабелла была приятно удивлена, увидев приближающегося к ней Мортимера рядом с графом Кентским. Итак, мятежник, беглец и нищий – ибо Эдуард, разумеется, лишил Мортимера всех его титулов и всего его имущества, – здесь, во Франции, едет бок о бок с братом английского короля и, кажется, даже имеет некоторое преимущество по сравнению с ним. Такое же удивление мелькнуло во взглядах, которыми обменялась свита королевы.

А Мортимер, соскочив на землю, устремился к своей повелительнице, чтобы поцеловать край ее платья; но иноходец королевы дернулся, и губы Роджера коснулись колена Изабеллы. Она машинально положила руку на непокрытую голову своего вновь обретенного

друга. И теперь, скача по исчерченной тенью ветвей дороге, она все еще продолжала ощущать даже под бархатом перчатки это прикосновение к шелковистым волосам.

– Другим, более серьезным мотивом для расторжения брака послужил тот факт, что вступающие в брак в момент его заключения не достигли требуемого законом возраста и даже физически не были готовы к супружеским отношениям; обнаружилось, что ваш брат Карл, когда его женили, не мог ни здраво выбрать себе жену сообразно своему рангу, ни даже выразить свою волю – по той причине, что он был на то неспособен, простоват и глуп. *Inhabilis, simplex et imbecillus!* В связи с этим брак был недействительным с первого дня. И все, начиная с вашего дяди Валуа и кончая последней камеристкой, в один голос твердили, что дело обстояло именно так и что даже сама покойная королева-мать считала его дурачком и прозвала гусенком! Простите, кузина, что я так говорю о вашем брате, но ведь, в конце концов, таков наш король. Он, правда, любезен и красив собой, но, как говорится, звезд с неба не хватает. Вы понимаете теперь, что за него поневоле правят другие, и вам не следует ждать от него многого.

Слева от Изабеллы без усталости разглагольствовал Робер Артуа, распространявший вокруг себя запах хищника. Справа Изабелла чувствовала прикованный к ней настойчивый, смущавший ее взгляд Роджера Мортимера. Время от времени она устремляла свой взгляд к этим серо-стальным глазам, к этому правильному лицу с глубоким угибом на подбородке, к стройному могучему торсу, красиво покачивавшемуся в седле. Она была удивлена тем, что забыла о белом шраме, пересекавшем его нижнюю губу.

– Вы по-прежнему столь же целомудренны, как и раньше, моя прекрасная кузина? – внезапно спросил Робер Артуа.

Королева Изабелла покраснела и украдкой взглянула на Роджера Мортимера, как будто уже сам этот вопрос делал ее виновной, и по непонятным причинам виновной именно перед ним.

– Меня к этому принуждали обстоятельства, – ответила она.

– А помните, кузина, нашу встречу в Лондоне?

Она покраснела еще сильнее. О чем он хотел напомнить ей и что подумает Мортимер? Мимолетная слабость в минуту прощания... даже без поцелуя; просто припавшая на грудь мужчины женщина, ищущая заступника... Значит, Робер помнит об этом и теперь, спустя одиннадцать лет? Это польстило ей, но ничуть не взволновало. Неужели он счел порывом страсти ее минутное смятение? Может быть, и впрямь в тот день, но только в тот день, желание могло взять верх, и только при том условии, что она не была бы королевой, а он не торопился бы уезжать, чтобы открыть шашни Бургундских принцесс...

– Словом, если вам придет блажь изменить привычке... – игриво продолжал Робер. – Думая о вас, я всегда испытывал такое чувство, будто остался перед вами в неоплатном долгу.

Внезапно он умолк, встретив взгляд Мортимера, взгляд человека, готового выхватить шпагу, если он услышит еще хоть слово. Королева заметила этот безмолвный поединок взглядов, но не поддала виду и, внешне сохраняя спокойствие, погладила белую гриву иноходца. Дорогой Мортимер! Сколько в нем благородства и рыцарства! Как легко, сладко вдыхать воздух Франции и как прекрасна эта дорога, вся пятнистая от тени и солнца!

Робер Артуа насмешливо улыбнулся, но улыбка тут же исчезла в жирных складках его щек. Значит, о том, что он назвал своим долгом, и долгом, по его мнению, весьма деликатным, больше нечего и думать. Лорд Мортимер любит королеву Изабеллу, королева Изабелла любит лорда Мортимера – это яснее ясного.

Как правило, посторонние замечают любовь раньше, чем сами влюбленные отдают себе в ней отчет.

«Ну что ж! – подумал он. – Пусть милая кузина позабавится с этим рыцарем!»

Глава IV Король Карл

Для того чтобы пересечь город от заставы до дворца Ситэ, требовалось около четверти часа. Слезы выступили у Изабеллы, когда она соскочила с седла во дворе того жилища, которое на ее глазах возвел отец и на которое уже легла паутина времени. Когда она покидала этот дворец, чтобы стать королевой, на камне водосточных желобов еще не было этих черных потеков.

Наверху большой лестницы растворились двери, и у Изабеллы невольно промелькнула мысль о том, что сейчас она увидит властное, холодное, царственное лицо Филиппа Красивого. Сколько раз она смотрела отсюда на отца, стоявшего на верхней ступеньке и собиравшегося отправиться в город!

Молодой человек в коротком камзоле и ладно облегавших ноги штанах, появившийся наверху в сопровождении своих камергеров, ростом и чертами лица, пожалуй, был похож на покойного монарха, но каждое движение отца дышало силой и величием в отличие от его младшего отпрыска. То была всего лишь бледная копия, гипсовая маска, какую снимают с усопших. И тем не менее за этим человеком, лишенным живой души, незримо стояла тень Железного Короля, ибо в нем воплощалось все Французское королевство и к тому же он был ныне главой семьи. Изабелла три или четыре раза пыталась преклонить колено, но брат всякий раз удерживал ее со словами:

– Добро пожаловать, милая сестра, добро пожаловать.

Подняв Изабеллу чуть ли не силой и держа за руку, он провел ее по галерее в довольно просторный кабинет, свое любимое местопребывание, принялся расспрашивать о путешествии, о том, хороший ли прием оказал ей в Булони комендант порта.

Поинтересовался он также, сумеют ли камергеры проследить за разгрузкой багажа; не дай бог, слуги еще уронят сундуки.

– И платья помнутся, – пояснил он. – Во время моей последней поездки в Лангедок сколько мне попортили одежды!

Может быть, лишь для того, чтобы скрыть волнение или неловкость, он в такую минуту занимается подобными пустяками?

Когда они уселись в кабинете, Карл Красивый спросил:

– Итак, как идут ваши дела, дорогая сестра?

– Неважно, брат мой, – ответила она.

– Какова цель вашего приезда?

На лице Изабеллы появилось грустно-удивленное выражение. Как, значит, ее брат не в курсе дела? Робер Артуа, который вошел во дворец вместе с начальниками эскорта и оглушительно звенел шпорами, громко топая по плитам пола, будто был у себя дома, бросил на Изабеллу взгляд, означавший: «Ну, что я вам говорил?»

– Брат мой, я приехала, дабы обсудить с вами договор, который надлежит заключить двум нашим королевствам, если они намереваются не причинять более вреда друг другу.

Карл Красивый на мгновение задумался, как бы размышляя над важным вопросом; на самом же деле он ни о чем не думал. Как и во время аудиенций, которые он давал Мортимеру, он ставил вопросы, но ответов не слушал.

– Договор... – проговорил он наконец. – Да, я готов принять присягу в верности от вашего супруга Эдуарда. Вы обсудите этот вопрос с нашим дядей Валуа, которого я уполномочил на переговоры. Хорошо ли вы перенесли морское плавание? А знаете, я никогда не путешествовал по морю. По-моему, оно должно производить огромное впечатление.

Пришлось переждать, пока король изречет еще несколько столь же банальных истин, прежде чем представить ему епископа Норича, который должен был вести переговоры, и лорда Кромвеля, командовавшего английским эскортом. Карл любезно приветствовал каждого, но чувствовалось, что не запомнил ни того, ни другого.

Нельзя сказать, чтобы Карл IV был глупее, чем тысячи других его сверстников, ведь были же в его королевстве пахари, боронившие поля поперек, ткачи, ломавшие челноки ткацких станков, или торговцы смолой и сажей, грубо ошибавшиеся при расчетах; все горе заключалось в том, что он был королем, не имея для этого никаких данных.

– Я приехала, брат мой, еще и для того, чтобы заручиться вашей помощью, – продолжала Изабелла, – и отдать себя под вашу защиту, ибо меня лишили всех моих владений, а недавно отобрали графство Корнуолл, которое было закреплено за мной в силу брачного договора.

– Изложите ваши претензии нашему дяде Карлу; он хороший советчик, и я заранее одобряю, сестра моя, все, что он решит ради вашего блага. А сейчас я проведу вас в ваши покои.

Карл IV покинул собравшихся, чтобы показать сестре отведенные ей по его распоряжению апартаменты: анфиладу из пяти комнат с особой лестницей.

– Лестница может понадобиться вашей прислуге, – счел нужным он пояснить.

Карл обратил внимание сестры также на то, что мебель обновили и что он лично приказал снести сюда кое-какие вещи, оставшиеся от родителей, и в частности ковчежец, который их мать, Жанна Наваррская, обычно держала около своей кровати и где хранился заключенный в крохотном ящичке в виде собора из позолоченного серебра зуб Людовика Святого... Узорчатые ковры, покрывавшие стены, тоже были новые; и Карл расхвалил их искусную выделку. Вообще он вел себя как рачительная хозяйка, пощупал ткань стеганого одеяла и посоветовал Изабелле не стесняясь требовать углей, сколько понадобится, для того чтобы хорошенько согреть постель. Вряд ли можно было проявить большее внимание и большую любезность.

– О размещении вашей свиты позаботится месьсир Мортимер вместе с моими камергерами. Я хочу, чтобы каждого устроили как можно лучше.

Он произнес имя Мортимера без всякого умысла, просто потому, что, когда речь заходила об английских делах, это имя само всплывало в его памяти. Поэтому ему казалось вполне естественным, что лорд Мортимер возьмет на себя заботу о свите английской королевы. Он совсем забыл о том, что король Эдуард требовал от него голову Мортимера.

Карл расхаживал по апартаментам, то поправляя складки на пологе, то осматривал запоры на ставнях. Внезапно он остановился, заложив руки за спину и слегка склонив голову, и сказал:

– Нам с вами не слишком повезло в браке, сестра моя. Я надеялся, что господь бог ниспошлет мне больше счастья с моей дорогой Марией Люксембургской, чем выпало на мою долю с Бланкой...

Он бросил быстрый взгляд на Изабеллу, и она поняла: брат все еще не забыл, что по ее вине беспутное поведение его первой супруги получило такую громкую огласку.

– ... но смерть похитила у меня Марию вместе с наследником, которого она носила. А теперь меня женили на нашей кузине д'Эвре; вы ее скоро увидите: славная женщина и, по-моему, сильно любит меня. Но мы повенчались в июле прошлого года, сейчас уже март, а не похоже, чтобы она была беременна. Мне нужно побеседовать с вами о весьма деликатных вещах, о которых можно говорить только с родной сестрой... У вас плохой супруг, который недолюбливает женский пол, и все-таки вы родили от него четверых детей. А я, имея трех жен... Но, поверьте, я исполняю свой супружеский долг достаточно аккуратно

и получаю удовольствие. Так в чем же дело, сестра моя? Скажите, верите ли вы или нет в то проклятие, которое, как говорят в народе, тяготеет над нашим родом и нашим домом?

Изабелла грустно смотрела на брата. Сейчас, когда он заговорил о своих сомнениях, которые, должно быть, неотступно терзали его, она невольно растрогалась и пожалела его. Но о своих горестях и бесплодии жены он говорил так же, как говорил бы об этом самый последний его вассал. Чего хочет этот несчастный король? Наследника трона или просто ребенка, чтобы скрасить семейный очаг?

И что было королевского в этой Жанне д'Эвре, которая вскоре пришла приветствовать Изабеллу? Мелкие и незначительные черты лица, покорное выражение; чувствовалось, что она смиренно исполняет свою роль третьей супруги, которую выбрали из числа самых близких родственников, ибо Франции нужна была королева, а европейским дворам, казалось, уже надоело поставлять жен французским монархам. Во всем ее облике сквозила печаль. Она всматривалась в мужа, как бы стараясь и страшась увидеть на его лице следы знакомой ей одержимости, которая, видимо, составляла единственную тему их ночных бесед.

Настоящего короля Изабелла нашла в лице Карла Валуа. Узнав о прибытии своей племянницы, он тотчас же примчался во дворец, крепко сжал ее в своих объятиях и расцеловал в обе щеки. Изабелла сразу почувствовала, что власть находилась в этих руках и только в этих.

Ужин, на котором, кроме королевской четы, присутствовали графы Валуа и Артуа с супругами, граф Кентский, епископ Норич и лорд Мортимер, длился недолго. Король Карл Красивый любил ложиться рано.

Англичане удалились беседовать в апартаменты королевы Изабеллы. Когда они покинули ее покои, Мортимер слегка отстал от прочих, и Изабелла задержала его – только на минуту, по ее словам; ей нужно было передать ему послание.

Глава V

Соединенные кровью

Они потеряли счет времени. Хрустальный графин с густым вином, настоенным на розмарине, розовых лепестках и гранате, наполовину опустел; в камине догорали поленья.

Они не слышали даже заунывных криков караульных, каждый час разрывавших ночную тьму. Они все не могли наговориться, особенно королева, которой впервые за много лет не нужно было бояться, что за драпировкой притаился соглядатай, который донесет королю о каждом сказанном ею слове. Да, пожалуй, и раньше она никому так свободно не открывала свою душу; за эти годы она вообще забыла, что такое свобода. И не помнила она также, чтобы хоть раз мужчина слушал ее с таким интересом, отвечал так разумно, так щедро одаривал ее своим вниманием. Впереди у них было еще много дней, много досуга, чтобы беседовать без помех, но оба все никак не решались прервать разговор и расстаться до следующего дня. На них нашел стих откровения. Они переговорили обо всем: о положении в обоих королевствах, о мирном договоре, о письмах папы, об их общих врагах; Мортимер поведал о своем пребывании в тюрьме, о побеге, о жизни в изгнании, а королева – о своих муках и новых оскорблениях, нанесенных ей Диспенсерами.

Изабелла намеревалась оставаться во Франции до тех пор, пока Эдуард сам не приедет сюда, чтобы принести Карлу IV присягу верности; ей посоветовал так поступить Орлетон, с которым она тайком встретилась по пути из Лондона в Дувр.

– Вам не следует, мадам, возвращаться в Англию раньше, чем будут изгнаны Диспенсеры, – сказал Мортимер. – Вы не можете и не должны этого делать.

– Последнее время они терзали меня с вполне определенной целью, надеялись, что я не выдержу и совершу какое-нибудь безумство, взбунтуюсь, а они тут же обвинят меня в государственной измене и упрячут в отдаленный монастырь или замок, как и вашу супругу.

– Бедная моя Джейн, – проговорил Мортимер. – Сколько ей пришлось перенести из-за меня страданий!

И он встал, чтобы подбросить в камин новое полено.

– Она была мне настоящей опорой, – продолжала Изабелла. – Именно от нее я узнала, что вы за человек. Часто я клала ее спать рядом, так как боялась, что меня убьют. И она все время говорила мне о вас, только о вас... Я знаю вас лучше, чем вы думаете, лорд Мортимер.

На мгновение оба умолкли, словно ожидая чего-то, как бы стесняясь друг друга. Мортимер склонился к очагу, свет которого освещал подбородок с глубоким угибом, густые брови.

– Я убеждена, – вновь заговорила королева, – что, не будь войны в Аквитании, не будь письма от папы и этой моей поездки к брату, со мной случилась бы большая беда.

– Я знал, мадам, что иного средства не было. Поверьте, эта война против моей страны доставляла мне мало радости, и если я согласился принять в ней участие, командовать войском и выступить в роли предателя... Ибо стать мятежником, защищая свои права, – это одно, а перейти в армию противника – совсем другое...

До сих пор Аквитанская кампания лежала у него на душе тяжелым грузом, и он испытывал потребность оправдаться.

– ... то лишь потому, что, по глубочайшему моему убеждению, надеяться на ваше освобождение можно было только после поражения короля Эдуарда. И это я, мадам, замыслил вашу поездку во Францию и не покладая рук трудился над тем, чтобы она совершилась и вы оказались здесь.

Мортимер говорил дрожащим от волнения голосом. Изабелла сидела, полузакрыв глаза. Машинально она поправила одну из своих белокурых кос, которые, словно ручки греческой амфоры, обрамляли ее лицо.

– Что это за шрам у вас на губе? – спросила она. – Я раньше как-то не замечала его.

– Награда вашего супруга, мадам, метка, которую он оставил, дабы я запомнил его навсегда; а было это, когда меня, закованного в доспехи, свалили наземь его приверженцы в Шрусбери, где я познал горечь поражения. И тяжелее всего было не то, что я проиграл сражение, рисковал жизнью и был заточен в узилище, а то, что рухнула моя мечта прийти к вам как-нибудь вечером с головой Диспенсера в знак того, что битва, которую я дал ради вас, была как бы моей присягой на верность вам.

Все это не совсем соответствовало истине; желание сохранить свои владения и власть руководило бароном Уэльской марки, начавшим военные действия, не в меньшей степени, чем желание услужить королеве. Но сейчас Мортимер был искренне убежден, что действовал исключительно ради нее. И Изабелла верила этому; она так жаждала верить в это! Так долго лелеяла надежду, что в один прекрасный день некий рыцарь с оружием в руках будет отстаивать ее права! И вот этот рыцарь здесь, перед нею, она видела его большую худую руку, которая сжимала меч на поле брани, видела шрам на лице, легкий, но неизгладимый шрам от раны, полученной ради нее. Он казался ей героем, сошедшим в черном своем одеянии прямо со страниц рыцарского романа.

– Вы помните, друг Мортимер...

Она опустила слово «лорд», и Мортимер почувствовал такую радость, словно он вышел победителем в битве при Шрусбери.

– ... помните ли о рыцаре Граэленге?

Он нахмурил густые брови. Граэленг?.. Это имя он уже слышал, но не помнил, о чем говорилось в лэ.

– Я прочла ее в книге Марии Французской, которую у меня отняли, как, впрочем, и все остальное, – продолжала Изабелла. – Этот Граэлент был столь могучий, столь беззаветно преданный рыцарь и слава его была так велика, что царствовавшая в то время королева влюбилась в него, даже никогда его не видев. А когда он, по зову королевы, предстал перед нею, она обратилась к нему с такими словами: «Друг Граэлент, я никогда не любила своего супруга, но вас я люблю так, как только может любить женщина, и я ваша».

Изабелла дивилась собственной смелости и тому, что ей на память так кстати пришли слова, столь точно выражавшие ее чувства. Ей казалось, что собственный голос все еще продолжает звучать в ее ушах. Взволнованная, полная пламенной тревоги и смущения, ждала она ответа нового Граэлента.

«Уместно ли сейчас сказать ей, что я ее люблю?» – думал Роджер Мортимер, хотя понимал, что говорить ему следовало только о своей любви. Однако бывают такие положения, когда люди, свершающие на поле боя чудеса храбрости, теряются как дети.

– Любили ли вы когда-нибудь короля Эдуарда? – спросил он в ответ.

И этот вопрос обескуражил обоих, словно они упустили какой-то неповторимый случай. Неужели уж так необходимо говорить в такую минуту об Эдуарде? Королева слегка выпрямилась в своем кресле.

– Одно время мне казалось, что я его люблю, – проговорила она. – Я силилась принудить себя, я вступила в брак и, как большинство девиц, старалась уверить себя в чувстве к своему будущему супругу; но я быстро узнала цену человеку, с которым меня соединили! И сейчас я его ненавижу, ненавижу самой страшной ненавистью, которая угаснет лишь вместе со мной или с ним. Знаете ли вы, что в течение многих лет я думала, что я сама, мое тело может вызвать в мужчине лишь отвращение и что неприязнь Эдуарда ко мне порождена каким-то моим физическим пороком? И сейчас еще я иногда думаю так. И знаете, друг мой Мортимер, если уж признаваться вам до конца – впрочем, вашей супруге это хорошо известно! – то за пятнадцать лет Эдуард был в моей постели не более двадцати раз и только в дни, которые ему указывали одновременно его астролог и мой лекарь. Во время последних встреч с Эдуардом, когда была зачата наша меньшая дочь, он заставил меня терпеть присутствие Хьюга младшего в моей кровати; он сначала ласкал и целовал его, и только потом смог выполнить свой супружеский долг, да еще говоря при этом, что я должна любить Хьюга, как его самого, ибо они так связаны, что составляют как бы одно целое. Вот тогда-то я пригрозила ему написать обо всем папе...

Мортимер побагровел от ярости. Его честь и его любовь были оскорблены в равной степени. Нет, поистине Эдуард недостоин трона. Придет ли наконец тот день, когда можно будет крикнуть всем его вассалам: «Знаете, кто ваш сюзерен, смотрите, перед кем вы преклоняли колени, кому присягали в верности! Отрекитесь от клятв своих!» И нужно же было случиться, чтобы в мире, где существуют сотни неверных жен, этому человеку досталась супруга столь добродетельная, что она вопреки всему не уронила его чести! Разве не заслужил он того, чтобы она отдалась первому попавшемуся, лишь бы покрыть его позором?.. Но была ли она так уж непогрешимо верна своему долгу? Не удивительно, если, живя в одиночестве и в тоске, она тайком полюбила другого.

– И вы ни разу не принадлежали другому мужчине? – спросил он глухим голосом ревнивца, тем голосом, который так мил женщине и так волнует ее в момент зарождения страсти и который так надоедает и бесит в конце связи.

– Ни разу, – ответила она. – И даже вашему кузену, графу Артуа, который сегодня утром всячески хотел показать, что влюблен в вас?

Она пожала плечами.

– Вы знаете моего кузена Робера; он неразборчив. Королева или нищенка – ему все равно. Как-то очень давно, в Вестминстере, когда я рассказала ему о своем одиночестве,

он предложил утешить меня. Вот и все. Впрочем, разве вы не слышали, как он спросил: «Вы по-прежнему все так же целомудренны, кузина?» Нет, любезный Мортимер, сердце мое безнадежно пусто... и оно уже устало от этой пустоты.

– О, мадам! А я так долго не осмеливался сказать, что вы единственная женщина в мире, которая царит в моей душе! – воскликнул Мортимер.

– Правда, милый друг? И в самом деле это так долго?

– Думаю, мадам, что с первого дня, как я вас увидел. Но только в Виндзоре меня словно осенило, когда я заметил, как на глаза ваши навернулись слезы, ибо Эдуард обидел вас. Однако вы были так далеки, и не только потому, что вы королева; вас надежнее защищала не корона, а та холодность, с какой вы обычно держались. И потом рядом с вами находилась леди Жанна; она беспрестанно говорила мне о вас и вместе с тем была препятствием, мешавшим мне приблизиться к вам. Признаюсь вам, что, находясь в заточении, я каждое утро и каждый вечер думал о вас и первое, что я спросил после побега из Тауэра, было...

– Знаю, друг Роджер, знаю; епископ Орлетон сказал мне об этом. И как я радовалась тогда, что помогла вам бежать, отдав свои сбережения; радовалась не тому, что отдала золото, которое для меня ничто, радовалась тому, что пошла на риск, а риск был большой. После вашего побега мои мучители стали злобствовать еще сильнее...

В порыве благодарности Мортимер низко склонился перед королевой, почти стал на колени.

– А знаете, мадам, – сказал он серьезным тоном, – когда я ступил на землю Франции, я дал обет одеваться в черное до тех пор, пока не вернусь в Англию... и не прикасаться к женщинам, пока не освобожу вас и не увижу вновь.

Он несколько приукрасил данный себе обет и, желая подчеркнуть глубину своего чувства, объединил вместе королеву и королевство. Но в глазах Изабеллы он все больше и больше походил на Граэлента, Парсифаля, Ланселота...

– И вы сдержали свой обет? – спросила она.

– Как вы могли сомневаться в этом?

Она ответила ему благодарной улыбкой, ласковым взглядом огромных голубых глаз, повлажневших от прилива чувств, и протянула ему руку, хрупкую руку, которая, как птичка, скользнула в ладонь знатного барона. Потом их пальцы пошевелились, сплелись, слились воедино...

– Сожмите мою руку, сожмите сильнее, друг мой, – прошептала Изабелла. – Я тоже уже столько времени...

На мгновение она умолкла и затем проговорила:

– Как по-вашему, имеем ли мы право? Я обещала быть верной моему супругу, каким бы плохим он ни был. А вы? Ведь у вас жена, которую нельзя ни в чем упрекнуть. Мы связали себя брачными узами перед господом богом. И потом, я всегда сурово осуждала прегрешения других...

Пыталась ли она этим признанием защититься от себя же самой или хотела, чтобы он взял грех на себя?

При этих словах он поднялся с кресла.

– И вы и я, моя королева, вступили в брак против своей воли. Да, мы дали клятву, но не мы выбрали себе пару. Мы подчинились воле наших семей, а не велению сердец наших. А такие души, как наши, созданные друг для друга...

На мгновение он заколебался. Любовь, которая боится быть названной открыто, иной раз проявляет себя в самых странных поступках; желание идет к своей цели самым извилистым путем. Мортимер стоял перед Изабеллой, и они по-прежнему держали друг друга за руки.

– Хотите, моя королева, побрататься? – спросил он. – Согласны ли вы скрепить союз наших сердец кровью в знак того, что я навсегда стану вашей опорой, а вы – навсегда моей дамой?

Голос Мортимера дрогнул от внезапно охватившего его волнения, и трепет его передался королеве. Ибо то, что предлагал он, заключало в себе одновременно и колдовство, и страсть, и веру – некую смесь божественного и сатанинского, рыцарских обрядов и плотского наслаждения, слитых воедино. Речь шла о кровных узах, существовавших между соратниками и легендарными влюбленными, этот обычай тамплиеры принесли с Востока, из крестовых походов; это были также и любовные узы, объединявшие несчастливую в браке жену с избранным ею возлюбленным, причем сам обряд свершался иногда в присутствии мужа, при условии, что любовь останется целомудренной... или по крайней мере будет считаться таковой. Это была клятва плоти, более сильная, нежели клятва словесная; ее нельзя было нарушить, взять обратно или расторгнуть. Два человека, принесшие ее, тем самым считались связанными теснее, чем близнецы, вышедшие из одного чрева; то, чем владел каждый из них, становилось достоянием другого; они обязаны были защищать друг друга от всех бед и не имели права пережить один другого. «Они, видно, побратимы»^[25], – так говорили шепотом о некоторых парах, трепеща от страха и зависти.

– И я смогу тогда просить вас о чем угодно? – едва слышно промолвила Изабелла.

Вместо ответа он прикрыл веками свои серые глаза.

– Я весь ваш, – добавил он, помолчав. – Вы можете потребовать от меня все, что угодно. Сами же вы можете одаривать меня тем, чем сочтете нужным. Любовь моя будет такой, какой вы пожелаете. Я могу нагой лежать рядом с вами, обнаженной, и не прикоснусь к вам, если вы мне запретите.

На самом же деле их желания были совсем иные, но они, следуя установленной традиции, как бы выполняли торжественный ритуал. Влюбленный обязывался доказать свою душевную твердость и глубину своего уважения. Он соглашался пройти через это галантное испытание, срок коего определяла дама; от нее зависело, будет ли оно длиться бесконечно или от этого откажутся сразу. Рыцарь, перед тем как надеть доспехи, всю ночь молился и клялся защищать вдов и сирот, а нацепив шпоры и отправившись на войну, сразу же начал грабить, насиловать и жечь, своим мечом превращая сотни женщин во вдов, а детей в сирот!

– Вы согласны, моя королева? – спросил он.

Изабелла в свою очередь ответила ему легким движением век. Ни он, ни она никогда не совершали и даже не видели обряда побратимства и вынуждены были поэтому измышлять свою собственную церемонию.

– Из пальца, лба или сердца? – спросил Мортимер.

Можно было проколоть себе палец, по капле собрать кровь в чашу, смешать ее и выпить вместе. Можно было сделать надрез на лбу, там, где начинают расти волосы, и, прижавшись друг к другу головами, обменяться мыслями...

– Из сердца, – ответила Изабелла.

Он жаждал именно такого ответа.

Ночную тишину прорезал крик петуха, раздавшийся где-то совсем недалеко. Изабелла подумала, что занимающийся день будет первым днем весны.

Роджер Мортимер расстегнул камзол, сбросил его на пол, сорвал с себя рубашку и предстал перед Изабеллой с обнаженной, выпуклой грудью.

Королева расшнуровала корсаж, легким движением плеч сбросила его, открыв изящные белые руки и грудь – два розовых плода, грудь, которую не изуродовало четырехкратное материнство; в жесте ее чувствовалась гордость, решимость и вызов.

Мортимер вынул из-за пояса кинжал, Изабелла вытащила длинную булавку с жемчужиной на конце, которой были заколоты ее косы, и они, эти ручки античной амфоры, мягко упали ей на плечи. Глядя прямо в глаза королеве, Мортимер решительным движением рассек себе кожу, и между русыми волосами, курчавившимися на груди, побежала тонкая алая струйка. Изабелла таким же решительным жестом уколола себя булавкой под левую грудь и оттуда, словно сок из спелого плода, закапала кровь. Скорее от страха перед болью, нежели от самой боли, у нее чуть дрогнули уголки губ. Затем они подошли ближе друг к другу. Приподнявшись на цыпочки, Изабелла прижалась грудью к могучему мужскому торсу так, что обе их раны слились в одну. Каждый остро ощущал близость чужого тела, к которому прикасался впервые, и теплоту крови, принадлежавшей отныне им обоим.

– Друг, – сказала она, – возьмите мое сердце, а я возьму ваше, ибо я живу только им.

– Я возьму его, дорогая, пусть оно бьется в груди вместо моего, – ответил он.

Они не могли оторваться друг от друга, затянув до бесконечности этот ни на что не похожий поцелуй, где вместо губ соприкасались раны. Их сердца бились в унисон, бились неистово, безудержно, и каждый удар сердца отдавался в груди другого. После трех лет целомудренной жизни Мортимера и пятнадцати лет, которые провела Изабелла в ожидании любви, комната поплыла перед их глазами.

– Обними меня крепче, друг, – прошептала она.

Ее уста приблизились к белому шраму, рассекавшему губу Мортимера, и рот с мелкими, как у зверька, зубами приоткрылся, словно готовясь укусить.

* * *

Английский бунтовщик, бежавший из Тауэра, могучий сеньор Уэльской марки, бывший наместник Ирландии лорд Мортимер барон Вигмор, ставший два часа назад любовником королевы Изабеллы, не помня себя от гордости и счастья, весь во власти грез, спустился по особой лестнице, предназначенной для прислуги.

Королеве не спалось. Может быть, позже ее и сморит усталость, но сейчас она была ослеплена, ошеломлена, как будто в ней продолжала бешено вращаться некая комета. Растерянно и благодарно смотрела она на измятую, опустевшую постель и упивалась внезапно открывшимся ей, неведомым ранее счастьем. Чтобы сдержать крик счастья, ей – кто бы поверил? – пришлось впиться зубами в плечо мужчины. Раскрыв размалеванные ставни, она стояла у окна. Сквозь утреннюю дымку над Парижем подымалась волшебная заря. Неужели Изабелла прибыла сюда только вчера вечером? Да и существовала ли она до этой ночи? Неужели это был тот самый город, где протекло ее детство? На ее глазах рождался новый мир.

Под стенами дворца текли серые воды Сены, а на другом берегу возвышалась старая Нельская башня. Вдруг Изабелла вспомнила свою невестку Маргариту Бургундскую. Ее охватил ужас. «Что я наделала тогда! – подумала она. – Что я наделала!.. Если бы я только знала!»

Все влюбленные женщины с первого дня сотворения мира и женщины, живущие сейчас в любом уголке земли, казались ей сестрами, избранными созданиями. А покойная Маргарита, которая крикнула ей после суда в Мобюиссоне: «Я познала такое наслаждение, перед которым ничто все короны мира, и я ни о чем не жалею!» Сколько раз Изабелла вспоминала этот крик, не понимая его смысла. А в это утро, в утро новой весны, она наконец поняла его, познав силу мужской любви, радость отдавать себя всю и получать взамен все. «Сегодня я бы не выдала ее ни за что на свете!» И то, что она раньше считала со своей стороны проявлением царственной справедливости, вызывало теперь у нее стыд и угрызения совести, словно это был единственный грех, который она совершила за всю свою жизнь.

Глава VI

Этот благодатный год, год 1325

Весна 1325 года стала для королевы Изабеллы порой очарования. Ее восхищало утреннее солнце, игравшее на крышах домов; в садах щебетало множество птиц; колокола всех церквей, всех монастырей и даже большой колокол Собора Парижской Богоматери, казалось, отбивали часы счастья. Звездные ночи были полны благоухания сирени.

Каждый день приносил свою долю удовольствий: состязания на копьях, турниры, загородные прогулки, охота. Благополучием дышал даже столичный воздух, разжигая вкус к развлечениям. На публичные увеселения щедро отпускались средства, хотя бюджет казны за предыдущий год был сведен с дефицитом в тринадцать тысяч шестьсот ливров, причиной чему, по всеобщему мнению, была Аквитанская кампания. Для того чтобы пополнить казну, епископов Руана, Лангра и Лизье обложили штрафом в размере, соответственно, двенадцати, пятнадцати и пятидесяти тысяч ливров за насилия, учиненные ими в отношении членов их капитулов и слуг короля; итак, эти излишне властолюбивые прелаты покрыли расходы на войну. А кроме того, ломбардцев еще раз принудили раскошелиться и заплатить за право заниматься своим ремеслом.

Так оплачивалась роскошь двора; и все жадно тянулись к развлечениям ради удовольствия покрасоваться перед другими. И все, начиная со знати, а за ней горожане и даже простой люд, стремясь скрасить жизнь, тратили чуть больше того, чем позволяли средства. Бывают порой такие годы, когда словно сама судьба улыбается, наступает передышка, отдых от тягот повседневной жизни... Продают и покупают вещи, которые принято называть излишней роскошью, как будто может быть излишним стремление наряжаться, обольщать, одерживать, победы, предаваться любви, вкушать редкостные блюда – плод человеческой изобретательности, пользоваться всем тем, что провидение и природа дали человеку, дабы мог он вволю насладиться своим исключительным положением во вселенной.

Многие, конечно, жаловались, но не на то, что они жили в нужде, а на то, что не могли удовлетворить всех своих желаний. Жаловались на то, что не столь богаты, как первые богачи, и не имеют столько, сколько имеют те, у кого есть буквально все. Погода стояла на редкость ясная, торговля процветала как никогда. От крестового похода отказались; не было больше разговоров об увеличении войска или о снижении курса ливра до анъеля. Малый совет занимался вопросом о сохранении рыбных богатств в реках; а на берегах Сены, усевшись рядком, грелись на майском солнце рыболовы с удочками.

Даже воздух в эту весну был напоен любовью. Уже давно не справляли столько свадеб, никогда еще не появлялось на свет столько внебрачных детей. Девушки были сметливы и податливы, юноши предприимчивы и хвастливы. Как ни старались чужестранцы, им все равно не удавалось объять всех чудес столицы Франции, отведать всех вин, подаваемых в харчевнях, а ночи были слишком коротки для того, чтобы испытать все удовольствия, которые предлагал Париж.

О, еще долго будут вспоминать эту весну. Разумеется, люди болели, оплакивали умерших, матери провожали на кладбище своих младенцев, были парализованные, были обманутые мужья, поносившие легкость нравов, были ограбленные лавочники, обвинявшие стражу в том, что она плохо несет караул; люди слишком жадные или чересчур беззаботные разорялись, пожары лишали семьи очага; случались и преступления, но все это было, так сказать, неизбежными бедами в жизни, и повинны в них не были ни король, ни его Совет.

В действительности же это благоденствие было плодом счастливого и мимолетного стечения обстоятельств, и пользовались им все те, кому довелось жить в 1325 году, быть молодым или зрелым, или просто-напросто обладать здоровьем. И было непростительной

глупостью не оценить этого благодеяния и не возблагодарить господина за то, что он ниспослал его вам. Парижане еще полнее предавались бы наслаждениям этой весны 1325 года, если бы знали, как придется им прожить остаток дней своих! Вряд ли кто-нибудь поверил бы, даже дети, зачатые в эти чудесные месяцы в благоухавших лавандой постелях, не поверили бы этой сказке, если бы им ее рассказали. Тысяча триста двадцать пятый! Чудесный год, но как мало требовалось времени, чтобы о нем осталось лишь воспоминание как о «счастливым времени».

Ну а королева Изабелла? Королева Англии словно воплощала в себе все женское очарование и все радости жизни. Ее провожали взглядом не только потому, что она была английской королевой, не только потому, что она была дочерью великого короля, о чьих финансовых эдиктах, кострах и наводящих ужас процессах уже забыли, но зато помнили об указах, принесших королевству мир и мощь, – ее провожали взглядом потому, что она была прекрасна и казалась преисполненной счастья.

В народе говорили, что ей больше подошла бы корона, чем ее брату Карлу Красавчику, весьма любезному государю, но слишком недалекому, и люди спрашивали себя, так ли уж хорош был закон, принятый Филиппом Длинным, лишивший женщин права престолонаследия. Ну и глупцы, должно быть, эти англичане, если они причиняют неприятности такой славной королеве!

В свои тридцать три года Изабелла была столь ослепительно хороша, что ни одна даже самая юная дева не могла соперничать с нею. Самых прославленных красавиц Франции затмевало одно присутствие Изабеллы. И все французские кокетки мечтали походить на нее, шили такие же платья, подражали ее жестам, ее взглядам и улыбке, так же укладывали косы.

Влюбленную женщину легко угадать по походке даже со спины; плечи, бедра, поступь Изабеллы – все выражало счастье. Ее почти всегда сопровождал лорд Мортимер, который сразу же после прибытия королевы завоевал сердца парижан. Люди, которые еще в прошлом году считали его чересчур хмурым, надменным и слишком гордым для изгнанника, которые даже в его добродетели усматривали молчаливый упрек, те же самые люди вдруг обнаружили в Мортимере редкий характер, необыкновенное обаяние – словом, человека, достойного всяческого восхищения. Его черный наряд, украшенный лишь несколькими серебряными пряжками, перестал казаться зловещим – просто человек упорно носит траур по своей утраченной родине.

Хотя Мортимер и не занимал никаких должностей при дворе английской королевы, ибо это было бы слишком явным вызовом по отношению к королю Эдуарду, на самом деле именно он руководил переговорами. Епископ Норич находился под его влиянием; Джон Кромвелл при всяком удобном случае заявлял, что с бароном Вигмором обошлись несправедливо и что со стороны английского короля было безумием оттолкнуть от себя столь выдающегося человека; граф Кентский окончательно проникся к Мортимеру дружескими чувствами и ничего не решал, не посоветовавшись с ним. Да и из самой Англии до Мортимера доходили вести, свидетельствующие о том, что его считают подлинным вождем партии, борющейся против Диспенсеров.

Все знали и считали вполне естественным, что лорд Мортимер после ужина остается у королевы, которая, по ее собственным словам, держала с ним совет. Каждую ночь, выходя из апартаментов Изабеллы, он будил Огля, бывшего брэдоброя Тауэра, ставшего ныне его камердинером, который в ожидании хозяина дремал на сундуке. Они переступали прямо через слуг, спавших в коридорах на каменных плитах, но те настолько привыкли к их шагам, что даже не открывали глаз, чтобы взглянуть на ночных гостей.

Мортимер возвращался в свое жилище в Сен-Жермен-де-Пре, где его встречал светловолосый, розовощекий и предупредительный Элспей, которого он считал – о святая наив-

ность влюбленных! – единственным человеком, посвященным в тайну его связи с королевой. На обратном пути он шагал как победитель, вдыхая свежий предрассветный воздух.

Было решено, что королева вернется в Англию только тогда, когда сможет вернуться и он сам. Связь между ними, скрепленная клятвой, с каждым днем, с каждой ночью становилась все теснее и крепче, а маленький белый след на груди Изабеллы, к которому Мортимер, как бы совершая обряд, прикасался перед разлукой губами, был наглядным свидетельством того, что отныне они вверили друг другу свои судьбы.

Пусть женщина даже королева, любовник всегда будет ее повелителем; Изабелла Английская, способная одна, без поддержки, противостоять семейным неурядицам, изменам короля и ненависти двора, начинала трепетать, когда Мортимер клал руку ей на плечо, у нее падало сердце, когда он выходил из ее опочивальни, и она ставила свечи в церквах, дабы возблагодарить бога за то, что он послал ей такой чудесный грех. Если Мортимер отсутствовал хотя бы час, она мысленно усаживала его в самое удобное кресло и тихонько беседовала с ним. Каждое утро, прежде чем кликнуть своих придворных дам, она хоть на минуту занимала то место в кровати, которое покинул ее любовник. Одна матрона поведала ей кое-какие секреты, весьма полезные для дам, искавших удовольствия вне брака. При дворе сплетничали о связи королевы с Мортимером, но никто не видел в том ничего худого, ибо то, что Изабелла была от любви на седьмом небе, казалось всем справедливым возмещением за все ее муки.

Предварительные переговоры затянулись, и только 31 мая между Изабеллой и ее братом – причем Эдуард согласился на это скрепя сердце – был наконец подписан договор, по которому Англия сохраняла свой Аквитанский домен, но без Ажене и Базаде, то есть областей, занятых французской армией в предыдущем году; кроме того, английский король должен был выплатить шестьдесят тысяч ливров... Тут Валуа наотрез отказался идти даже на малейшие уступки. Понадобилось посредничество папы, для того чтобы прийти к соглашению, которое, как неременное условие, предусматривало приезд Эдуарда во Францию, где он должен был принести присягу верности; однако это ничуть ему не улыбалось не только по соображениям престижа, но и по соображениям личной безопасности. В конце концов решили прибегнуть к уловке, которая, по-видимому, удовлетворяла всех. Было условлено, что для принесения присяги будет назначен определенный день, но затем, в последнюю минуту, Эдуард скажется больным, что, впрочем, вряд ли будет ложью, ибо, как только речь заходила о его поездке во Францию, на него нападал странный недуг: он тревожился, бледнел, начинал задыхаться, прислушивался к учащенному биению сердца и часами лежал, тяжело дыша. Король передаст своему старшему сыну, юному принцу Эдуарду, титул и владения герцога Аквитанского и пошлет его вместо себя для принесения присяги.

Каждый считал, что выигрывает от этой комбинации. Эдуард избавлялся от необходимости совершить путешествие, при одной мысли о котором его охватывал страх, Диспенсеры могли не бояться утратить свое влияние на короля. Королева вновь соединялась со своим горячо любимым сыном, в разлуке с которым она, несмотря на свое увлечение, очень страдала. Мортимер понимал, как выгодно для его будущих планов присутствие наследного принца среди сторонников королевы.

А сторонников ее собиралось во Франции все больше и больше. Эдуард только дивился тому, что многим его баронам в конце весны вдруг понадобилось посетить свои французские владения, и он сильно обеспокоился, узнав, что ни один из них не вернулся назад. Со своей стороны Диспенсеры держали в Париже с десяток соглядатаев, доносивших Эдуарду о поведении графа Кентского, о близости Мальтраверса с Мортимером, о той оппозиции, что группировалась при французском дворе вокруг королевы. Официально переписка между двумя супругами велась в весьма учтивом тоне и, объясняя в пространных посланиях причины затяжки переговоров, Изабелла называла Эдуарда «нежно любимый». Но Эдуард отдал при-

каз адмиралам и шерифам портов перехватывать, невзирая на лица, всех посланцев, всех гонцов с письмами королевы, епископа Норича или любого лица из их окружения. Этим посланцев должны были доставлять королю под надежной охраной. Но разве можно было перехватать всех ломбардцев, перевозивших заемные письма из одной страны в другую?

Однажды, когда Мортимер прогуливался в Париже по кварталу Тампль в сопровождении лишь Элспей и Огя, его едва не убило каменной глыбой, свалившейся со строившегося здания. Он спасся только потому, что глыба, падая, с грохотом ударилась о балку строительных лесов. Он счел это обычным уличным происшествием, но тремя днями позже, когда он выезжал от Робера Артуа, перед самой мордой его лошади упала огромная лестница. Мортимер решил потолковать об этом с Толомеи, знавшим лучше чем кто-либо другой тайную жизнь Парижа. Сиеннец вызвал одного из руководителей братства каменщиков Тампля, которые, несмотря на роспуск ордена, сохранили свои льготы. И покушения на Мортимера прекратились. Более того, теперь, едва завидев одетого в черное английского сеньора, каменщики, сняв шапки, почтительно приветствовали его с высоты лесов. Тем не менее Мортимер взял за правило выходить только с усиленным эскортом и, боясь отравы, заставлял проверять свое вино рогом нарвала. Нищих, живших на подачки Робера Артуа, просили следить за всем происходившим на улицах и прислушиваться к разговорам. Угроза, нависшая над Мортимером, только усилила любовь, которую питала к нему королева Изабелла.

Но вот внезапно в начале августа, незадолго до срока, намечаемого для принесения присяги англичанами, его высочество Валуа в возрасте пятидесяти пяти лет, так твердо забравший власть в свои руки, что его обычно называли «вторым королем», был сражен неожиданным недугом.

Уже в течение нескольких недель он находился в гневливом состоянии и раздражался по любому пустяку, особенно же сильную ярость, перепугавшую всех его близких, вызвало неожиданное предложение короля Эдуарда поженить их самых младших детей – Людовика Валуа и Иоанну Английскую, которым было около семи лет. Возможно, Эдуард понял, правда с запозданием, что совершил оплошность, отказавшись два года назад женить своего старшего сына на дочке Валуа, а возможно, он рассчитывал таким путем втянуть своего будущего свата в игру и отторгнуть его от партии королевы. Во всяком случае, его высочество Карл принял это предложение самым удивительным образом: расценив шаг Эдуарда как вторичное оскорбление, он впал в такое неистовство, что перебил все, что попало под руку – а это было не в его привычках. В лихорадочном возбуждении вершил он государственные дела; то его выводила из себя медлительность, с какой парламент принимал решения, то он затевал спор с Милей де Нуайэ по поводу отчетов, представляемых Счетной палатой, и тут же начинал жаловаться, что устал от всех своих обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вот уже два часа, как взошло солнце над самой прославленной крепостью Англии... – Тауэр еще в XIV в. представлял собой восточную границу Лондона и даже был отделен от Сити, то есть собственно города, монастырскими садами. Современный мост Тауэр-бридж, разумеется, не существовал; единственный лондонский мост был тогда перекинут через Темзу выше Тауэра по течению.

2.

Констебль. – Слово «констебль» (constable), искаженное «коннетабль» (connetable), которое обозначает в наши дни офицера полиции, было официальным титулом коменданта Тауэра. Констеблю помогал бывший у него в подчинении лейтенант. Эти две должности, впрочем, существуют и поныне, но стали чисто почетными – на них назначаются прославившие себя военные в конце карьеры. Действительные функции коменданта Тауэра в наши дни осуществляет майор*, который тоже является генералом. Как видим, в званиях тут полная противоположность тому, что наблюдается в армии.

3.

...он перебил целую армию короля Франции. – В 1054 г., против короля Генриха I Французского. Роджер I Мортимер, внук Херфаста Датского, был племянником Ричарда I Бесстрашного, третьего герцога Нормандского, деда Вильгельма Незаконнорожденного, то есть Вильгельма Завоевателя.

4.

Один шиллинг! – Шиллинг в ту эпоху был денежной единицей, но не монетой в собственном смысле слова. То же самое с фунтом и маркой. Самой крупной из ходивших тогда монет был пенни. Надо ждать царствования Эдуарда III, чтобы увидеть появление золотых монет – флоринов и ноблей. Серебряный шиллинг начнут чеканить только в XVI в.

5.

...на этой стороне крепости. – Очень вероятно, в башне Бичем (Beauchamp), которая, правда, еще не носила это название. Она стала так называться лишь с 1397 г., из-за заточенного в ней Томаса Бичема, графа Уорвика, который был – любопытное совпадение – внуком Роджера Мортимера. Башня, построенная при Эдуарде II, во времена Мортимера была совсем недавним сооружением.

6.

А когда парламент собрался, вопрос этот даже не поставили. – Наименование «парламент», означающее, собственно, «собрание», прилагается и во Франции, и в Англии к учреждениям общего происхождения (поначалу это было расширением *curia regis*), но вскоре принявшим совершенно разные формы и полномочия.

7.

Неужто это можно назвать изменой? – В 1318 г., то есть пятью годами раньше, Роджер Мортимер из Уигмора, назначенный Верховным судьей и наместником английского короля в Ирландии, разбил, командуя войском баронов Марки, Эдуарда Брюса, короля Ирландии и брата короля Роберта Брюса Шотландского. Захват и казнь Эдуарда Брюса отметили конец ирландского королевства. Но английская власть там еще долго не могла установиться.

8.

Скорее уж они выступили, отстаивая право на графство Глостер... – История с графством Глостер, весьма темная и запутанная, родилась из невероятных притязаний, заявленных на него Хьюгом Диспенсером-младшим, не имевшим ни малейшего шанса, не будь он фаворитом короля. Хьюг-младший, не удовлетворившись получением Гламоргана как части приданого своей жены, потребовал в обход шуринов, и в частности Мориса Беркли, все владения покойного графа, своего тестя. Против этого ополчилась вся знать запада Англии, и Томас Ланкастер возглавил оппозицию с тем большим пылом, что в стане противников находился его злейший враг, граф Уоренн, похитивший его молодую жену, красавицу Элис. Диспенсеры, на некоторое время изгнанные постановлением парламента, принятым под давлением вооруженных сторонников Ланкастера, вскоре вернулись назад, поскольку Эдуард не мог жить ни без своего любовника, ни под опекой своего кузена Томаса. Возвращение Диспенсеров к власти стало поводом для возобновления смуты. Но Томас Ланкастер, столь же незадачливый в войне, как и в браке, весьма плохо руководил коалицией. Не придя вовремя на помощь баронам Валлийской марки, он позволил разбить их в январе 1322 г. на западе, при Шрусбери, где в плен попали оба Мортимера, а сам, напрасно ожидая в Йоркшире шотландских подкреплений, был разбит через два месяца при Боробридже и сразу после этого приговорен к смерти.

9.

...он, несомненно, успеет за это время покинуть пределы королевства. – Поручение епископу Эксетерскому датируется согласно Calendar of close rolls 6 августа 1323 г. По поводу дела Мортимера были отправлены и другие приказы, в частности, 10 августа шерифам графства Кент, а 26 августа самому графу Кентскому. Непохоже, чтобы король Эдуард узнал раньше 1 октября, куда направился беглец.

10.

Это было собрание лэ Марии Французской... – Мария Французская, старейшая из французских поэтесс, жила во второй половине XII в. при дворе Генриха II Плантагенета, куда была привезена или призвана Алиенорой Аквитанской, неверной государыней (по крайней мере, по отношению к своему первому супругу, королю Франции), но наверняка великолепной и создавшей вокруг себя в Англии настоящий центр искусства и поэзии. Алиенора сама была внучкой поэта, герцога Гийома IX.

11.

...обосновался здесь, на Ломбардской улице, и открыл собственный банк. – Компания Толомеи, один из самых значительных сиенских банков наряду с компанией Буонсиньори, приобрела большую силу и известность с начала XIII в. Ее главным клиентом было папство; основатель банка, Толомео Толомеи, участвовал в посольстве к Папе Александру III. При Александре IV Толомеи стали исключительными банкирами Святого престола. Урбан IV номинально исключил их из общего отлучения, направленного против Сиены между 1260 и 1273 гг. Примерно в это же время (конец царствования Людовика Святого, начало царствования Филиппа III) Толомеи начали появляться на больших ярмарках в Шампани; тогда же Спинелло основал французскую ветвь компании. В Сиене до сих пор существуют площадь и палаццо Толомеи.

12.

Доход от этой операции поделим пополам, – Указ Карла IV о запрещении вывоза французской монеты был, несомненно, случаем спекуляции, потому что другой указ,

опубликованный через четыре месяца, запрещал покупать золото и серебро по более высокому курсу, нежели денежный курс королевства. Год спустя у итальянских купцов были отняты права прочей буржуазии; правда, это не означает, что им пришлось покидать Францию, просто их вынуждали еще раз выкупать разрешение на коммерцию.

13.

...возвел в канцлеры одного из своих подопечных, Жана де Шершемона, – 19 ноября 1323 г. Жан де Шершемон, сеньор де Венур из Пуату, каноник собора Парижской Богоматери, казначей Ланского собора, уже был канцлером в конце царствования Филиппа V. Карл IV, взойдя на престол, заменил его Пьером Ро-дье. Но граф Карл де Валуа, чье благорасположение он, видимо, сумел приобрести, вновь назначил его в этот день на прежнюю должность.

14.

Из которых триста тысяч ливров уже обещаны любезному дядюшке Карлу Валуа... – Порядок, предложенный Папой после заседания Королевского совета в Жизоре в июле 1323 г., предусматривал, что королю полагается 300 000 ливров из 400 000 ливров побочных расходов. Но было также оговорено, – и тут торчат уши Валуа – что, если король Франции по какой бы то ни было причине не возглавит экспедицию, эта роль по праву перейдет к Карлу де Валуа, который тогда в личном порядке получит предоставленные Папой субсидии.

15.

...тянувшейся сто лет войне. – Обычно забывают, что у Франции с Англией были две столетние войны. Окончанием первой (1152–1259) считается заключение Парижского договора между Людовиком Святым и Генрихом III Плантагенетом, хотя между 1259 и 1338 гг. обе страны еще два раза вступали в вооруженный конфликт, и по-прежнему из-за Аквитании (в 1294-м и, как увидим, в 1324 г.). Во второй же Столетней войне, начавшейся в 1328 г., предметом спора будет уже не Аквитания, но наследование французского престола.

16.

...с тем чтобы разместить в ней крупный гарнизон, отчасти угрожающий окрестностям? – Это пример крайней запутанности, к которой пришла феодальная система, которую обычно полагают весьма простой; она и в самом деле была таковой, пока не задохнулась в противоречиях, порожденных ее же применением. Надо вполне сознавать, что вопрос о Сен-Сардосе, или Аквитанское дело, был, по сути, не исключением, то же самое случилось с Артуа, с Фландрией, с Валлийской Маркой, с испанскими королевствами, с Сицилией, с немецкими княжествами, с Венгрией – со всей Европой.

17.

В одном Париже насчитывалось триста тысяч душ... – Эти цифры рассчитаны историками на основании документов XIV в. Исходя из количества приходов и умерших на один приход получается в среднем по одному умершему на четырех живых, что вполне соотносится с периодом около 1328 г.

18.

...первый пушечный выстрел. – Наши читатели будут, наверное, удивлены использованием «огненных жерл» при осаде Ла Реоля в 1324 г. В самом деле, появление пороховой артиллерии традиционно относят лишь к 1346 г., к битве при Креси. На самом же деле

Креси было лишь первым сражением, когда артиллерия использовалась в чистом поле, против движущегося противника. Речь, впрочем, шла лишь об орудиях относительно малого калибра, которые не произвели ни больших разрушений, ни большого впечатления. Некоторые французские историки преувеличили их эффект, желая объяснить разгром, вызванный скорее пылкой глупостью короля Филиппа IV и его баронов, нежели использованием против них нового оружия.

19.

...не будь Филиппа Красивого, который принудил пап обосноваться в Авиньоне? – Напомним, что король Франции не был в ту эпоху сюзереном Авиньона. В самом деле, Филипп Красивый позаботился уступить свои права на Авиньон королю Неаполитанскому, чтобы не казалось, будто Папа находится под его прямой опекой. Но с помощью гарнизона, размещенного в Вильневе, и благодаря географическому положению папской резиденции он держал Святой престол и всю церковь под крепким надзором.

20.

...клялись выбрать другого Папу... – Что и впрямь случилось семь лет спустя, в 1330 г., когда римляне избрали антипапу Николая V.

21.

...с лазурными потолками, усеянными звездами, как ночное небо. – Папский дворец, каким мы его знаем, весьма отличается от замка Иоанна XXII, от которого осталось лишь несколько элементов в той части, которую называют «старым дворцом». Огромное здание, составившее известность Авиньона, в основном является произведением пап Бенедикта XII, Клементя VI, Иннокентия VI и Урбана V. Постройки Иоанна XXII были полностью переделаны и до такой степени поглощены новым ансамблем, что почти исчезли. Тем не менее истинным основателем Папского дворца был Иоанн XXII.

22.

...для обоснования и оправдания предрозостных положений главы христианского мира. – Сын булочника из Фуа в Арьеже, наперсник Папы Иоанна XXII, Жак Фурнье сам через десять лет станет Папой под именем Бенедикта XII.

23.

...словно диковинные цветы мелькали яркие птицы. – Иоанн XXII, любивший экзотических животных, и в своем дворце завел зверинец, содержавший льва, двух страусов и верблюда.

24.

Была ли Маго крестной матерью Карла? – Вопрос и в самом деле стоил того, чтобы его задать, поскольку государи и принцы средних веков часто имели по шесть и даже по восемь крестных отцов и матерей. Однако по каноническому праву таковыми признавались только те, кто действительно держал ребенка над купелью. Документы, касающиеся расторжения брака между Карлом IV и Бланкой Бургундской, которые хранятся в отделе рукописей Национальной библиотеки, особенно богаты сведениями о религиозных церемониях в королевских семействах. Присутствовавшая на них публика была многочисленной и очень смешанной: мелкий люд теснился как на дармовом зрелище, а совершавших обряд служителей культа толпа чуть не душила. Столпотворение и любопытство были такими же, как на свадьбах современных кинозвезд, и точно так же никакого благоговения не было и в помине.

25.

Они, видно, побратимы... – Братание посредством смешивания крови, практиковавшееся с глубочайшей древности, с эпохи так называемого первобытного строя, еще было в ходу в конце средних веков. Оно существовало в исламе; наблюдалось и среди дворянства Аквитании, быть может, по традиции, оставленной от мавров. Его следы попадаются в некоторых показаниях процесса тамплиеров. Похоже, что этот обычай сохранился как средство против колдовства и в некоторых цыганских племенах. Братание могло скрепить заключение дружбы, компаньонаж или узы любви – не только духовной. Самые известные союзы такого рода, описанные в средневековой рыцарской литературе, были заключены Жираром Руссильонским и дочерью императора Византии (в присутствии их будущих супругов), рыцарем Говеном, графиней де Ди, знаменитым Персивалем.